РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В БРИТАНИИ

**При поддержке Посольства России в Великобритании
и Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом**

Современная Экономика и Право
2009

УДК 008
ББК 71
Р 89

Составители: *Н.В. Макарова и О.А. Моргунова (Петрунько)*

Научный консультант: *проф. Э. Кросс*

Р 89 **Русское присутствие в Британии**/Серия «Русское присутствие в Британии». М.: Современная экономика и право, 2009. – 272 с.

ISBN 978-5–8411–0277–9

Книга посвящена вопросам наследия российской культуры и российской диаспоры в Великобритании, а также влияниям, которые русская культура оказала на британскую, в том числе благодаря присутствию в этой стране россиян и эмигрантов из России. Это первый сборник под эгидой проекта «Русское присутствие в Британии».

В книге собраны статьи Э. Кросса, Р. Блейскли, О. Казниной, В. Керова, Е. Рогачевской, Д. Сондерса, Р. Хендерсона, В. Шестакова и других известных российских и британских исследователей, а также мемуары Д. Ганна, К. Хантер-Блэр-Стидуорти, Н. Толстого-Милославского. Книга иллюстрирована фотографиями из частных коллекций и материалами из архивов Британской библиотеки, Пушкинского Дома (Лондон), Маркс мемориал лайбрари, Дорич-хаус и других.

Для специалистов и широкого круга читателей.

УДК 008
ББК 71

ISBN 978-5–8411–0277–9

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ЮРИЯ ВИКТОРОВИЧА ФЕДОТОВА

Уважаемые Читатели,

Вы держите в своих руках книгу «Русское присутствие в Британии» – сборник материалов, рассказывающих о многих людях, явлениях и событиях, в которых отразилось взаимовлияние российского и британского народов за несколько сотен лет – от эпохи Петра I до наших дней. Эта книга выделяется на фоне многих подобных изданий своим научным подходом и тем, что для ее создания объединили силы авторы из Великобритании (как британцы, так и живущие здесь россияне) и России.

В сборнике вы найдете статьи на самую разную тематику, создающие мозаичную картину и дающие представление о том, какой глубокий след наши соотечественники оставили в британской истории: в британскую и мировую науку внесли вклад многочисленные ученые из России, русская музыка и литература влияли на культуру Британии, русские церковные песнопения заимствовались англиканской церковью. Немало выходцев из нашей страны добились признания здесь, сохраняя и преумножая родную культуру, не отказываясь от нее, даже если, как это было с эмигрантами первой волны, мечта о возвращении на Родину была для них в то время неосуществимой. У россиян, живущих сейчас в Великобритании, есть достаточно поводов гордиться своими предшественниками и следовать их примеру, уважая народ и обычаи Британии, но в то же время не отрываясь от своих корней. Существующие сейчас объединения соотечественников делают много для того, чтобы русское присутствие в Великобритании ассоциировалось только с положительными явлениями и укреплялось, и мы в меру своих возможностей поддерживаем их в этом.

Двадцать первый век принес беспрецедентный рост числа контактов между людьми благодаря техническому прогрессу и политическим изменениям в мире. Растет число наших соотечественников в Великобритании, немало британцев работает в нашей стране, а в туристические, деловые, образовательные и спортивные обмены ежегодно вовлекаются до полумиллиона человек – цифра, о которой никто не мог подумать еще 20 лет назад. Эти контакты, несомненно, способствуют лучшему пониманию гражданами одной страны народа и культуры другой. Человек, своими глазами видевший жизнь в другой стране, будет менее восприимчив к штампам недобросовестной пропаганды. Можно с полным правом говорить о тенденции к взаимопроникновению культур, и его пионерами были герои этой книги.

Для двусторонних отношений России и Великобритании важно поддержание контактов на всех уровнях – от встреч первых лиц государства до поездок спортивных болельщиков, и мы убеждены, что их расширение само по себе является важной задачей для дипломатов двух стран. Думаю, что новые доказательства этого предоставит своим читателям сборник «Русское присутствие в Британии».

ВЕК ЗА ВЕКОМ

НАЧАЛО: РУССКИЕ В БРИТАНИИ

Энтони Кросс

Трудно с уверенностью назвать имя первого русского, ступившего на землю Британии. Между Киевской Русью и англосаксонской Британией, без сомнения, существовали ранние связи. История донесла до нас имя одного из первых прибывших из России – раввина Иса, или Исака, приехавшего в Британию из Чернигова в 1181 году. Однако историки традиционно относят установление прочных контактов между Англией и Московией к середине XVI века – вследствие счастливого случая – «открытия» России Ричардом Ченслором[1] в 1553 году. Обмен посольствами во времена правления Елизаветы I и Ивана IV закрепил в британском сознании Московию с некоторыми сопутствующими ассоциациями в виде диковинных обычаев, причудливой одежды, лютых холодов и бесчисленных медведей. В ту эпоху воображение Шекспира и его товарищей по перу питали побасенки «бывалых путешественников», а присутствие на улицах Лондона русских послов и их свиты в экзотических одеяниях являлось живым доказательством необычности Московского царства[2].

Хотя на протяжении XVII века в Британии случалось найти приют беглым крепостным, но все же главной возможностью, пусть для очень ограниченного числа русских, побывать в Англии были нерегулярные посольские миссии. Значительным событием стал приезд первых русских студентов: в 1602 году четверо молодых людей прибыли в Лондон из России в рамках задуманного Борисом Годуновым важного плана – создать ядро дипломатического корпуса из образованных россиян. В целом эксперимент Бориса Годунова оказался благородным, но неудачным начинанием. Студентам предписывалось учиться в ведущих учебных заведениях Оксфорда и Кембриджа, но, судя по всему, лишь один из приехавших вы-

полнил это предписание. Микифор Олферьев сын Григорьев, или, как стали называть его в Англии, Микифер Алфери, стал первым в истории русским, получившим степень в Кембриджском университете[3]. Он поступил в Сент-Джон колледж в мае 1609 года, затем перешел в Клер колледж, где получил сначала степень бакалавра, а в 1615 году – магистерскую степень. Впоследствии Алфери стал священником англиканской церкви, много лет служил на приходе в Уолли (*Woolley*), в двадцати милях от Кембриджа, женился, имел восемь детей. Умер он в 1666 году, и, как недавно выяснилось, его потомки до сих пор живут в этой местности. Двое других из приехавших оказались в Вест-Индии, где и умерли.

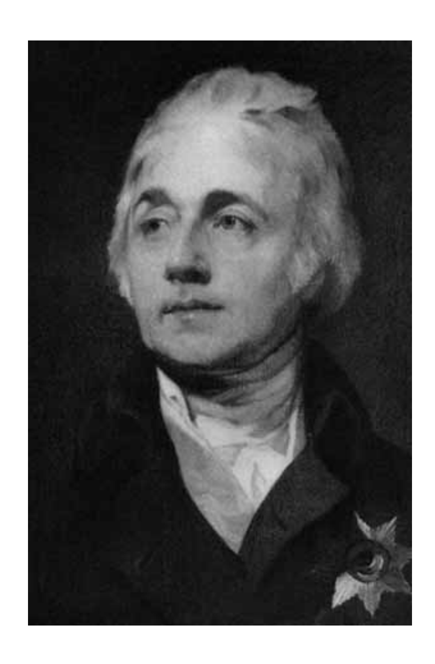

Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728), первый российский посол в Лондоне (гравюра 1788 года)

Учеба была наиважнейшей задачей русских, которых в течение многих десятилетий, даже столетий, присылали в Британию. Но самым известным из них был студент, который в конце XVII века сам направил себя в Англию, а затем вернулся в Россию. Это был царь Петр Первый. Когда Великое посольство 1697–1698 годов находилось в Голландии, Петр I с небольшой свитой, включая Александра Меншикова, высадился 11 января 1698 года в Лондоне, ознаменовав тем самым начало наиболее известного эпизода англо-российских отношений. Петр оставил неизгладимый след в британском общественном сознании, несравнимый даже с тем ажиотажем, который был вызван прибытием первых посольств из Московии в шекспировскую Англию. Несмотря на то, что визит был неофициальным и Петр находился в стране инкогнито, новостные листки почти ежедневно сообщали, что он делал и видел, с кем и где встречался. И действительно, трудно было не заметить почти двухметрового великана на балу, в театре или шагавшего по улице и осматривающего мастерские, музеи и мануфактуры. По свидетельству современника-англичанина, «будучи очень любознательным по своей природе, он [Петр] желал увидеть все достойное внимания в этом огромном городе», и он на самом деле увидел очень много, предпочитая ходить пешком и находя особое удовольствие в посещении мастерских ремесленников: часовщиков, изготовителей научных приборов и медицинских инструментов, и делая многочисленные покупки, среди которых был даже гроб. Петр нанес

несколько тайных визитов королю, который уговорил его позировать для знаменитого портрета, написанного сэром Годфри Неллером[4].

Сильнее всего Петра привлекала стихия воды и корабли. Когда царь работал на верфях в Заандаме и в Амстердаме, методы обучения кораблестроению разочаровали его. Услышав, что в Англии на верфях дела обстоят по-другому, он «со всей поспешностью отправился в Англию и там, за четыре месяца, завершил свое обучение». Возможно, цари и способны постичь за четыре месяца то, на что у других уходит целая жизнь, но нет никаких сомнений в том, что в течение своего 105-дневного пребывания в Англии Петр приобрел огромный объем новых знаний не только в морском деле, но также в науках, в административно-хозяйственной, религиозной и социальной областях. Перебравшись из центрального Лондона в Гринвич, он часто бывал на королевских верфях, где усваивал знания, которых тщетно искал в Голландии, и где ходил под парусом по Темзе – иногда с печальными для других лодок последствиями. В число морских развлечений Петра вошла и экскурсия в Портсмут, где он присутствовал на специально устроенном для него учебном морском сражении. От короля в подарок Петр Первый получил яхту «Ройял Транспорт», образец самой высокой, совершенной техники того времени.

Семен Романович Воронцов (1744–1832) (гелиогравюра с портрета Лоуренса)

На месте Петр не сидел. После не слишком удачного и поспешно свернутого визита в Оксфорд, где он тем не менее осмотрел музеи, библиотеки и кое-что из коллекций, Петр посетил арсенал в Вуличе (*Woolwich*), сопровождаемый первым графом Ромни, начальником артиллерийского ведомства (*Master of the Ordnance*); ему показали монетный двор в замке Тауэр[5], также он познакомился с королевским астрономом Джоном Флемстидом в Королевской обсерватории в Гринвиче. Считается, что Петр во время своего пребывания в Лондоне не общался ни с сэром Исааком Ньютоном, ни с астрономом Эдмондом Галлеем (преемником Джона Флемстида на посту королевского астронома), ни с сэром Кристофером Реном[6], однако поднялся на башню Монюмент[7] для обозрения реновского Лондона, возродившегося из пепла после Великого лондонского пожара. Петр неоднократно бывал в обществе Гилберта Бернета, епископа Солсберийского, встречался с

архиепископом Кентерберийским в Ламбетском дворце, где присутствовал при церемонии рукоположения в священники. Петр Первый проявлял большой интерес к местной религии и ее обрядам (как это было и во время его пребывания в Амстердаме). У царя Петра состоялось несколько памятных встреч с видными квакерами, и он посетил их дом собраний.

В целом визит в Англию был чрезвычайно важным эпизодом в жизни Петра: он дал ему пищу для размышлений применительно ко многим областям его будущей деятельности и породил любовь к Англии и британцам, которую не уничтожили зачастую сложные, отравлявшие последнее десятилетие его правления дипломатические отношения. Кроме этого, размах и разнообразие деятельности Петра в течение его пребывания в Англии стали своего рода примером для будущих визитов русских как во время его царствования, так и – что более важно – позднее[8].

Наиболее значительным событием на дипломатическом фронте в годы правления Петра было создание постоянного русского посольства на английской земле. Спустя два года после того, как в Москве обосновался чрезвычайный представитель Британии, в Лондон в мае 1707 года прибыл Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728), чтобы представлять здесь интересы России. Его посольство примечательно происшествием, которое, хотя и привело посла в долговую тюрьму, породило в итоге знаменитый акт Парламента от 21 апреля 1709 года «О защите привилегий послов и иных официальных представителей иностранных государств и принцев». Таким образом, был установлен принцип дипломатического иммунитета, привилегиями которого на протяжении последних трех веков пользуются послы всех стран.

К концу XVIII столетия русский посол воспринимался в британском истэблишменте как уважаемый член дипломатического корпуса и высшего английского общества. Граф Семен Романович Воронцов (1744–1832), бывший послом в конце XVIII века, завершает череду своих предшественников – ярко выраженных англофилов. Среди них были поэт князь Антиох Кантемир (1708–1744), о котором писали, что «он стал большим англичанином, чем любой уроженец Лондона», граф Иван Чернышев (1726–1797), «сам не знающий почему поклонник английского», старший брат Семена Воронцова, граф Александр Воронцов (1741–1805), первым из русских получивший почетную степень в Оксфорде, и граф Алексей Мусин-Пушкин (1732–1817), о котором сказано, что «в его представлении высшее человеческое счастье – вернуться в Англию в качестве частного лица». Семен Воронцов так и поступил. Более того, он никогда не покидал Англию после ухода в 1806 году в от-

ставку. Семен Романович прибыл в Лондон вдовцом и воспитал здесь своего сына Михаила (1782–1856), будущего героя войны 1812 года и генерал-губернатора Новороссии, идеальным английским джентльменом, а также удачно выдал замуж за английского аристократа дочь Екатерину (1784–1856). Именем Воронцова названа улица в Лондоне – Воронцов-Роуд[9].

Помимо своих дипломатических обязанностей послы были весьма озабочены, с одной стороны, поиском британских специалистов для службы и работы в России, а с другой – попечением о приезжающих русских. Последнее стало превалировать к концу столетия. Три посла времен Екатерины II, дольше всех прочих остававшиеся на своем посту – Мусин-Пушкин, Иван Симолин и Воронцов, прикладывали много усилий и времени, чтобы юные русские изучали то, что им предписывалось. Но кроме того послы должны были заботиться о том, чтобы студентам хватало денег на жизнь, так как тогдашние российские власти считали, по-видимому, что студенты могут питаться воздухом или, по крайней мере, густым английским смогом. Послам в работе помогали сотрудники миссии, число которых колебалось от трех до шести человек, а также в значительной степени священники посольской церкви.

В петровские времена под покровительством Русской миссии, как тогда называли посольство, была устроена греческая церковь. Первые ее священники были греками, а первым иереем, специально назначенным русским правительством и духовенством для службы в лондонской церкви, стал Варфоломей Кассано (1697–1746). Только в 1746 году, после смерти Кассано, близкого сподвижника князя Кантемира, в русской церкви появились первые священники из России, и она получила новое название, подчеркивающее ее русский характер. Изначально помещавшаяся в Йорк-билдингс рядом со Стрендом, она переехала в Берлингтон-гарденс на Клиффорд стрит. Но к восьмидесятым годам XVIII века это владение совсем перестало отвечать нужным требованиям, и в 1786 году было найдено достойное место для богослужений растущей русской общины в английской столице – на Грейт-Портланд стрит в Мерилебон. С 1813 года и по сегодняшний день церковь размещается на Уэлбек стрит. Со смерти Кассано и до конца века в церкви служили пять русских священников, им помогали два или три молодых церковника (так называли тогда псаломщиков. – *Прим. перев.*), и некоторые из них внесли впоследствии весьма значительный вклад в более широкое знание русскими людьми английского языка и литературы. Двое наиболее видных из этих священников начали свое пребывание в Лондоне как церковники и прослужили в общей сложности шестьдесят восемь лет – с 1769 по 1837 год. Андрей Афанасьевич

Самборский (1732–1815) и Яков Иванович Смирнов (1754–1840), которого Самборский воспитал как своего «достойного преемника», оба исполнили свой долг, призывающий «чин и звание свое со всяким благоговением, трезвостию, честию и незазорно содержать», в соотвествии с духом и буквой этого предписания.

Священники пеклись о том, чтобы все живущие в Лондоне русские не оставляли своей религиозной жизни, исповедовались и причащались. Однако, как признавал Самборский, все свободное от церковных обязанностей время они посвящали добрым делам: способствовали профессиональному росту и продвижению вверенных их заботам молодых агрономов, студентов университетов, моряков, кораблестроителей, механиков и прочих, искавших возможности обучаться и совершенствоваться под руководством английских мастеров. Эти священники также внесли немалый вклад в более широкое знание русскими людьми английского языка и литературы. Интересна судьба священника Смирнова. В период правления Павла Первого он совмещал свои обязанности духовного лица с обязанностями неаккредитованного, временно исполняющего обязанности дипломатического представителя; а затем, в 1807 году, после Тильзита и в отсутствие нового посла он снова оказался в схожей ситуации и получил инструкции продать посольский дом на Харли стрит, 36 и вернуться в Россию с архивом. Впрочем, это было уже гораздо позднее, в девятнадцатом веке[10].

В 1776 году в Англию была послана группа студентов-агрономов. Это была попытка Екатерины Великой революционизировать по примеру Британии российское сельское хозяйство и агрономические методы. К сожалению, это начинание не оказало должного воздействия на последующее развитие России. Самборский страстно верил, что великая сельскохозяйственная революция в равной степени обеспечит процветание крестьян и землевладельцев, а также приведет людей ближе к Богу, благодаря удовлетворению, которое дает жизнь в ладу с природой. Он убедил Екатерину поддержать его план и прислать из России группу из семи семинаристов (среди которых был Смирнов), которые должны были работать на английских фермах и обучаться у ведущих английских специалистов, таких как Артур Янг[11] и Джон Арбатнот[12]. Из русских семинаристов состояла и другая группа, прибывшая ранее в годы правления Екатерины для учебы, в более традиционном смысле, в Оксфордский университет. Екатерина ставила целью повысить уровень образования русского духовенства и, возможно, создать богословский факультет при Московском университете. В 1768 году, после начального периода, включавшего частные занятия и изучение английского языка, шестеро студентов поступили в различные колледжи Оксфорда.

В 1775 году двое из них – Василий Никитич Никитин (1737–1809), который в 1769 году наблюдал в Оксфорде прохождение Венеры, и Прохор Игнатьевич Суворов (1750–1815) стали первыми и единственными русскими, получившими не почетные, а научные степени в Оксфорде (или Кембридже) в XVIII веке.

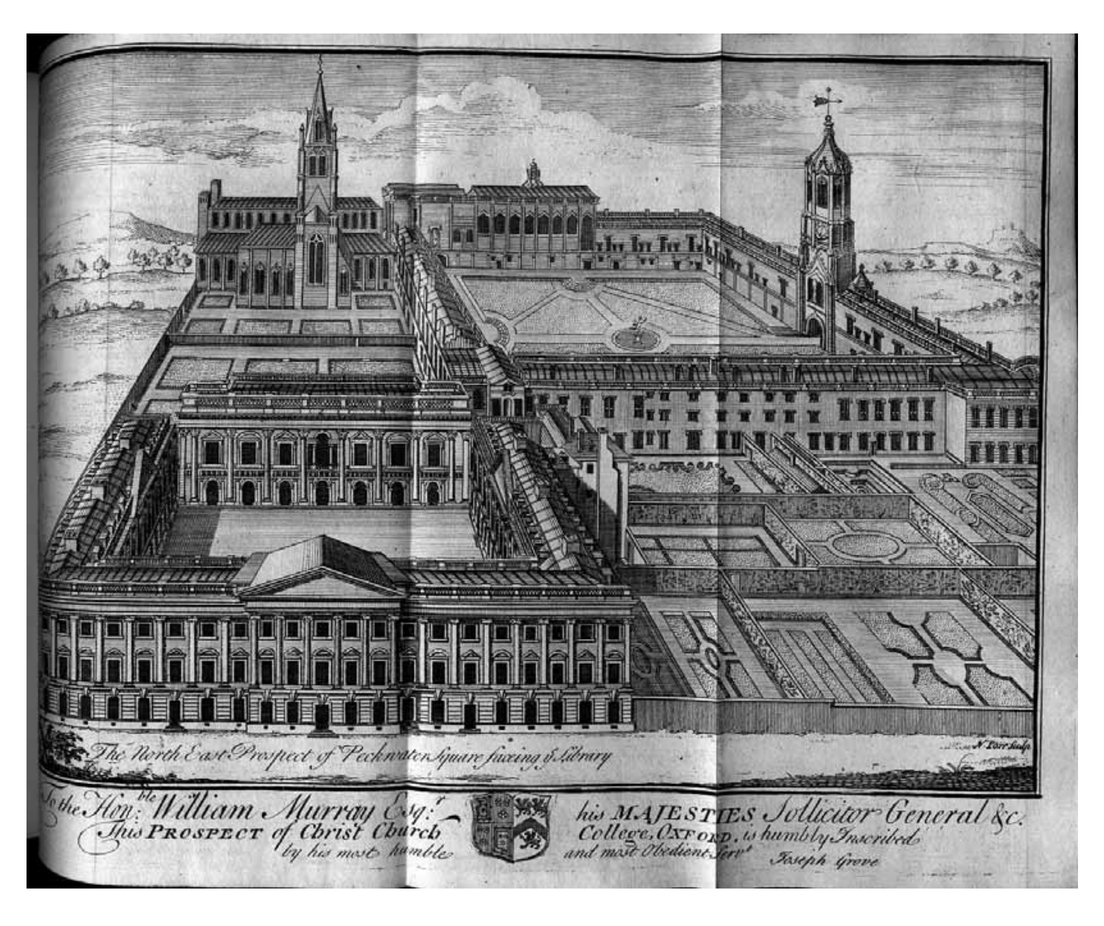
Однако если рассматривать все британские университеты, то выпускники Оксфорда были не первыми русскими, удостоенными в XVIII веке степеней в университетах этой страны. Им предшествовали прославленный Семен Ефимович Десницкий (ум. 1789)[13] и менее известный Иван Андреевич Третьяков (1735–1786)[14], еще при Елизавете прибывшие из Московского университета на учебу в университет Глазго. Пройдя курс наук под руководством таких известных профессоров, как Адам Смит[15] и Джозеф Блэк[16], они получили магистерские степени в 1764 и в 1765 годах, а в 1767 году стали докторами права. Приезжая в Шотландию в последующие десятилетия, русские студенты отдавали предпочтение Эдинбургу перед Глазго, привлекаемые неоспоримым академическим уровнем университета «Северных Афин», славившегося такими учеными, как Уильям Робертсон[17], Джозеф Блэк (перебравшийся сюда из Глазго), Адам Фергюсон[18], Хью Блэр[19] и Дугалд Стюарт[20]. В списках о зачислении в университет Эдинбурга между 1774 и 1787 годами находятся имена еще шестнадцати русских студентов. Они не были посланы российским правительством на учебу и приезжали своими путями, притягиваемые славой университета и в особенности его медицинской школы. Среди них были люди и простого, и благородного происхождения: обучались они в течение разных периодов времени и с разной степенью успеха. Самым известным, но не самым талантливым из них был князь Павел Михайлович Дашков (1763–1807), сын Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810), когда-то участвовавшей в возведении на престол Екатерины Второй, а впоследствии возглавившей две российские академии. Князь Дашков получил магистерскую степень в 1779 году после трех лет учебы под неусыпным надзором своей грозной матери.

Поэт Антиох Дмитриевич Кантемир был русским послом в Лондоне в 1731–1738 годах

Упоминание княгини Дашковой и ее аристократического статуса предоставляет удобную возможность перейти к другому важному аспекту русского присутствия в Британии в годы цар-

ствования Екатерины. Речь пойдет о явлении, которое было инициировано не императрицей, а ее печально закончившим мужем Петром III, чей манифест «О вольности дворянства», изданный в 1762 году[21], включал, очень кстати, право безнаказанно путеше-

Крайст Черч Колледж с гравюры XVIII века

ствовать за границей. Русская аристократия и мелкое дворянство воспользовались данной возможностью, чтобы предпринять, по сути, свой вариант Большого путешествия (*Grand Tour*), ведущего их по Европе, – во Францию, Италию и все чаще в Британию. В результате, начиная с шестидесятых годов XVIII века, мы видим русских – молодых и старых, которые путешествуют в одиночку, по двое, по трое и семьями, посещают Лондон и, вкусив от его бесчисленных развлечений, предпринимают вояжи поскромнее, преимущественно на запад – для модного отдыха на водах Бата в окружении английского светского общества либо, при более аван-

тюрном складе характера, в графства в центре и на севере Англии и даже иногда в Шотландию и Ирландию. Они с удовольствием осматривают особняки и знаменитые парки британской знати, намереваясь, без сомнения, воспроизвести кое-что из увиденного в своих поместьях в России, и даже посещают фабрики и мастерские. Мы встречаем представителей прославленных фамилий, приезжавших в Англию особенно часто в 1770-х годах, вот лишь некоторые из них – Куракины, Орловы, Юсуповы, Румянцевы, Разумовские, Строгановы, Голицыны, Гагарины. Кое-кто из этих путешественников оставил путевые заметки в виде писем и дневников, сохранившихся в семейных и государственных архивах, но были и другие, стремившиеся к литературной славе и еще при жизни опубликовавшие свои впечатления от путешествий, тем самым ближе познакомив русскую общественность с современной им Британией. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) является наиболее известным среди них. Впечатления от визита 1790 года он включил в свою работу «Письма русского путешественника». В период правления Екатерины появились и другие интересные свидетельства о таких путешествиях – княгини Дашковой, Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1789)[22], Петра Ивановича Макарова (ум. 1805) и Василия Федоровича Малиновского (1765–1814)[23]. Благословенный Альбион посетили также драматург и актер Иван Афанасьевич Дмитриевский (1734–1821), драматург Василий Игнатьевич Лукин (1737–1794), поэт Василий Петрович Петров (1736–1799), гравер Гаврила Иванович Скородумов (1755–1792) и скульптор Федор Иванович Шубин (1740–1805), приезжавшие, правда, по самым разным причинам, включая, как в случае с Лукиным, масонскую деятельность. Среди типажей россиян, посещавших Британию при Екатерине, стоит упомянуть молодых людей, приехавших сюда для изучения таких разнообразных предметов, как торговля, пивоварение, горное дело, строительство каналов, производство приборов, литье пушек, чеканка монет и медалей. Их направляли за границу русское правительство или русские меценаты: как представители русской элиты (наиболее известными из которых были князь Григорий Потемкин и граф Иван Чернышев), так и промышленники (например, Никита Демидов).

Отдельно можно сказать о тех, кто, побывав в Англии, принесли России значительную пользу: о мореплавателях Петра, о гардемаринах и младших офицерах эпохи Екатерины и, позднее, Александра I. С самого начала Петр рассматривал обучение русских в Англии как часть своего «великого эксперимента», и в марте 1698 года, во время его пребывания в Лондоне, Британское адмиралтейство согласилось принять девять человек на службу в военно-морские

силы страны. В течение последующих лет к первым россиянам на британском флоте присоединились еще несколько юношей, а в 1706 году группа численностью в тридцать человек положила начало регулярной практике. Точную цифру назвать трудно, но примерно сто пятьдесят молодых русских, как благородного происхождения, так и простолюдинов, находились в Британии в период до 1717 года. Даже когда разрешение ходить в плавание с британским флотом было отозвано после разлада в англо-русских дипломатических отношениях, россияне приезжали в Англию небольшими группами в 1716, 1717 и в 1718 годах, поступали в обучение к мастерам в различных частях страны и приобретали разнообразные кораблестроительные навыки – от изготовления такелажа и мачт до литья пушек и якорей. Их обучение продолжалось до 1722–1723 годов.

Университет Глазго (фото преподавателя университета Глазго Шамиля Хаирова)

Когда в 1791 году Семен Воронцов говорил о перестройке русского флота «на английский лад» (*sur le pied anglais*), он отмечал в первую очередь большой вклад в развитие и модернизацию российского морского флота, внесенный адмиралами Сэмюэлом Грейгом[24] и сэром Чарльзом Ноулесом[25] в течение многих лет их службы в екатерининской России. А за год до этого, узнав, что его зять Григорий Сенявин, служивший в 1780-х годах в британском военно-морском флоте, отличился в ходе русско-шведской войны, Воронцов отметил, что «все русские офицеры флота, отличившиеся в этой войне, обучались своему делу в английском флоте» (*tous les officiers russes qui servent dans la marine et qui se sont distingués dans cette guerre ont appris leur métier dans la marine anglaise*) . Это было признание значимости екатерининской практики отправлять русских для обучения военно-морскому делу и дисциплине на военные корабли Британии. Екатерина восстановила эту традицию, утраченную при преемниках Петра. Именно брат Воронцова, Александр, исполняя обязанности

посла, отвечал за размещение первой группы из шестнадцати офицеров, прибывших в январе 1763 года. Однако из-за объявленного Россией в 1781 году вооруженного нейтралитета англо-русские отношения опять ухудшились и эта практика вновь прервалась.

Вскоре после приезда в Британию в 1785 году посла Семена Воронцова стали приезжать новые группы российских моряков. В Британии Воронцов начал осуществлять свой план: на постоянной основе каждые четыре года для стажировки на британском флоте должны были приезжать по двенадцать русских офицеров для мореходной практики. Четырнадцать офицеров приехали в 1793 году, а в 1797 году – другая группа из двенадцати человек. Когда в 1800 году Павел Первый подтвердил Декларацию о вооруженном нейтралитете и присоединился к войскам Наполеона, Британия ответила высылкой русских офицеров с британских военных кораблей. Но уже в 1802–1803 годах вслед за восстановлением мира между Россией и Англией после убийства Павла на британский флот были присланы две новые группы россиян. Примечательно, что в их составе находились гардемарины, которые впоследствии участвовали в битве при Трафальгаре во флоте Нельсона.

Список русских военно-морских офицеров, служивших в Британии, включает много знаменитых имен. Одни достигли ранга адмирала, а другие снискали славу в иных областях. Назовем в качестве примера Петра Ханыкова[26] и Павла Чичагова[27], Сергея Плещеева[28] и Николая Мордвинова[29], Ивана Крузенштерна[30] и Юрия Лисянского[31]. Это было достойным завершением великого эксперимента, длившегося с перерывами более века.

Этот рассказ приводит нас в XIX столетие, но, оглядываясь на век XVIII, мы видим, что несмотря на все взлеты и падения в политической сфере, отношения между Россией и Британией развивались по очень многим направлениям. Наивысшая точка была достигнута в век Екатерины Великой с его смесью растущей англофилии и трезвого осознания преимуществ, которые можно обрести, посылая русских для обучения в Британию. Русское присутствие в Британии оказалось как никогда разнообразным и плодотворным.

Во времена Александра I в России царит, во многом чрезмерная, русская англомания в области как серьезного, так и легкомысленного: популярны английская литература и идеи, английские парки и замки, английские учреждения и манеры, английская мода и эксцентричность. Однако соответствующего всплеска русского присутствия в Англии не происходило. Имевшаяся ранее четкая правительственная программа, пусть и несогласованная, больше не просматривалась, заброшенная русскими и не приветствовавшаяся британцами. Наиболее многочисленную группу русских, конечно, составляли ту-

ристы, ибо Англия, без сомнения, сохраняла притягательность для нетитулованного дворянства и аристократии, чьи имена, часто с типичными искажениями, остались во многих светских дневниках и сообщениях той эпохи. Когда позволяла политическая ситуация, русскую молодежь по-прежнему посылали в Англию набираться опыта и знаний. Так, в 1803 году двое молодых людей, Васильев и Иванов, были направлены с Александровского завода в Санкт-Петербурге для совершенствования своих технических навыков. В двадцатых годах знаменитый российский изобретатель Ефим Черепанов, уже к тому времени построивший паровой двигатель, будучи крепостным уральского заводчика Демидова, приехал знакомиться с заводами и станками в северных английских городах.

Дарья (Доротея) Христофоровна Ливен, урожденная фон Бенкендорф (1785–1857)

По-прежнему в центре российских дел и интересов находились русское посольство и церковь. Граф Христофор Андреевич Ливен (1774–1838), посол до 1834 года, в отличие от вдовца Воронцова, приехал в Британию с женой Дарьей Христофоровной (урожденной Бенкендорф, 1785–1857). Впервые со времени учреждения посольства еще в петровскую эпоху жена посла вышла из тени, чтобы играть заметную роль в британском обществе, и обрела известность благодаря своему политическому инстинкту, светским талантам, обширнейшей переписке и внебрачным связям. Ливены прибыли в Лондон в 1812 году, когда звезда России стояла в зените – после вторжения Наполеона в Россию и его поражения. Воронцов, живший после отставки в Англии, писал о «здешнем энтузиазме по отношению к русским: генералов, солдат, дворян, людей иных сословий – всех уважают, ими восхищаются и восхваляют».

Русское присутствие особого рода, привлекавшее внимание британцев, олицетворяли собой два казака, появившиеся в полном военном обмундировании в апреле 1813-го на улицах Лондона. Роль казаков в борьбе против Наполеона как в России, так и при наступлении на Париж захватила воображение британцев. Годом позже, в июне 1814-го, самый главный из казаков атаман Платов прибыл в Лондон в свите царя Александра Первого.

Сам Александр Первый стремился посетить Англию не только, чтобы пожать лавры спасителя Европы, но и чтобы лично увидеть страну, которой он искренне интересовался и к встрече с которой был подготовлен как своим образованием, так и друзьями молодости – англофилами, советниками, окружавшими Александра в ранние годы его правления: и Виктор Кочубей, и Николай Новосильцев, и Павел Строганов, и Адам Чарторыйский, и Николай Мордвинов – все они бывали в Англии. Визит состоялся с 6 по 27 июня 1814 года. Русских принимали восторженно, если не считать нескольких недовольных голосов. Светские дамы засыпали Александра комплиментами и знаками внимания, на улицах собирались толпы, чтобы хоть одним глазком увидеть царя и его свиту. Поездка в Портсмут для осмотра флота, посещение Оксфорда, театров, опер и балов, осмотр фермерских хозяйств, беседы с квакерами, знакомство с парламентом – все напоминало исторический визит Петра Великого, но разыгрывалось в ином ключе, с церемониями и пышностью. В числе грандиозных мероприятий, которыми почтили Александра Первого и прусского короля со свитами, был банкет, данный в их честь в субботу 18 июня 1814 года лордом-мэром Лондона. Список гостей, куда царь внес тридцать шесть имен, поражал своим блеском. Среди россиян были сестра царя, великая герцогиня Олденбургская, графиня Ливен, созвездие генералов – Барклай де Толли, Платов, Волконский, Михаил Воронцов (отец которого, Семен, также присутствовал), сотрудников посольства и консульства, в том числе преданного Смирнова. Никогда после этого англо-русские отношения не были столь сердечными, а русские столь популярными (за исключением, вероятно, двух мировых войн в следующем столетии).

Михаил Платов (с картины Орловского)

Братьям Александра, великим князьям Николаю (1816) и Михаилу (1817), суждено было посетить Англию во время его правления, а Николай, будучи уже царем, нанес первый государственный визит в Англию в 1844 году. Его царствование началось с Декабрьского вос-

стания, и это событие и участь главных заговорщиков повлияли на восприятие британцами России. При последующих монархах также наблюдались перемены в характере русского присутствия в Британии, когда Лондон, в частности, рассматривался как убежище для политически несогласных и высланных. Но это уже тема, которая выходит за исторические рамки данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Ченслор Р.* Путь из Англии в Москву//Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 60–66. (*Прим. ред.*)

2 См.: *Алексеев М.П.* Шекспир и русское государство XVI–XVII веков//Шекспир и русская культура. М.-Л., 1965. С. 784–805.

3 См.: *Cross A.G.* Cambridge: Some Russian Connections. Cambridge, 1987. P. 17–18; *Cleminson R.* Boris Godunov and the Rector of Woolley: A Tale of the Unexpected//Slavonic and East European Review. Vol. 66. 1987. P. 399–403.

4 Годфри Неллер *(Godfrey Kneller,* 1646–1723) – придворный художник-портретист при пяти английских королях. (См.: *Kilanin M. M. Sir Godfrey Kneller.* London, 1971.) Неллер создал парадный портрет молодого Петра в доспехах и бархатном плаще с гербом российской империи. Петр стоит на фоне балкона, выходящего на море, по которому идут парусные суда. (*Прим. ред.*)

5 В этот период на английском монетном дворе впервые была применена технологическая новинка – на монетах стали делать насечки, которые увеличивали срок жизни монет. (*Прим. ред.*)

6 Кристофер Рен *(Christopher Wren,* 1632–1723) – английский архитектор и ученый. Между 1649 и 1653 годами изучал математику в Оксфордском университете. С 1657 года профессор астрономии в Лондоне, с 1661 года в Оксфорде. В 1681–1683 годах президент Лондонского королевского общества. Обратившись с 1660-х годов к архитектуре, стал крупнейшим представителем английского классицизма. После большого лондонского пожара 1666 года построил многочисленные дома и церкви, ставшие памятниками архитектуры (в том числе Собор Святого Павла). (*Прим. ред.*)

7 Памятник Большому Лондонскому пожару (*Monument to the Great Fire of London*, более известный как *The Monument*) представляет собой дорическую колонну высотой 61,57 метра и находится рядом с тем местом, где и начался лондонский пожар 1666 года. Монумент был заказан Кристоферу Рену мэрией Лондона. Авторы памятника Рен и Роберт Хук (*Hooke*) создали этот памятник как научную лабораторию: центральный цоколь можно было использовать для астрономических наблюдений через телескоп. Особая конструкция ступеней позволяла проводить исследования атмосферного давления. Сочетание лаборатории на вершине колонны и в ее основании позволяло проводить эксперименты с земным притяжением и маятником. (*Прим. ред.*)

8 Более подробно о пребывании Петра Первого в Англии см.: *Cross A.G.* Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000. P. 16–39.

9 Здесь и далее все аспекты Русского присутствия в XVIII веке в Британии освещены в книге: *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

10 Моя статья *«Yakov Smirnov: A Russian Priest of Many Parts»* (Oxford Slavonic Papers, New Style. Vol. 8. 1975. P. 37–52), а также страницы, посвященные Смирнову, в книге «У Темзских берегов...» (P. 59–68) и в индексе, вызвали большой интерес к личности Смирнова: см. *Орлов А.* Русский священник – дипломат в Лондоне//Вопросы истории. 2003. № 7; *Лоевская А.* Служение Отечеству: православный священник в Лондоне Яков Смирнов (1780–1840)//Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург, 2008. № 6. С. 321–39.

11 Артур Янг *(Arthur Young,* 1741–1820) – английский агроном-экспериментатор, путешественник и писатель, автор множества трудов по сельскому хозяйству, политике и экономике; наблюдатель и бытописатель Великой французской революции. *(Прим. ред.*)

12 Джон Арбатнот *(John Arbuthnot,* ум. 1801), землевладелец в Митчеме (Саррей), образцовое хозяйствование которого высоко ценил Янг. *(Прим. ред.*)

13 Семен Десницкий – русский просветитель, ученый-правовед. С 1767 года – профессор Московского университета, читал римское право, занимался разработкой русского права, а также выступал за чтение лекций на русском языке, а не на латыни. См. также: *Коркунов Н.М.* Семен Ефимович Десницкий – первый русский профессор права. М., 1894. (*Прим. ред.*)

14 Иван Андреевич Третьяков – просветитель, правовед, экономист, профессор Московского университета. *(Прим. ред.*)

15 Адам Смит *(Adam Smith,* 1723–1790) – шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической политэкономии. *(Прим. ред.*)

16 Джозеф Блэк *(Joseph Black,* ум. 1799) – шотландский химик и физик, член Эдинбургского королевского общества, Петербургской и Парижской академий наук. Открыл диоксид углерода. Основоположник физических исследований в области калориметрии. Изобрел ледяной калориметр. Ввел понятие и термин «теплоемкость тела». *(Прим. ред.*)

17 Уильям Робертсон *(William Robertson,* 1721–1793) – ректор Эдинбургского университета с 1762, один из самых известных историков того времени. С 1783 избран почетным иностранным членом Российской академии наук (*Прим. ред.*)

18 Адам Фергюсон (*Adam Ferguson,* 1723–1816) – философ и историк, профессор моральной философии в университете Эдинбурга. *(Прим. ред.*)

19 Хью Блэр (*Hugh Blair*, 1718–1800) – профессор риторики и литературы с 1762 по 1784 год в Эдинбургском университете. *(Прим. ред.*)

20 Дугалд Стюарт (*Dugald Stewart*, 1753–1828) – шотландский философ. См. также: *Гурьевская А.Г.* Дугалд Стюарт: от моральной философии к политэкономии//Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. (*Прим. ред.*)

21 Официальное название «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». *(Прим. ред.*)

22 Никита Акинфиевич Демидов (1724–1789) – горнозаводчик, минеролог и искусствовед, состоял в переписке с Вольтером. Его коллекция минералов, подаренная Московскому университету, стала основой для создания в нем Минералогического кабинета. *(Прим. ред.*)

23 Василий Федорович Малиновский (1765–1814) – дипломат, писатель, первый директор Царскосельского лицея. (*Прим. ред.*)

[24] Сэмюэл Грейг (*Scot Samuel Greig*, 1735–1788), поступил на службу на Русский флот в должности капитана первого ранга в 1764 году, отличился в Чесменской битве в 1770 году. Адмирал Грейг погиб во время Русско-шведской войны. (*Прим. ред.*)

[25] Чарльз Ноулес (*Sir Charles Knowles*, 1704–1777) – адмирал, британский офицер самого высокого ранга среди поступивших на службу на русский флот в эпоху Екатерины. Во время службы в России с 1770 по 1774 год отвечал за кораблестроение и верфи, снабжение и общее руководство ими в качестве генерала-интенданта. *(Прим. ред.*)

[26] Петр Иванович Ханыков (1743–1813) – адмирал, главный командир Кронштадтского порта. *(Прим. ред.*)

[27] Павел Васильевич Чичагов (1765–1849) – адмирал. Командовал корветом «Ростислав» и отличился в войне со шведами. В 1797 году был уволен Павлом I и посажен в Петропавловскую крепость, в 1799 году – освобожден Александром I. Участвовал в войне с Наполеоном. В 1814 году уехал из России. В 1834 году отказался подчиниться указу Николая I о пятилетнем пребывании за границей и вернуться, за что был выведен из состава Государственного совета, уволен со службы, а его имущество в России было секвестировано. Принял английское подданство. (см.*: Залесский К.А.* Наполеоновские войны 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003). (*Прим. ред.*)

[28] Сергей Иванович Плещеев (1752–1802) – вице-адмирал, морской топограф, писатель и переводчик. Умер во Франции. *(Прим. ред.*)

[29] Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) – государственный деятель, экономист, адмирал, почетный член Петербургской академии наук. Президент Вольного экономического общества. Предлагал многочисленные экономические преобразования, в частности, выступал за развитие российской промышленности, железных дорог, создание частных дворянских банков. В 1826 году был единственным членом Верховного уголовного суда, выступившим против смертного приговора декабристам. См. также: *Краско М.А.* Граф Николай Семенович Мордвинов//Петербургские чтения-97. СПб., 1997. С. 105–109. (*Прим. ред.*)

[30] Иван (Адам) Федорович Крузенштерн (1770–1846) – адмирал, русский мореплаватель, начальник первой российской кругосветной экспедиции, один из основоположников отечественной океанологии, почетный член Петербургской академии наук (1806). Один из создателей Русского географического общества. *(Прим. ред.*).

[31] Юрий Федорович Лисянский (1773–1837) – капитан 1 ранга, мореплаватель, исследователь. Вместе с Крузенштерном совершил первую российскую кругосветную экспедицию. (*Прим. ред.*)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ольга Казнина

На первый взгляд русская эмиграция в Англии[1] не может сравниться с такими признанными центрами, как Париж, Берлин или Прага по своим масштабам и литературным достижениям. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что у русской эмиграции в широком смысле в Англии были не менее, а может быть даже более глубокие корни, чем в других европейских странах. Корни эти представляются более мощными и разветвленными в политической сфере: в Англии со второй четверти XIX века находила прибежище оппозиционная к правительству российская интеллигенция. Эта интеллигенция представляла Россию политическую, культурную и литературную. Сами по себе имена ее представителей свидетельствуют о неразрывной связи литературы, культуры и политики: Тургенев, Герцен, Кропоткин, Эртель, Волховский, Степняк-Кравчинский...

В конце XIX и на рубеже XX столетия в Британии выпускалось немало русских журналов и газет, названия которых говорят об их политической направленности: «Свободная Россия», «Летучие листки», «Накануне», «Народоволец», «Современник», «Свободное слово», «Жизнь», «Хлеб и воля», «Последние известия», «Былое», «Русский рабочий», «Социал-демократ» и «Революционная мысль». М. Горький через посредство В. Поссе издавал в Англии журнал «Жизнь», вокруг которого сложилась социал-демократическая организация. В Англии образовалась толстовская колония, книги Льва Толстого издавал и распространял его единомышленник В. Чертков. Через Англию шел поток выезжавших из России духоборов и многих других диссидентов, чьи убеждения оказались неприемлемыми для России. Политическая

и экономическая ситуация в России в конце века вызвала также сильный отток еврейского населения.

В первое десятилетие XX века в Лондоне около десятка фракций русских революционеров проходили свою политическую эволюцию под влиянием различных западных политических течений. Среди них были будущие большевики и меньшевики всех оттенков. В этой среде в какой-то мере формировался состав будущей советской дипломатии.

Публицистическая и просветительская деятельность политической эмиграции из России вызвала оживление серьезного интереса англичан к русским делам. Некоторые представители эмиграции, публиковавшие на английском языке статьи и книги о России, выступавшие с лекциями перед английской аудиторией, заняли видное место в журналистской и политической жизни Британии. В формировании английского общественного мнения о России и представлений о русских существенную роль сыграла наиболее радикальная часть русской эмиграции в Англии – социал-демократы в изгнании. Так, в 1907 году на съезде социал-демократической партии в Лондоне Максим Горький встречался с английским писателем Гербертом Уэллсом, поверившим в русский коммунизм. Русскую антимонархическую оппозицию по разным мотивам поддерживали различные круги английского общества: одни из уважения к абстрактно понимаемым свободе и демократии, другие из настороженности по отношению к крупнейшему государству с иными социально-культурными традициями, третьи по недостатку осведомленности о том, что происходит в России. В политическом соперничестве и войнах сближались и отдалялись друг от друга народы России и Англии, но их взаимный культурный интерес никогда не остывал.

Англия с давних пор занимала особое место в представлении русских о политической системе мира, так как являлась наравне с Россией самой крупной мировой империей. Николай Федоров писал: «Мы окружены Англиею, которой все наши соседи служат как бы орудиями» и предлагал «протянуть руку Англии, чтобы было завершено христианское кольцо, охватывающее исламизм»[2]. Владимир Соловьев писал, что Англия это не просто страна, одна из частей Европы, а «всесветная держава», «новый Карфаген». К Англии испытывали жгучий интерес как славянофилы, так и западники. Их отношение к Англии далеко не всегда соответствовало западническому или славянофильскому направлению мысли. Так, славянофил А. Хомяков был в то же время известным англофилом. Обращаясь к древней истории, он напоминал, что когда-то англосаксонские племена соседствовали со славянскими, а по-

тому между этими племенами не исключено некоторое родство. Сходную точку зрения высказывал и Федоров, считавший, что в земле Памира покоится прах общих предков англичан и русских, «через которых мы и англичане – братья».

Русские мыслители давно указывали на признаки «заката Европы», но если раньше они верили в особую миссию России, которая возьмет на себя спасение Европы и сохранение ее культурного наследия, то мировая война подорвала эту веру. Многие мыслители и политики России в эти годы призывали к сближению с Англией, к тесному союзу с ней в целях противостояния Германии, Америке, а также «желтой опасности» с Востока.

Николай Бердяев, размышляя о судьбе России в своих статьях периода войны, призывает русских видеть в Англии своего главного союзника, так как, на его взгляд, по своему историческому предназначению и национальной психологии они взаимно дополняют друг друга. Философ считал, что в мировом катаклизме Россия, как соединяющее звено между Востоком и Западом, как «Востоко-Запад» должна найти с Англией общие задачи в интересах всего человечества. «Англия имеет географически-империалистическую миссию. Миссия эта лежит не в сфере высшей духовной жизни, но она нужна во исполнение исторических судеб человечества». «Европа вплотную поставлена перед основной темой всемирной истории – соединения Востока и Запада <...> Великие роли в этом мировом передвижении культуры должны выпасть на долю России и Англии. Миссия Англии более внешняя. Миссия России – более внутренняя»[3]. Вячеслав Иванов в статье «Россия, Англия и Азия» (1915) писал: «Обмен культурных энергий был бы наиболее плодотворен для Англии в сфере высшей духовности <...> для нас – в сфере низшей интеллектуальности, общественной дисциплины и общественной психологии. Влияние английской общественности было бы для нас школою политического самовоспитания, импульсом и регулятивом в строительстве нашей свободы»[4].

Не только философы и поэты, но и некоторые русские политики связывали будущее России с Англией. Председатель Третьей Думы, член прогрессивного блока Н. Хомяков (1850–1925), сын славянофила А. Хомякова, в своей статье «Основы англо-русской дружбы», опубликованной в 1912 г. в английском «Русском обозрении», писал: «Англию сегодня завоевывает русская литература и искусство, музыка и балет». В России же, напоминал автор, всегда ценили английскую литературу. Он считал, что пора отказаться от настороженно-враждебного отношения друг к другу, перестать быть только политическими соперниками. В то же

время развивая мысли, высказанные в 1840-х годах славянофилами, в том числе его отцом, автор пишет: «Мы во многом пытаемся подражать англичанам, но часто не понимаем духа тех внешних форм, которые пытаемся ввести у себя». Непонимание было взаимным: «В Англии Россия является едва ли не самой загадочной страной». Н. Хомяков с восхищением писал об отношении англичан к прошлому, к традициям: «В Англии новое не отрицает и не разрушает старого, новые формы естественно врастают в старые. Англия верна прошлому, и в этом ее сила, англичане понимают, что истинно прогрессивно только то, что не разрывает связи с прошлым». Хомяков считал, что русские и англичане ближе друг другу, чем другие народы – потому что они противоположны. Англичанину недостает русской широты и душевности, русским – дисциплинированности, которую англичане впитывают с молоком матери[5].

Как ни одно событие предшествующего периода, трагические события Первой мировой войны если не сблизили англичан и русских, то столкнули их, раскрыли необходимость более тесных человеческих и культурных связей и взаимопонимания. На период войны приходится кульминация интереса англичан к русской литературе и культуре. Поверенный в делах в Лондоне Константин Набоков вспоминал: «Россия была в апогее популярности. Впервые за целое столетие, оказавшись нашими “братьями по оружию”, англичане словно хотели изгладить из памяти своей и нашей все прежние недоразумения и прежнюю вражду, Крым, Берлинский конгресс, сочувствие к Японии, дипломатическую затяжную распрю в Персии. Официальные сферы, в особенности военные, широко шли навстречу нашим требованиям, щедрою рукою давали нам снаряжение. <…> Симпатии к России ярко проявлялись во всех слоях общества: издавались книги о России, образовывались англо-русские общества культурного сближения, в нескольких университетах на частные пожертвования открылись кафедры русского языка»[6]. Как писал Набоков: «Свободолюбивый английский народ инстинктивно ненавидел русский режим. Но патриотический подъем, который вызвала война, показал им, как они мало знают Россию»[7].

Существовали и другие объяснения интереса англичан к русским: в нем видели прагматическое стремление изучить психологию «низшего по развитию» народа, с тем чтобы использовать его в качестве слепого орудия в борьбе Англии с Германией за мировое влияние. В.Ф. Иванов, по всей видимости, выразил мнение целой группы политиков и публицистов эмиграции, когда писал, что целью Англии в Первой мировой войне было ослабление полити-

ческой и военной силы России, уничтожение русского влияния в Индостане и Туркестане, в Персии и на Кавказе, в Китае и на берегах Тихого океана, вытеснение России из Манчжурии. Он видел в политике Англии стремление «расчленить Россию на ряд мелких государств (Эстония, Латвия, Финляндия, Грузия, Азербайджан) и подчинить их экономическому влиянию Великобритании. Системой лимитрофов (Польша, Литва, Эстония, Латвия) создать буфер между Западной и Восточной Европой. Путем расчленения и окружения России ослабить ее, превратить в государство времен Московии, не допустить опасного для Великобритании союза России и Германии и превратить ее из мировой державы в политическое захолустье»[8].

Хотя определяющими моментами в отношениях между Россией и Англией во все времена были политические и коммерческие интересы, все же культурные и литературные контакты, непосредственное общение интеллигенции вносило значительные поправки в отношения между государствами и народами. Одним из главных средств влияния и воздействия на общественное мнение Англии политические эмигранты всех направлений видели в русской литературе, которая в течение столетий в России являлась рупором социальных идей. В литературе было естественно искать ответы на русские вопросы, разгадывать загадки русской истории, русского характера, «русской души». Однако литература не сразу нашла дорогу к английскому читателю из-за языкового барьера; ей в значительной мере проложили дорогу «несловесные» виды искусства. На рубеже веков и в первые десятилетия XX века в Англии наблюдался необычайный всплеск интереса к русской музыке, живописи, балету. Все эти виды искусства были представлены «Дягилевскими сезонами» в Париже и Лондоне, захватившими внимание культурной элиты.

На волне интереса к искусству возник широкий интерес к литературе. В эти годы было осуществлено самое большое за всю историю количество переводов русской литературы. С открытием русской классики, особенно творчества Толстого и Достоевского, культурный авторитет России неизмеримо возрос. Английским исследователям удалось проследить «эволюцию» интереса англичан к разным русским писателям. На рубеже веков наибольшим влиянием в Англии пользовался Лев Толстой. Читателей интересовали не только его романы, но публицистика и философская проза, дневники и письма. За Толстым последовал Достоевский. Одним из ключевых событий в английской культурной жизни стал перевод «Братьев Карамазовых». Публикация романа положила начало стремительному росту популярности Достоев-

ского в Англии. Достигнув своего апогея к середине 1910-х годов, в разгар войны, поклонение русскому писателю превратилось в культ[9]. Долго, можно сказать никогда, не угасал в Англии интерес к Антону Павловичу Чехову. Популярности творчества Чехова способствовал эмигрировавший в Англию в 1919 году Федор Комиссаржевский, а также живший в Англии в середине 1930-х годов брат писателя режиссер Михаил Чехов, впервые поставивший на английской сцене «Бесов» Достоевского. Во многом благодаря присутствию эмигрантов и их деятельности, русская литература новой волны оставила заметный след в общественном сознании англичан. Особой популярностью пользовались М. Горький, Л. Андреев, Д. Мережковский, М. Арцыбашев. Так, жаждущие социальных и культурных перемен английские интеллектуалы следили не только за переводами произведений Максима Горького, но и за событиями его революционной жизни.

***

Последовавшие за войной события – в первую очередь русская революция – внесли радикальные изменения в русско-английские политические отношения и культурные контакты. Социальный состав русской колонии в Англии резко изменился: противников монархии сменила «белая эмиграция», и общественное мнение Англии не было настроено на этот раз в пользу русских эмигрантов. Их, не вдаваясь в детали, объявляли «монархистами», считая их представителями аристократии, поддерживавшими царский режим, хотя по своей политической ориентации «белая эмиграция» представляла почти всю палитру партий и течений революционной России.

В действительности русская аристократия в Англии была немногочисленной, но весомой по своим титулам и именам, а иногда и по своей финансовой обеспеченности. В Британии были приняты, хотя и не особенно тепло, некоторые члены царской семьи и лица из ее ближайшего окружения. Эта часть эмиграции поддерживала связи с английской аристократией и королевским двором. В этой среде было немало защитников монархии, вокруг них формировались монархические кружки и партии.

Заметную группу эмиграции составляли представители буржуазных партий Государственной Думы, в том числе кадеты – поклонники английской демократии, политические «англофилы», которые пользовались авторитетом и имели связи в Англии. Их лидером был Петр Милюков, западник, в свое время «германофил», который не раз проявил себя и как убежденный сторонник английской демократии. В Англии часто и подолгу бывал

бывший глава Временного правительства Александр Керенский, пытавшийся с помощью английских политиков организовать отпор большевикам. Страстным англофилом был Владимир Набоков, приехавший в Англию с семьей. Четверть века прожила в Англии одна из самых известных представительниц кадетской партии А. Тыркова-Вильямс. На первых порах, когда новая власть в России казалась недолговечной, некоторые английские политики считали кадетов наиболее перспективными представителями будущей власти в России.

Эсеры и меньшевики, а также предприниматели и банкиры составляли основу самой многочисленной из русских организаций – Общества Северян и Сибиряков. Их идейным лидером был эсер А. Байкалов. По разным обстоятельствам в Англии оказались член Третьей Думы трудовик А. Аладьин, министр образования П. Игнатьев, товарищ председателя Третьей Думы барон А. Мейендорф (приходившийся двоюродным братом Г. Чичерину), бывший министр иностранных дел Временного правительства М. Терещенко, министр финансов П. Барк и другие.

Иммиграцию русских в Англию пополнили остатки частей белой армии, эвакуировавшиеся на британских судах, воевавших вместе с британскими соединениями на севере, в Архангельске и Мурманске, на юге, в Ростове и Новороссийске. В значительном количестве оказались в Англии офицеры и солдаты армий Деникина и Врангеля, которых поддерживала Великобритания. Многие впоследствии переехали в другие страны Европы и в Америку. Сословный состав иммигрировавших в Англию остатков белой армии был самым разнообразным: здесь были генералы и офицеры, обладавшие если не средствами к существованию, то, по крайней мере, образованием, знанием языков; но были и простые солдаты из крестьян, никогда до этого не выезжавшие в Европу, не говорившие ни на одном иностранном языке.

Беженцам на первых порах помогали различные комитеты, однако учета своей работы в той катастрофической обстановке они не вели. Статистика русской эмиграции в Англии проводилась хаотично, о количестве беженцев существуют самые различные сведения. В статье «Мысли о русской эмиграции», опубликованной в пражском журнале «Воля России» в 1922 году, В. Лебедев писал: «Рекорд малочисленности русской эмиграции побит самой богатой и могущественной страной Европы – Англией <...> Общее количество русских в Англии – 15 000»[10]. В начале 1930-х британский исследователь В. Чапин-Хантингдон в книге «Измученные ностальгией миллионы» указывал на то, что в Англии после Октябрьской революции находилось около 10 000 русских бе-

женцев самого различного социального происхождения[11]. В книге П. Ковалевского «Зарубежная Россия» сказано: «Количество русских, поселившихся в Англии, никогда точно не было определено. В Лондоне в начале 1920-х годов жило 2.500 человек, из них до 500 детей (300 школьного возраста)»[12]. М. Раев в исследовании «Россия за рубежом» пишет, что после провала интервенции в Архангельске «15 000 русских были эвакуированы в Англию и вскоре переселены на континент»[13]. М. Гленн и Н. Стоун в книге «Другая Россия» высказывают предположение, что в Великобританию приехали в первые годы только 3 000 русских[14]. Архивы действовавшего в Англии «Русско-Британского 1917 г. Братства», однако, предлагают совершенно иную картину: в них указано, что в Великобритании в первые годы эмиграции находилось более 100 000 русских, причем более половины из них в Лондоне[15]. На эту цифру ссылался Владимир Набоков, обращаясь к русской колонии с просьбой о помощи населению районов, освобожденных от большевиков. Цифры важны не только в «этнографическом» разрезе: они могли бы служить ответом на вопрос, образовалась ли и существовала ли в Англии после русской революции эмигрантская «культурная среда», был ли в Англии «русский читатель», «русский зритель». Сама по себе статистика не дает ответа на этот вопрос, и картину русской культурной жизни в Англии можно восстановить только по архивам различных общественных и культурных организаций и периодике тех времен.

Судя по архивам, в русской колонии в Британии действовали многочисленные политические, общественные, культурные и коммерческие организации, издавались газеты и журналы, колония вела упорную культурную работу по сохранению русских традиций, наследия Золотого и Серебряного века русской культуры. П. Шиловский, инженер, приехавший в Англию с семьей в 1922 году, вспоминал: «Несмотря ни на что, русская колония в Лондоне стремилась в этих новых и чужих условиях сохранять полностью и во всех деталях структуру старой дореволюционной России. Вся прежняя Россия отразилась в этом лондонском микрокосме»[16].

Такие эмигрантские организации, как Комитет Освобождения России, Русский национальный комитет, Русско-Британское 1917 г. Братство, Союз Народоправства, Земгор, Общество Северян и Сибиряков, Русская академическая группа и другие включали в свою программу культурную, литературную и образовательную деятельность. В Обществе Северян и Сибиряков работала театральная студия, проводились лекции и концерты с участием писателей из разных центров русского зарубежья. Ши-

рокую культурную деятельность вел Русский Дом, сложившийся на основе дореволюционного посольства.

Интеллигенция в лондонской эмиграции составляла небольшой, но влиятельный круг, достаточно широкий для того, чтобы дать стимул издательской деятельности: этому кругу были адресованы газеты и журналы, выходившие в Англии на русском, на английском, а некоторые параллельно на двух языках. В первые годы после революции в Англии издавалось около двух десятков русских и англо-русских периодических изданий. Ведущие из них – «Бюллетени» Комитета Освобождения России, журналы «*The New Russia*», «*Russian Life*», «*The Russian*», газеты «*The Russian Outlook*», «*The Russian Gazette*», «Русский путь», «*Russian Times*» – давали детальное освещение событий в России на основе сведений, получаемых непосредственно из России. Выпускал свой журнал Союз Народоправства: «*The Russian Commonwealth*», публиковались Записки русского экономического общества в Лондоне: «*The Russian Economist*». Союз кооперативов Центросоюз выпускал журнал «Русский кооператор». «Британско-русская газета» (*The British Russian Gazette*) отражала деятельность Совета представителей русской промышленности и торговли.

В 1930-х годах одним из ведущих изданий эмиграции стала газета «Русский в Англии». Эта газета, так же как и другие русские и русско-английские периодические издания, выходившие в Великобритании, по праву могут рассматриваться не только в контексте культурной жизни русской колонии в Англии, но и русского зарубежья в целом. Русские и англо-русские журналы и газеты рассказывали о состоянии культуры революционной России, о положении писателей, ученых, художников, музыкантов на родине и в зарубежье. В дополнение к архивам они раскрывают неизвестные страницы из жизни больших русских писателей и деятелей культуры, например И. Бунин, Б. Зайцев, Н. Гумилев, М. Цветаева, Н. Рерих, Л. Андреев, А. Чаянов и другие.

Культурную жизнь русской колонии в Англии в основном направляли лидеры, личности, вокруг каждой из которых сосредотачивалась группа сторонников. В жизни всякой значительной личности этого периода литературную и художественную деятельность нельзя отделить от политической. Политики и бывшие дипломаты, такие как П. Милюков, В. Набоков, Е. Саблин были блестящими публицистами и журналистами; А. Тыркова-Вильямс кроме журналистики занималась историей литературы и писала романы. В то же время наиболее заметной фигурой среди русских, обосновавшихся в Англии, был преподававший в Лондон-

ском университете литератор, критик и историк Д. Святополк-Мирский, ставший одним из лидеров евразийства.

Благодаря русским литературным критикам и переводчикам англичане познакомились с творчеством своих русских современников – И. Бунина, И. Шмелева, А. Куприна, Е. Замятина, с такими труднопереводимыми писателями, как В. Розанов и А. Ремизов, открыли для себя русскую философскую эссеистику Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Лосского, Д. Мережковского. Так, Глеб Струве, профессор Лондонского университета, автор важнейших трудов по литературе России и русского зарубежья, помимо других своих заслуг «открыл» Замятина для английской литературы. Бесспорно влияние этого русского писателя на английскую утопическую традицию, в особенности на Оруэлла. В Англии преподавали и другие талантливые русские ученые: историк М. Ростовцев, литературовед Н. Бахтин, старший брат знаменитого философа и литературоведа М. Бахтина. Русские эмигранты успешно сотрудничали с английскими русистами, публиковали свои статьи в английских журналах. В значительной мере русские литературоведы и мыслители формировали отношение английской интеллектуальной элиты к России, к проблемам ее истории и современной политики. Автор заметки в газете «Россия» (1923) писал по поводу выхода в Лондоне очередного выпуска «Славянского обозрения» (*The Slavonic and East European Review)*: «Беглая Россия понемногу заражает Европу каким-то особым русским влиянием, вплоть до славянофильства. <...> Началось с балета, пришло к Достоевскому, к Блоку, дойдет, пожалуй, и до русского общественного настроения»[17].

Русские эмигранты, такие как Д. Мирский, художник Б. Анреп, переводчик С. Котелянский, балерина Л. Лопухова, были приняты в литературно-художественных кругах Англии: в элитарном салоне Блумсбери, где царила Вирджиния Вулф, и в Гарсингтоне, имении Оттолин Моррелл. Связи русских эмигрантов с английскими литературно-светскими салонами имели достаточно важные последствия для литературной жизни, поэтому можно говорить о «русских в Блумсбери» или о «русских в Гарсингтоне» как о факте русско-английских культурных и литературных связей. С представителями русской колонии так или иначе связаны визиты в Англию таких писателей, как И. Бунин, М. Цветаева, Б. Зайцев, Н.А. Тэффи, Е. Замятин, Н. Никитин, Б. Пильняк. В Англии в начале 1920-х годов писатели, приехавшие из Советской России, свободно общались с эмигрантами и им казалось, что на время исчезала растущая пропасть между советской культурой и культурой русского зарубежья. А в Советской России в эти го-

ды иногда попадали в печать сведения о жизни русской эмиграции, например, в журнал «Современный Запад», который редактировал Е. Замятин.

«Белая» эмиграция в Англии по своим политическим взглядам и жизненным ценностям, казалось бы, ничего общего не имела с предшествовавшей антимонархической «лондонской вольницей». Между этими двумя столь разными по характеру колониями существовала преемственность в области культуры и литературы: на английской почве сглаживались идеологические противоречия и проявлялось глубинное родство представителей русской культуры. Наряду с новым составом эмиграции, в Англии продолжали свою деятельность те, кто приехал до революции. Так, относительно короткий английский период в творческой биографии Владимира Набокова оказал формирующее воздействие на его становление как писателя, а английская тема своеобразно оттенила ностальгию по родине в его произведениях, составляющих многотомную художественную автобиографию на русском и на английском языке. Высокое положение в английской университетской иерархии занимал историк П. Виноградов, большой известностью и авторитетом пользовались писатель и публицист И. Шкловский (Дионео) и журналист С. Раппопорт, вели свою работу философ и переводчик Н. Даддингтон, юрист и переводчик С. Котелянский. Эмигранты старого и нового закала нередко воспринимались британцами как представители русской культуры, без разделения ее на советскую и зарубежную.

Важным объединяющим центром русской эмигрантской жизни в Англии была церковь. Православная церковь в Лондоне и Оксфорде собирала под своими сводами эмигрантов всех политических оттенков. Представители русской церкви приезжали в Англию на церковные конференции, участвовали в совместных службах. Значительным влиянием в Англии пользовались деятели Содружества святого Албания и преподобного Сергия, такие как С. Булгаков, Г. Флоровский, Г. Федотов, Н. Арсеньев, А. Карташев, Н. Зёрнов, Л. Зандер, Н. Городецкая. В Англии жили либо часто и подолгу бывали деятели церкви и религиозные мыслители: Н. Лосский, А. Карташев, К. Керн, А. Мейендорф. Учения русских религиозных мыслителей распространялись в английских переводах. В Оксфорде существовала кафедра русского православия, которую занимал Н. Зёрнов, представитель известной семьи, внесшей вклад в культуру России и русского зарубежья. Он писал о православии на английской почве: «Английское православие родилось под сенью русских эмигрантских приходов, семена, посеянные ими, принесли плоды»[18].

Положение русских эмигрантов в Англии зависело от взлетов и падений в политических взаимоотношениях Англии и России. Когда в 1921 году Англия признала Советскую Россию «де факто» и вступила с ней в торговые отношения, для эмигрантов наступили трудные времена. Многие представители английской интеллигенции приняли революцию и советский строй с энтузиазмом, хотя в большинстве своем знали о переменах в России понаслышке, по газетным корреспонденциям и слухам, и не имели понятия о реальном положении дел. В отношении англичан к России на протяжении последующих лет восторг сменялся страхом, надежды – недоверием. Временный разрыв дипломатических отношений сменило «розовое» десятилетие 1930-х годов, которое характеризовалось укреплением связей с Советской Россией. Политическая роль эмиграции, ее влияние на английскую политику по существу сводится на нет. Тем не менее жизнь русской эмиграции в Англии продолжалась: в научную и культурную деятельность постепенно вливалось новое поколение русских эмигрантов, воспитанных уже на английской почве.

У русской послереволюционной эмиграции в Англию было много общего с эмиграцией в другие центры Европы. Но были и отличия, отмеченные как самими эмигрантами, так и сторонними наблюдателями. Во многих европейских странах русская эмиграция существовала в той или иной мере изолированной общиной. Об этой изолированности русских, например в Берлине, писал в своих воспоминаниях Владимир Набоков: «За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка». Обособленность русских заметна в тех центрах, где они могли подолгу общаться только между собой и даже не знакомиться с парижскими или берлинскими «туземцами» (пользуясь выражением В. Набокова). В Англии это было невозможно: несмотря на то, что русская колония в этой стране имела отчетливые контуры, культурной и творческой самостоятельности на английской почве она не приобрела. Выступая в английской периодике, с кафедр английских университетов, обращаясь к английским читателям, сотрудничая с английскими коллегами в разных областях науки, русские должны были научиться говорить на языке английской культуры. Сторонний наблюдатель из среды евразийцев подметил «засасывающий характер» английской культуры: она отвлекала русских от их проблем и вовлекала их, как и других иностранцев, в английскую жизнь.

Русская эмиграция в Англии сыграла важную роль в качестве посредника между английской и русской культурой. Английские читатели и писатели воспринимали русскую литературу и русскую жизнь через посредство русских интерпретаторов: переводчиков, литературных критиков, историков литературы. В то же время, сегодня в русскую культуру благодаря эмигрантам, их потомкам и английским исследователям возвратились литературно-критические произведения и переписка, в том числе Д. Святополк-Мирского, Бахтина, Струве. Работы русских историков, созданные в эмиграции, в частности исследования Ростовцева, также заняли свое место в культуре России. Наследие русских эмигрантов в Англии, благодаря их английским ученикам и последователям, стало неотъемлимой частью современной русской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 По русской традиции здесь в одном и том же смысле употребляются названия Англия и Великобритания (в освещаемый период до 1922 года Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии, с 1922 года Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

2 *Федоров Н.Ф.* Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим//Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М.: Наследие, 1992. С. 147, 142.

3 *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 123, 125, 134.

4 *Иванов Вяч.* Россия, Англия и Азия//Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 377–380.

5 *Hotyakov N.* Bases of Anglo-Russian Friendship//The Russian Review. A Quarterly Review of Russian History, Politics, Economics and Literature. 1912. Vol. 1. № 2. P. 9–19.

6 *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 35–37.

7 Там же.

8 *Иванов В.Ф.* Тайная дипломатия. Харбин, 1937.

9 Влияние Достоевского, можно сказать гипнотическое, вызвало волну подражаний, а затем последовала реакция: стремление освободиться от его «чар». С Достоевским в английскую культуру вошло новое представление о «русской душе». В массовой литературе оно зачастую приобретало упрощенные и искаженные формы. Попытки некоторых английских писателей проникнуть в загадку «русской души» иногда носили вульгарный характер, русская тема трактовалась в примитивно-мистическом или сентиментальном ключе. Романы такого рода привлекали массового читателя и часто становились бестселлерами. Получая самое широкое распространение, романы с «русским колоритом» формировали расхожие, поверхностные представления о России. Этим стереотипным представлениям серьезные знатоки России: писатели, историки, журналисты, публиковавшиеся в английской прессе – стремились противопоставить глубокое понимание русской культуры.

[10] *Лебедев Вл.* Мысли о русской эмиграции//Воля России. 1922. № 25. С. 8.

[11] *Huntingdon W.* The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. Boston (Mass.): The Stratford Company Publishers, 1933.

[12] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека: 1920–1970. Париж, 1971. С. 56–57.

[13] *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 44.

[14] *Glenny M., Stone N.* The Other Russia: The Experience of Exile. London: Faber and Faber, 1990. P. XVII.

[15] Русско-Британское 1917 г. Братство. Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity). ГАРФ. Ф. 4649. Оп. 1. Д. 3. Л. 141.

[16] *Shilovsky P.P.* Here Is Imperial Russia...//M. Glenny, N. Stone. The Other Russia: The Experience of Exile. London: Faber and Faber, 1990. P. 291.

[17] *Т.* [*В.Г.Богораз* (*Тан*)]. Русоведение в Англии//Россия. 1923. № 7. С. 22.

[18] *Зёрнов Н.М.* Русский религиозный опыт и его влияние на Англию//Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей/Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 131.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ: БРИТАНСКИЕ РУССКИЕ ИЛИ РУССКИЕ БРИТАНЦЫ?

Оксана Моргунова

В течение почти всего XX столетия в России переезд в другую страну воспринимался как краеугольное событие жизни человека; эмигранты оказывались навсегда отрезанными от тех, кто оставался в родных краях, а жизнь диаспоры ассоциировалась с горечью изоляции, ностальгией, невозможностью возвращения. Сегодняшие реалии: все более прозрачные государственные границы, электронные средства общения, простота международных поездок – казалось бы, целиком меняют эти представления. Современные русскоязычные жители и посетители Британии многократно переезжают как внутри государства, так и из страны в страну, причем в эти передвижения включены не отдельные эмигранты, а десятки и даже сотни людей. Поэтому современное русское присутствие стало предметом изучения не только истории культуры, но и социологии.

«Значительная по размерам современная русскоязычная диаспора в Британии» – это констатация бесспорного факта, однако многое в этой фразе требует уточнения. Вглядимся в тех, кто сегодня живет, образно говоря, «на берегах Темзы» (а также Дона, Еска, Тайна, Мерси и других британских рек). В конце XX века Соединенное Королевство не объявляло программ иммиграции (подобных тем, что способствовали увеличению числа русскоязычных жителей в Германии, Греции, Финляндии), и с точки зрения «принимающей стороны» условно «русских британцев» можно разделить на несколько категорий.

Одна из них – так называемые высококвалифицированные специалисты. Появление в Британии таких специалистов, работающих

в компаниях и университетах, относится еще к периоду перестройки, когда, с одной стороны, на волне интереса к России и осознания перспектив российского рынка были созданы программы сотрудничества между институтами и организациями, а с другой стороны, начались сложности с финансированием науки в тогда еще Советском Союзе. Переезд ученых и специалистов за рубеж касался

Преподаватели и сотрудники Эдинбургского университета: биолог, профессор А. Медвинский, экономист, доктор философии Г. Андреева, кандидат филологических наук Г. Никипорец-Такигава и научный сотрудник Университета Хериот-Уот, главный научный сотрудник Физического института им. Лебедева РАН, доктор физико-математических наук В. Ковалев (фото автора статьи)

не только Британии. Другие страны Европы и Америка также стали магнитами, притягивающими интеллектуалов из России. В прессе, да и в научной литературе, в те годы появлялись «алармистские» статьи о якобы грозящей стране «утечке умов», но как и многие другие катастрофические прогнозы, этот также не оправдался[1].

Спустя более 20 лет после радикальных геополитических изменений, число специалистов, приехавших из России и работающих во многих областях британской науки, – в первую очередь в биологии, математике[2], химии, программировании – значительно. Проводя социологические опросы в разных городах Великобритании,

я часто сталкиваюсь с тем, что в русских «кругах» рассказывают о целых лабораториях, где на пробирках и в журналах пишут по-русски. Цитируют восклицания – опять-таки по-русски – из интернетовских чатов, дескать «Молодцы мы, британские инженеры». Заключают пари, что найдут в списке сотрудников любой кафедры хоть одну фамилию, которая будет указывать на российское происхождение.

Однако следует отметить, что далеко не все, работающие в интеллектуальной области, являются иммигрантами в Великобритании и планируют оставаться здесь навсегда. Многие их тех, кто работает в Соединенном Королевстве на постоянной основе, ведут совместные разработки или проекты со своими коллегами в России. Эта ситуация отражает интернациональный характер современной науки. То, что большинством воспринимается как эмиграция, в сущности является потребностью сегодняшнего дня, глобальным передвижением специалистов и идей по планете. Такая мобильность рождает немало проблем, в первую очередь для семей специалистов, и я вернусь к этому вопросу чуть позже.

Еще одна группа – супружеская миграция. Об этом особенно много написано в последние годы[3]. Эта категория – наиболее быстро растущая и достаточно непрогнозируемая с точки зрения профессиональных характеристик. Частично подобное явление можно объяснить влиянием Интернета на человеческую жизнь[4], ведь, как говорилось на осенней конференции 2009 г. Оксфордского института Интернета[5], сегодня шесть процентов браков в Великобритании заключается в результате знакомств во всемирной паутине. Большинство супружеских мигрантов в Британию – женщины. Но не надо забывать о другой значительной части женщин, приехавших из России, – это члены семей квалифицированных специалистов. Таким образом, женщины составляют то, что я назвала на заседании по проблемам женской миграции в Брюсселе «скрытым большинством» современной русскоязычной диаспоры в Британии – скрытым, но объединенным во многом общими проблемами. Оказавшись в Британии в результате семейных обстоятельств, прервав свою карьеру в родной стране и зачастую не имея или квалификации, или знания языка, необходимых в Британии, все эти женщины испытывают значительные сложности с тем, чтобы найти работу, состояться профессионально и обеспечить свою финансовую независмость. Однако многочисленные русские школы, клубы, разговорные группы, библиотеки создаются именно женщинами-мигрантами. Они сотрудничают в русскоязычных газетах и интернет-форумах, посещают концерты и спектакли русских исполнителей. Именно русскоговорящие женщины, живущие в Великобритании, способству-

ют поддержанию культурной преемственности и родного языка в своих семьях. В последние годы происходит также активный рост числа организаций русскоязычных жителей Британии – региональных объединений (таких как Институт Шотландия-Россия или Русская культурная ассоциация Северо-Восточной Англии), групп самопомощи, профессиональных объединений (например, «Русские в Сити»), групп по интересам (в том числе «Лондонский клуб интеллектуальных игр»), виртуальных сообществ, распространяющих свою деятельность на «реальную» жизнь (например, «Рупоинт» и «Доска»), а также «зонтичных» организаций (таких как недавно созданный Координационный совет российских соотечественников Великобритании). Неудивительно, что образованные женщины – то самое «скрытое большинство» русскоговорящих жителей Британии – играют самую активную роль в этих организациях.

Институт Шотландия-Россия находится на одной из средневековых улиц в центре Эдинбурга и организует лекции, конференции, выставки. Здесь работает библиотека и проходят уроки русского языка (фото автора статьи)

Третья большая группа – русскоговорящие жители Европейского союза, прежде всего из Латвии, Эстонии и Литвы. В среднем они моложе, чем представители других групп. Среди них чаще встречаются работающие студенты или молодые квалифицированные специалисты рабочих профессий[6]. Во многих случаях они рассматривают свою жизнь в Британии как временное явление.

Те, о ком говорилось выше, составляют безусловное большинство русскоговорящих жителей Соединенного Королевства. Однако, когда в Британии произносится слово «русские», то чаще всего

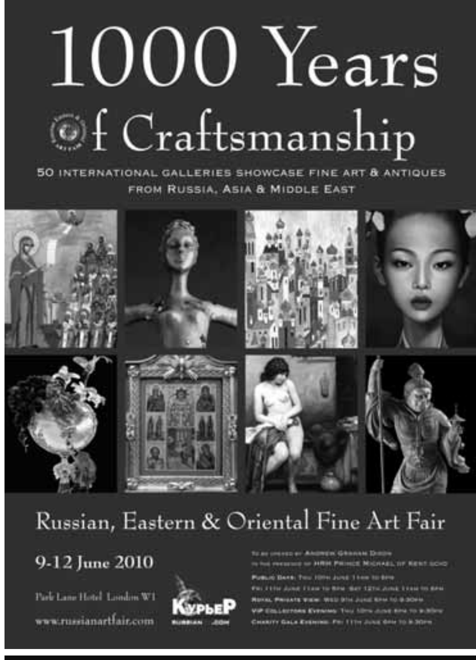
к нему добавляют «богатые». Это мнение создано как средствами массовой информации, так и реальными жизненными наблюдениями за нашими соотечественниками. Название одной из многих статей британской прессы «Русские олигархи слетаюся в Британию с миллиардами, чтобы их тратить и вкусить роскошь»[7] – точно передает характер интереса к этой малочисленной, но влиятельной группе.

Принц Майкл Кентский возлагает цветы к памятнику погибшим советским воинам в Лондоне. Торжественная церемония происходит каждый год 9 мая в 11 часов утра (фото РИА Новости)

Российские эмигранты до 1980-х годов и их потомки, ассоциирующие себя с русскими корнями, составляют самую малочисленную группу среди русских британцев. Но как бы ни была малочисленна эта группа – за ней стоит важный пласт культурных ассоциаций и особый исторический опыт. Поэтому присутствие этих людей в русскоязычном сообществе сегодняшней Британии имеет значение непропорционально большее, чем просто доля таких эмигрантов в диаспоре.

Специальные исследования, которые позволят точно отразить демографическую картину русскоязычного населения в Брита-

В Лондоне регулярно проходят выставки российского искусства и спектакли по пьесам российских авторов (снимки предоставлены русскоязычной газетой «Лондонский курьер»)

нии – пока дело будущего. Но при проведении разнообразных опросов социологический «невод» – как можно было бы назвать выборку для проведения интервью – неизбежно отражает изменения в русскоговорящих сообществах. На основе этих данных можно сделать следующие выводы: большинство из тех, кто живет сегодня в стране, приехали сюда в конце XX – начале XXI века. Значительную долю составляют семьи с детьми. Россияне в Британии – это прежде всего те, кто жили в городах в родной стране и предпочитают жить в городе в Британии. Сначала среди приезжающих доминировали жители мегаполисов России. Сейчас ситуация несколько изменилась, и если среди студентов и аспирантов большинство по-прежнему составляют молодежь из Москвы и Петербурга, а также университетских городов Сибири, то среди тех, кто приезжает в Британию, планируя остаться здесь надолго, увеличилась доля жителей провинциальных городов России. Уже можно говорить о втором поколении живущих в стране переселенцев перестроечного времени – эти молодые люди заканчивают сегодня вузы, начинают карьеру.

Сложнее всего оценить русское присутствие в Британии количественно. Как и раньше, например, в конце XIX века или в послереволюционное время представления о том, сколько россиян живет в Великобритании, сильно расходятся. По скромным оценкам, русскоязычное население 65-миллионной Великобритании составляет 300 тысяч человек[8], но некоторые данные говорят, что число русскоговорящих в стране приближается

к миллиону или даже превышает эту цифру. Такие расхождения неудивительны. Относятся ли к жителям Британии русскоговорящие студенты, проводящие в университетах до семи лет (если пишут кандидатскую диссертацию), предприниматели, имеющие компании как в России, так и в Британии (а возможно и не только в них) и курсирующие между странами? Надо ли «считать» распространенные научные или рабочие шести-девятимесячные контраты, которые при этом повторяются на протяжении многих лет? Как быть с теми представителями «второго поколения» русских мигрантов, многие из которых, будучи британскими гражданами, получив образование в Великобритании, работают сегодня на постсоветском пространстве? Как определить размер нелегальной эмиграции с постсоветского пространства? Уже в начале 90-х годов XX века демографический ежегодник ООН отмечал, что миграция принадлежит к явлениям, которые очевидны, но которые очень трудно оценить[9]. Активная динамика, или, как говорят некоторые специалисты, «турбулентность» человеческих передвижений, является одной из характерных особенностей нынешнего времени. Хотелось бы отметить, что современная российская миграция в Британию – не вынужденная, какой она была на протяжении всего XX века, а добровольная – соответствует мировой «картине» человеческих перемещений: переезд может быть как временным, так и постоянным, но не имеет оттенка «безвозвратности».

Следует также заметить, что, как и три века назад, в эпоху Просвещения, в Британию приезжают студенты и ученые, осуществляют официальные и деловые контакты специальные представительства, приезжают туристы и трудовые мигранты, а также по сложившейся традиции в Британии находят приют те, кто испытывает сложности в родных странах – характер русского присутствия в Соединенном Королевстве сохраняет те особенности, которые сложились здесь на протяжении нескольких веков. Можно ли назвать русскоязычных жителей Британии – диаспорой? Этот вопрос стал предметом разногласий ученых, занимающихся русской культурой и миграцией. Так, Келли утверждает, что, хотя в XIX столетии и ранее в России были эмигранты и изгнанники, нигде русские не сформировали какую-либо существенную по размеру диаспору[10]. Это противоречит мнению других исследователей, пишущих о «значительной российской диаспоре с ее собственной инфраструктурой организаций, газет и журналов, архивов и библиотек»[11]. Некоторые авторы признают значимость российской эмиграции после революции, но игнорируют существование россиян, живших за рубежом в дореволюционный период. Например, Кузмичева пишет: «массовый характер Первой волны [эмиграции] – абсолютно новое явление для России.

Англичане посылали своих преступников и диссидентов в Америку, Вест-Индию и Австралию [...]. И только в России мы не знали этого явления вне нашей родины»[12]. Утверждения о существовании или небытии российской диаспоры в прошлом во многом основаны на различном понимании, что такое «диаспора»: хотя русские сообщества за границей, например в XIX веке, обладали развитой социальной и культурной инфраструктурой, они не имели преемственности между поколениями и волнами миграций, поскольку различались идеологически, этнически, профессионально, социально.

Отзвуки этих споров, касающихся, казалось бы, исключительно истории эмиграции, можно услышать сегодня в полемике о современной русскоязычной миграции. Так, например, изучая русскоязычных жителей в Лондоне и Амстердаме, Копнина (которая сама принадлежит ко второму поколению российских эмигрантов) делает вывод, что российские сообщества за рубежом представляют собой узкие профессиональные кластеры, имеющие мало общего друг с другом[13]. В статье «Русская эмиграция – общность разобщенных»[14] Гречанинова пишет о том, что в какой-то степени общность всех русскоговорящих мигрантов создают сами британцы: «*русские* для многих британцев – это и украинские строители, и прибалтийские бармены, и многие другие выходцы из стран бывшего СССР». Э. Байфорд считает, что скрепляющим материалом для нынешних эмигрантов, рожденных в СССР, стал общий жизненный опыт, а русский язык играет прагматическую роль, устанавливает социальные связи в новой стране: «...постсоветскую миграционную сеть в Великобритании чаще называют сообществом "русскоговорящих". Вместе с тем термин "русскоговорящий" выступает в данном контексте не столько в роли маркера, базирующегося на языке социально-этнической идентичности, сколько как *политически корректный эвфемизм*»[15].

Возможно, отрицание существования российской диаспоры до революции (в те времена, когда переезд, например, в Британию граждан Российской империи был, как и сегодня, зачастую вызван профессиональными интересами и личными обстоятельствами) обусловлено устойчивыми и сохраняющимися до сего дня представлениями о том, что только вынужденная миграция – «простительна»[16]. Назаров говорит о русской эмиграции XX века скорее как о «духовном», чем политическом феномене[17], о «подвиге русскости» вынужденных эмигрировать. Послереволюционное расселение за границей жителей Российской империи и России вообще часто описывается в наиболее романтических тонах в сравнении с современной миграцией, которую, скажем, Ионцев называет «колбасной эмиграцией». Лебедева, анализируя психологию миграции, утверж-

дает, что послереволюционная эмиграция «была лучшим, что Россия вырастила». В своей статье, написанной через 10 лет после того, как россияне получили право свободно выезжать и возвращаться в родную страну, исследовательница, с одной стороны, борется с якобы по-прежнему существующим представлением об эмиграции как о предательстве, а с другой – удивляется, почему живущие сегодня за границей россияне не хотят «честно признать», что причины их отъезда из страны якобы чисто экономические[18]. Таким образом, статья исключает именно те мотивы, которые сегодня получают признание как у демографов, так и политиков: интерес к открыванию нового мира, стремление к профессиональному росту, совершенствованию навыков, духовный поиск, причины, связанные со здоровьем. Увы, когда мы начинаем говорить о современных россиянах за рубежом, в том числе в Британии, мы зачастую вступаем на зыбкую почву укоренившихся стереотипов и эмоциональных оценок.

Между тем, пожалуй, впервые в истории России сегодня создается и становится массовым феномен экспатриантов – людей, которые живут вне страны, но тесно связаны с ней культурными, семейными, деловыми узами, тем или иным образом включают родную страну в свои жизненные планы. Если еще пару десятков лет назад те, кто уезжали из России в Британию, обрекали себя на отсутствие связи с родными местами, то сегодня потери информации в общении с прежним социальным и культурным кругом во время жизни за границей не происходит. Интенсивность миграций достигла такого уровня, что создается как бы эффект непрерывающейся связи, постоянной включенности живущих за рубежом в жизнь обеих стран – явление, которе названо транснационализмом и присутствует в жизни множества современных диаспор. Сегодняшнее российское присутствие в Британии определяют именно эти мобильные, с каких-то точек зрения временные, но повторяющиеся на постоянной основе поездки, визиты, контакты, проекты между родной страной мигрантов и их новым домом.

Примечания

1 Дебаты по данному вопросу в том числе см.: *Gaillard J. and Gaillard A.* Introduction: The International Mobility of Brains: Exodus or Circulation?//Science Technology Society. 1997. P. 195–228; *Ushakov G., Malakha I.* The brain drain as a global phenomenon and its characteristics in Russia//Russian education and society 2000. Vol. 42.

№ 12. P. 18–34; *Глущенко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития//Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12. С. 50–57.

[2] См.: *Бронникова О.* Интеллектуальная эмиграция математиков из России в Великобританию: персональное решение или массовый феномен? – В печати.

[3] *Heyse P.* Deconstructing Fixed Identities: An Intersectional Analysis of Russian-speaking Female Marriage Migrants. Self-representations//Journal of Intercultural Studies. № 31(1). February 2010. P. 65–80; *Troitskaia I.* Russischtalige migranten in Brussel. Een uitgave van Regionaal Integratiecentrum//Foyer Brussel VZW, 2009.

[4] *Miller D. and Slater D.* The Internet: an ethnographic approach. Oxford: Berg, 2000.

[5] Oxford Social Media Convention 2009: Assessing the Evolution, Impact and Potential of Social Media, OII (18/09/2009).

[6] В том числе см.: *Morgunova O.* Making cakes in Scotland. Sweet memories and bitter experiences//In Sabine Fischer, Heiko Pleines, Hans-Henning Schröder (eds): Movements, migrants, marginalisation. Challenges of societal and political participation in Eastern Europe and the enlarged EU. Ibid. Publishers (Stuttgart). 2007. P. 101–111.

[7] Russian oligarchs flock to Britain with billions to spend and a taste for luxury. By Maxine Frith, Social Affairs Correspondent//Independent. 2005. 17 Oct.

[8] http://www.workpermit.com/news/2006_12_19/uk/russians_londongrad.htm.

[9] Demographic Yearbook. New York, UN, 1998.

[10] *Kelly C.* (ed.) Russian Cultural Studies. US, Oxford University Press. 1998. P. 234.

[11] *Окороков А.* История великих российских переселений//Под ред. А.А. Бондарева. Эмиграция и репатриация в России. М.: Светлый путь. 2001. С 41.

[12] *Кузмичева О.* Теоретические проблемы исторических исследований//Под ред. С. Карпова. Тр. ист. фак. МГУ. Т. 20, М.: МГУ, 2000.

[13] *Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. London: Ashgate, 2005.

[14] *Гречанинова М.* Русская эмиграция – общность разобщенных//Би-би-си. 2007/01/22.

[15] *Байфорд Э.* «Последнее советское поколение» в Великобритании//Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64).

[16] *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт Анализа дискурсивных практик. Vienna: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001.

[17] *Ионцев В.* Мировые миграции//Под ред. А.А. Бондарева. Эмиграция и репатриация в России. М.: Светлый путь, 2001.

[18] *Лебедева Н.* Русская эмиграция в зеркале психологии//Под ред. А.А. Бондарева. Эмиграция и репатриация в России. М.: Светлый путь, 2001. С. 143.

ВДАЛИ, НО ВМЕСТЕ

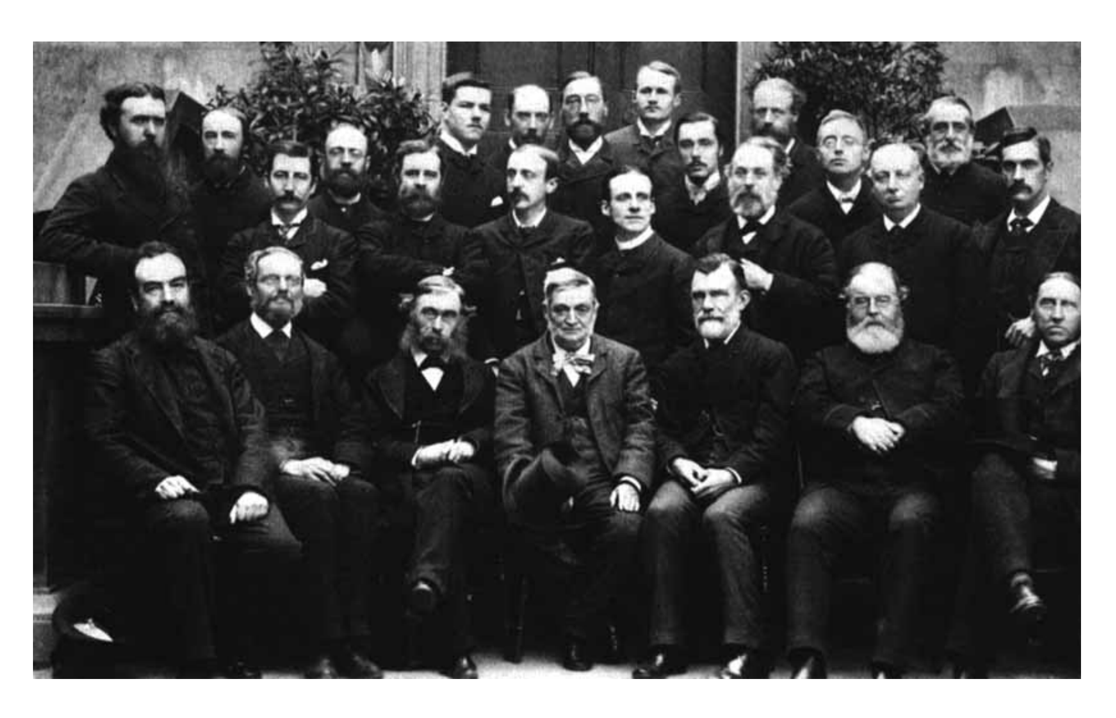
БИБЛИОТЕКА БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ КАК ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ XIX ВЕКА

Екатерина Рогачевская

Британия второй половины XIX века была достаточно привлекательным местом для разного рода иммигрантов. Исследователь иммиграции Б. Портер пишет, что «Британское правительство попросту не могло препятствовать въезду иммигрантов в страну, потому что в стране отсутствовали законы, которые позволили бы ему это сделать»[1]. Более того, когда первый закон об иммигрантах, так называемый *Alien Act* (Закон об иностранцах) все-таки появился в 1848 году, он никогда не был применен на практике и был отменен через два года в 1850 году. Несмотря на то, что ни британцы, ни сами беженцы не испытывали особенной радости от сосуществования бок о бок, в целом обстановка для иностранцев была благоприятная: они находились в безопасности, защищенные отсутствием соответствующего законодательства и желанием британцев показать своим европейским соседям, насколько свободно и цивилизованно было их общество. Например, А. Герцен писал: «Нет города в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон. <...> Здешняя жизнь, точно также как здешний воздух, вредна слабому, хилому, ищущему опоры вне себя, ищущему привет, участие, внимание; нравственные легкие должны быть здесь так же крепки, как и те, которым назначено отделять из продымленного тумана кислород»[2]. И даже когда правительства других стран пытались надавить на британских офи-

циальных лиц и получить поддержку британских секретных служб и полиции в поимке и выдаче политических беженцев, у них мало что получалось. Таким образом, как заметил Б. Портер, Первый Интернационал был в значительной степени основан на лондонской общине политэмигрантов.

Русских в Британии в то время было немало. Если в 1871 году русских и поляков (эти национальности не различали в данной переписи населения) было 9569, то в 1891 году среди жителей Англии и Уэлса насчитывалось уже 21 448 человек, рожденных в

Сотрудники Департамета печатных изданий Британского музея (около 1885 г.). В первом ряду слева Дж. Н. Нааке, Р. Гарнетт, Дж. У. Портер, Дж. Буллен, Р. Мартино. В третьем ряду второй справа – Р.Н. Бейн (печатается с разрешения архива Британской библиотеки)

Польше (входящей в состав Российской империи), и 23 626 человек, происходивших непосредственно из России. В 1911 году среди 36-миллионного населения Англии и Уэлса проживали 51 163 русских и поляков[3]. Разумеется, далеко не все они были политическими эмигрантами, тем не менее достаточно большая часть русских, находяшихся за границей, была политически активной. В. Гросул отмечает, что «если в 1856 г., в период первого пребывания в Лондоне Огарева, с ним и с Герценом встретилось не более десяти человек,

<...> прибывших из России, то совсем другая картина складывается в 1857 году. В одном из писем Герцена от июля 1857 отмечается, что русских в Путнее (район Лондона. – *Прим. ред.*), где он находился, “видимо-невидимо”. Уже в октябре того же года он пишет, что его посещают “лавины русских”, а недели через две в одном из писем отмечает, что “русских бывает много”»[4].

И несмотря на то, что уже к концу XIX – началу XX века Британские острова больше не являлись основной страной массовой революционной эммиграции из России[5], они по-прежнему оставались «интеллектуальным центром» русского революционного движения. В то же время печать в Британии хотя и не была полностью свободной от цензурных запретов, но по сравнению с Россией и некоторыми другими европейскими странами была образцом свободной прессы, по крайней мере в том, что касалось политики. Британцы об этом знали и гордились своими порядками, поэтому, даже не испытывая настоящего интереса к делам иностранцев, проживающих в их стране, они с гордостью любовались своей космополитичностью. Газета *The Leader* писала по поводу открытия первой вольной русской типографии в Лондоне: «Лондон с каждым днем все больше и больше становится интеллектуальным центром всего мира» (11 июня 1853 г.)[6].

Именно благодаря такой обстановке, которая сложилась в Британии в середине XIX века, эта страна стала первым центром, где была основана неподцензурная русскоязычная печать. Конечно же, сохранение языковой общности путем развития издательской, культурной, литературной и учебной деятельности – основополагающая задача любой диаспоры, иммигрантских общин в любой принимающей стране. Но так случилось, что смысл издательской и культурно-строительной деятельности русской и российской эмиграции в середине XIX века в Великобритании был направлен не на «внутреннее потребление» самой же диаспорой, а на распространение на родине. Связь с российской культурой, литературой и политикой, возможность оперативно получать новости и реагировать на события в России были абсолютно необходимы российским эмигрантам для того, чтобы завоевать как можно больше сторонников среди британских интеллектуалов и таким образом сформировать общественное мнение, которое бы осудило «ужасы» политического строя в России – и надо сказать, что им это удалось. Например, английская писательница, социалистка, член Фабианского общества Анни Безант восторженно писала С. Степняку-Кравчинскому в 1885 году: «Дорогой г-н Степняк! <...> Не могу выразить, как сильно меня заинтересовали ваши книги о России и с какой готовностью

я оказала бы вам и вашим друзьям любую помощь, какую только могу, – помощь вашим усилиям сокрушить тиранию»[7].

С другой стороны, пропаганда революционных идей была самым тесным образом связана с необходимостью заниматься исследовательской и публицистической деятельностью, для чего также было нужно большое собрание русскоязычных печатных материалов. Интересно, что роль интеллектуального центра русской культуры в Британии середины – конца XIX века сыграла библиотека Британского музея. Явление это, надо сказать, довольно уникальное. По крайней мере, мне неизвестны иные примеры того, как национальные библиотеки других стран становились неформальными культурными центрами эмигрантских сообществ. Почва для этого была подготовлена, разумеется, в недрах самой библиотеки.

Хранилище газетного фонда библиотеки Британского музея (рисунок из Справочника мировой прессы Селла, 1893, стр. 110–11)

В 1831 году на работу в Британский музей был взят 34-летний итальянский эмигрант Антонио Паницци[8]. Будучи сторонником объединения и независимости Италии, Паницци подвергся на родине угрозе ареста, и в 1823 году ему удалось бежать сначала в Швейцарию, а затем в Англию. Молодой итальянец быстро продвинулся по службе и, проработав ассистентом (*Assistant Librarian*) всего 6 лет, уже в 1837 году был назначен хранителем Отдела печатных изданий (*Keeper of Printed Books*), а с 1856 по 1866 год работал Главным библиотекарем (*Principal Librarian*), т.е. директором библиотеки Британского музея. Вероятно, ему самому не хватало в библиотеке книг на его родном языке и на других европейских языках, которые он знал, поскольку созданная вместе с Британским музеем в 1753 году библиотека к 30-м годам XIX века все еще больше напоминала джентльменский клуб, чем академическое собрание литературы. Иност-

ранные книги оказались в этой библиотеке только благодаря тому, что уже изначально были частью чьей-либо личной коллекции, приобретенной музеем. Например, первые рукописные и печатные книги на русском языке попали в библиотеку Британского музея в составе коллекции сэра Ханса Слоуна (1660–1753), которая была одной из четырех частных коллекций, положивших основу фондам библиотеки. Слоун являлся почетным членом Российской академии наук и в течение многих лет переписывался с российскими академиками[9]. Несколько русских и славянских книг было в библиотеке короля Георга III, которая была подарена Музею в 1823 году. Достаточно большой случайностью было и то, что князь Чарторыйский предложил в подарок Музею свою коллекцию польских книг в 1832 году.

Приход Антонио Паницци к руководству Отделом Печатных изданий в 1837 году в корне изменил ситуацию. С помощью других сотрудников, и в частности Томаса Уоттса (1811–1869), который занимал тогда не слишком высокий пост ассистента, но впоследствии сыграл самую важную роль в истории иностранного комплектования библиотеки в XIX веке, Паницци составил отчет о состоянии фондов для Парламентской Комиссии в 1846 году[10]. Уоттс подготовил для Паницци сравнение коллекции музея с различными иностранными каталогами и библиографиями, в том числе с каталогом книжной лавки А. Смирдина, приобретенным еще в 1839 году, и наглядно показал, что библиотека имела лишь единицы из сотен трудов, изданных в России. Такие же результаты получились и по другим странам. В результате этого отчета ежегодная сумма на иностранное комплектование возросла с 4,5 до 10 тысяч фунтов. Целью этих двух реформаторов стало создание лучших коллекций литературы на разных языках, которые уступали бы по качеству и количеству томов только библиотекам соответствующих стран, т.е. они хотели создать лучшую коллекцию немецкой литературы вне Германии, итальянской литературы – вне Италии, русской литературы – вне России и т.д. И это им удалось.

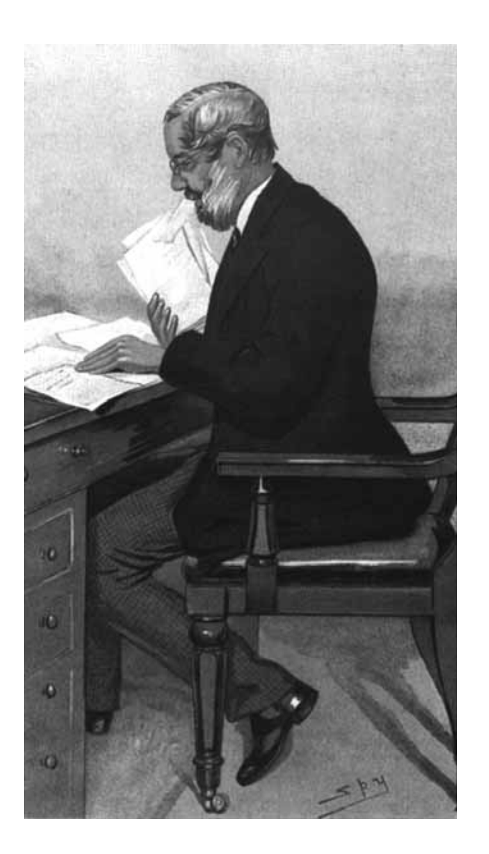
Надо сказать, что знание русского языка (а также других «трудных» языков, каковыми считались скандинавские, восточные, все славянские, венгерский и некоторые другие языки) являлось в Британии чрезвычайной редкостью. Выучить эти языки можно было только самостоятельно, и способны на это были лишь немногие одаренные лингвисты. Одним из таких людей и был Томас Уоттс, которого Паницци изначально взял в библиотеку добровольным каталогизатором. В 1856 году, когда Паницци занял пост директора библиотеки, Уоттс стал помощником начальника Отдела печатных изданий, а затем возглавлял его в 1866–1869 годах уже после ухода Паницци на пенсию. После смерти Уоттса другой одаренный линг-

вист, знаток нескольких славянских языков Вильям Шедден Ролстон (1828–1889), впоследствии создавший себе репутацию специалиста по русской литературе и находившийся в переписке с некоторыми русскими писателями, в том числе с И. Тургеневым[11], не смог получить место начальника отдела или его заместителя и выполнять работу Уоттса. И хотя Ролстон поступил на службу еще при жизни Уоттса, в 1853 году, и начал учить русский язык по настоятельному совету Паницци, ему так и не доверили самостоятельной работы по отбору книг на заказ.

В среднем в XIX веке Британский музей покупал около 200 русских книг в год. Несмотря на то, что на протяжении всего XIX века в Отделе печатных книг всегда были сотрудники, знавшие русский язык, в 70–80-е годы начальство не проявляло большого интереса к русским книгам. И только Ричард Гарнетт (1835–1906), занявший к концу 80-х годов один из ключевых постов в Отделе печатных изданий, несколько изменил ситуацию. К 90-м годам его дети, в основном дочь Оливия (1871–1958) и невестка Констанс (1861–1946), впоследствии известная переводчица классической русской литературы на английский язык, были увлечены Россией, а русские революционеры-эмигранты являлись частыми гостями в доме как самого Ричарда Гарнетта, так и позже – его сына Эдварда, мужа Констанс. Дневники Оливии, где описывается именно этот период ее жизни, были не так давно опубликованы Барри Джонсоном[12]. Оливия и Констанс учили русский язык у Феликса Волховского, а затем Оливия некоторое время жила в России и написала несколько художественных произведений на русскую тему[13]. Волховский помогал Констанс с ее первым переводом с русского языка – это была «Обыкновенная история» Н. Гончарова[14]. Он же познакомил Гарнеттов с С. Степняком-Кравчинским, и Оливия Гарнетт была платонически влюблена в него. Волховский познакомил Гарнеттов и с другими русскими политическими эмигрантами. Оливия даже дала свой домашний адрес (а жили Гарнетты в самом Музее) для того, чтобы эмигранты могли использовать его для конспиративной переписки [15].

Необходимость получения литературы на русском языке со стороны эмигрантов и усилия по формированию коллекции со стороны сотрудников музея привели в итоге к созданию большой, фундаментальной и современной коллекции исследовательских материалов по истории, культуре, политике и экономике России. К 80-м годам XIX столетия отсутствие в библиотеке какого-либо «классического» или просто «важного» труда на русском языке считалось уже странным и почти недопустимым.

Практически все российские эмигранты были записаны в библиотеку и пользовались ее читальным залом регулярно. Мои коллеги, работавшие еще в Круглом читальном зале (вот уже более десяти лет как Британская библиотека переехала в «новое здание» возле вокзала Кингз Кросс), до сих пор вспоминают, как были причастны к созданию одной из легенд. Дело в том, что советские туристы, посещавшие Музей, всегда интересовались, где же в этом замечательном зале работал Ленин. Ленин имел читательский билет для посещения библиотеки с начала мая 1902 по май 1903 года, а затем еще приходил в мае 1905, июне 1907, мае – августе 1908 и ноябре 1911-го[16], работая в библиотеке от нескольких дней до трех месяцев. Вряд ли у него было постоянное рабочее место. Сотрудники музея решили, что, вероятнее всего, Ленин любил сидеть возле книг открытого доступа по британской и европейской истории. Это место и решили показывать туристам, но мемориальную доску устанавливать не стали. Впрочем, как не стали устанавливать мемориальные знаки и другим выдающимся эмигрантам, многие годы работавшим в библиотеке. Например, С. Степняк-Кравчинский упоминал в одном из своих писем Эдуарду Пизу: «Теперь я должен кончать, – мне только что навалили на стол гору книг (я пишу в музее), и надо взяться за работу»[17].

Ричард Гарнетт (карикатура сэра Лесли Уарда, псевдоним «Шпион») в «Ванити Фэйр» 11 апреля 1895 года

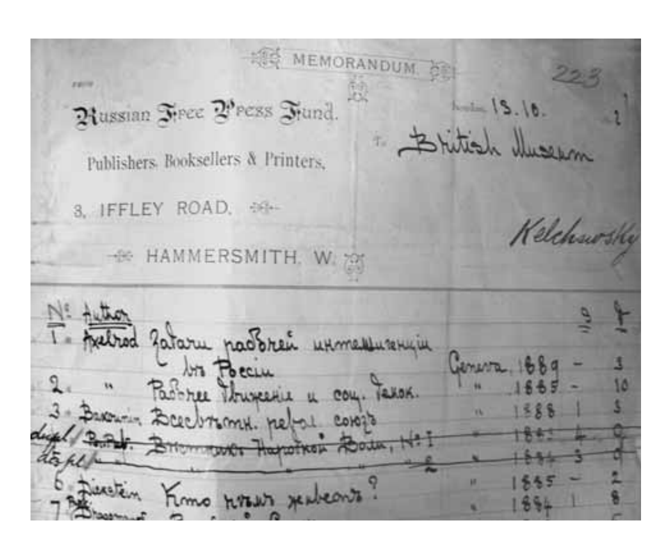
Таким образом, неудивительно, что русские эмигранты рассматривали Британский музей как свое «культурное пространство» и начали принимать непосредственное участие в формировании русских фондов музея. Многие из них дарили свои книги. Например, князь П. Кропоткин, помимо множества книг и газет, перед своим окончательным отъездом в революционную Россию подарил Музею коллекцию газетых вырезок, которые сам собирал с 1891 по 1907 год. Коллекция эта посвящена эмансипации и женскому вопросу в России и является уникальным документом (шифр: 1884.a.11).

В 1891 году Фонд вольной русской прессы был организован в Лондоне С. Кравчинским, Ф. Волховским, Л. Шишко и Н. Чайковским для пропаганды революционных идей и печатания неподцензурной литературы. Через год он начал коммерческую деятельность по продаже своей продукции, и 10 октября 1892 года Британский музей зарегистрировал письмо, датированное 7 октября, в котором содержалось предложение о деловом сотрудничестве: «Милостивый Государь! Я беру на себя смелость послать Вам каталог русских книг и памфлетов, запрещенных российской цензурой. Если Вы пожелаете заказать какие-либо из них для русского отдела библиотеки Британского музея, мы можем дать скидку в 10 процентов. У нас имеются также некоторые новые работы Льва Толстого, также запрещенные в России». Письмо было подписано именем Ивана Кельчевского[18], что, по-видимому, было псевдонимом первого бизнес-менеджера Фонда В. Войнича[19], впоследствии библиофила, коллекционера и самостоятельного книготорговца, в том числе ведшего дела и с музеем. Гарнетт откликнулся на предложение, и уже через несколько дней Музей получил второе письмо, в котором «Кельчевский» сообщал, что пошлет книги Толстого, которых сейчас нет на складе, через две недели и уведомлял о том, что он взял на себя смелость добавить к заказу очень редкое издание («3-го тома уже нет на рынке») – журнал «Громада», издававшийся Драгомановым[20].

В том же 1892 году, в ноябре, обратился в Музей с предложением о сотрудничестве и продаже книг и Михаил Эльпидин, издатель и организатор русской библиотеки в Париже[21]. Его отношения с музеем не сложились, но попытка была предпринята.

Фонд вольной русской прессы поставлял в библиотеку Музея не только свои издания, но и запрещенные книги из России. Неподцензурная литература, изданная в Британии на русском языке, должна была поступать в библиотеку автоматически как обязательный экземпляр. Несмотря на это, некоторые книги, изданные Фондом вольной русской прессы, были проданы библиотеке Британского музея. Так, в 1901 году Фонд продал библиотеке Британского музея 100 названий книг и брошюр, опубликованных различными эмигрантскими организациями по всей Европе. Стоили они, конечно, недорого, и Фонд получил лишь немногим больше 6 шиллингов. И хотя большинство книг было издано вне Великобритании, среди проданных книг оказались и несколько «лондонских» выпусков «Народной революционной библиотеки», издававшихся Аграрно-социалистической лигой, основной костяк которой в то время располагался в Женеве. Неторые выпуски этой серии были напечатаны в Лондоне в типографии Фонда, и именно «Лондон» указан на титульном листе или обложке как место выхода книги. Наблюдаются

и обратные случаи: книга вышла не в Британии, но попала в библиотеку как обязательный экземпляр. Например, Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд) также имел типографию на юге Лондона (*17 Montem Road, Forest Hill, London. SE23*). Но интересно даже не то, что некоторые материалы этой типографии попали в фонды Британской библиотеки[22], а то, что брошюра «Тайная докладная записка Виленского губернатора о положении евреев в России» (1904), напечатанная в Женеве, также поступила в библиотеку в качестве обязательного экземпляра. Это, возможно, была простая ошибка распространителей, а может быть, и сознательное решение бундовцев депонировать свои материалы в национальной библиотеке.

MEMORANDUM.

Russian Free Press Fund.

Publishers, Booksellers & Printers,

3, IFFLEY ROAD.

HAMMERSMITH, W.

British Museum

Книги, изданные Фондом вольной русской прессы, были проданы библиотеке Британского музея (фото предоставлено автором).

Но самым интересным событием, которое показывает, насколько российские эмигранты заботились о пополнении русских фондов музея для своей научной работы, стало письмо князя Петра Кропоткина, написанное в августе 1888 года. В этом письме Кропоткин указал на лакуны в комплектовании фондов за последние 20 лет и предлагал способы их устранения. К письму прилагался список, состоявший более чем из 50 позиций. Письмо отложилось в архиве не в томах с общей корреспонденцией, а среди официальной переписки и документов. Это наводит на мысль о том, что письму придавалось особое значение. Могу даже предположить, что Кропоткин предварительно обсуждал состояние русских фондов с Ричардом Гарнеттом, тогда помощником хранителя Отдела печатной книги (с 1890 года – хранитель Отдела печатной книги). Предположение это строится на неслучайном, на мой взгляд, совпадении – именно в 1888 году Гарнетту был поручен отбор иностранной литературы на заказ, т.е. комплектование фондов – участок работы, который Гарнетт получил в довольно запущенном состоянии. Служебная записка Гарнетта как реакция на письмо Кропоткина была написана очень оперативно – на второй день после получения письма. Ин-

тересно отметить, что Британский музей по традиции комплектовал иностранные фонды в основном литературой по гуманитарным дисциплинам. Кропоткин же невольно делает упор на общественные и естественные науки, т.е. предметы, которыми занимался он сам. Это показывает, что Кропоткин рассматривал библиотеку Британского музея как место для своих исследований и подсознательно «подбирал» фонды под свои интересы. Свое письмо П. Кропоткин заключил следующими словами: «...любой, кто работал в библиотеке Британского музея, не может не испытывать своего рода привязанность к этому исключительному заведению»[23].

Традицию рекомендовать литературу для приобретения библиотекой, чтобы российские эмигранты могли бы удовлетворить свои «информационные потребности», продолжил Владимир Бурцев. В марте – декабре 1896 года он также написал Гарнетту несколько писем с предложениями приобрести некоторые важные издания, в том числе газеты «Голос», «Неделя» и «День», которые были необходимы не только ему, но и «другим русским – Кропоткину, Волоховскому + другим» (Архив ББ: DH4, 1896, т. 66 (A-G)). В другом письме он также подчеркивал, что «говорит не только от своего имени, но и от имени своих друзей, которые работают в Музее: м-ра Волоховского, Ротштейна[24], Литвинова и других» (там же).

Издательский центр российской эмиграции к концу XIX века все больше и больше перемещался в Швейцарию. В 1895 году трагически погиб С. Степняк-Кравчинский, и в 1899-м Ричард Гарнетт ушел на пенсию с поста Главы Отдела печатных изданий. Прекратил свою деятельность в самом начале XX века Фонд вольной русской прессы, а в 1905 в году России произошла первая, пока еще неудачная, революция. Началась новая эпоха в жизни библиотеки Британского музея и русской диаспоры в Британии.

Примечания

1 *Porter B.* The refugee question in mid-Victorian politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 44. См. также: *Porter B.* The Asylum of Nations: Britain and the Refugees of 1848, in Exiles from European Revolutions. Refugees in Mid-Victorian England (ed. by Sabine Freitag). NY; Oxford: Berghahn Books, 2003. P. 43–56.

2 *Герцен А.* Былое и думы. В 3-х т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 3 (ч. 6). С. 5. Впрочем, многие русские эмигранты были не в восторге не только от Британии, но и от Запада в целом, например, В. Кельсиев писал в 1864 году: «И ненавижу я ее, эту Европу – много горечи вынесло сердце мое из западной жизни» (Русская старина, Спб, 1882, № 9. С. 636).

[3] Цит. по: *Holmes C.* Immigrants, Refugees and Revolutionaries//From the Other Shore: Russian political Emigrants in Britain, 1880–1917 (ed. by J. Slatter). London: Frank Cass, 1984. P. 8. См. также: сайт официальной статистики Histpop – The Online Historical Population Reports: http://www.histpop.org/ohpr/servlet/Browse?path=Browse&treestate=expandnew&active=yes .

[4] *Гросул В.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. С. 35. Ссылки на письма Герцена см. там же.

[5] Ссылаясь в свою очередь на рукопись кандидатской диссертации Т. Никитина «Российская политическая эмиграция конца XIX века: идейная борьба между марксистами и революционными народниками» (М., 1991), В. Гросул сообщает, что, по данным П. Рачковского, главы заграничной агентуры во Франции (1885–1903, с некоторыми перерывами), «общее число [политических. – *Е.Р.*] эмигрантов из России составляло на 1 января 1886 г. около 200 человек, их них <...> около 10–15 в Лондоне <...>. (*Гросул В.Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. С. 286).

[6] Хелен Вильямс назвала Лондон одним из самых популярных мест для издательской деятельности: «...26% названий [русскоязычных неподцензурных журналов. – *Е.Р.*] были целиком или частично напечатаны в Британии» (*Williams H.* Russian-Language Periodical Publications by the Radical Emigration//Solanus. Vol. 12. 1998. P. 23).

[7] *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М.: Наука, 1968. С. 195.

[8] См. о нем: *Miller E.* Prince of librarians: The life and time of Antonio Panizzi of the British Museum. London, 1988; Dictionary of National Biography. London, 1895. Vol. 43. P. 179–183. За исключительные заслуги на библиотечном поприще королева Виктория в 1869 году пожаловала А. Паницци титул рыцаря ордена Британской Империи.

[9] *Christine G. T.* Sir Hans Sloan and the Russian Academy of Science//British Library Journal, 1988. Vol. 14. P. 21–36; *Bryce W. J.* Russian collections in the Sloane Herbarium//Archives of Natural History. Vol. 32(1). 2005. P. 26–33.

[10] Panizzi's Report on the State of the Collections//Parliamentary Papers. Vol. XXV. 1846.

[11] Период работы Паницци и Уоттса над созданием русской коллекции подробно описан в статье К. Томас и Р. Хендерсона: *Thomas Chr., Henderson R.* Watts, Panizzi and Asher: The development of the Russian collections, 1837–1869//British Library Journal. 1997. Vol. 23. № 2. P. 154–157. См. также: *Томас К.* Комплектование русских фондов Британского музея в середине XIX века//Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сб. научн. тр. Вып. 13. СПб., 2006. С. 54–65. О Ролстоне см.: *Алексеев М.П.* Английский язык в России и русский язык в Англии//Ученые записки (ЛГУ). Серия филологических наук. Вып. 9. 1944. С. 128; *Alekseev M.* William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century//Oxford Slavonic Papers. Vol. XI. 1964. P. 82–92.

[12] *Garnett O.* Tea and anarchy! the Bloomsbury diary of Olive Garnett 1890–1893. London: Bartletts, 1989; *Garnett O.* Olive & Stepniak: the Bloomsbury diary of Olive Garnett 1893–1895. Birmingham: Bartletts, 1993.

[13] *Garnett O.* In Russia's Night. London: W. Collins, Sons & Co., 1918; *Garnett O.* Petersburg Tales. London: W. Heinemann, 1900.

[14] *Goncharov I. A.* A Common Story/Translated from the Russian by Constance Garnett// Heinemann's International Library. № 17. [London]: Heinemann, 1890.

[15] *Garnett O.* Tea and anarchy! : the Bloomsbury diary of Olive Garnett 1890–1893. London: Bartletts, 1989; *Garnett O.* Olive & Stepniak: the Bloomsbury diary of Olive Garnett 1893–1895. Birmingham: Bartletts, 1993. P. 73.

[16] См. об этом: *«Lenin at the British Library»* на сайте Британской библиотеки.

[17] *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М.: Наука, 1968. С. 199. Там же см.: об Э. Пизе (с. 402).

[18] В некоторых источниках встречается Кольчевский, в оригинале письма – J. Kelchevsky.

[19] См.: Archive of communications of the Journal Of Voynich Studies http://www.geocities.com/rfamperes/JVSvolII2008.htm (Т. 2. 2008. Записи 193–200).

[20] *Garland H.* Notes on the firm of W.M.Voynich//Library World. 34 (April 1932). P. 225–228. См. также: каталоги Войнича, поступившие в библиотеку музея: *Voynich W. M.* A First (-Ninth) list of books offered for sale. [With «A First list of books, second edition», «Supplement to the Eighth list» and «Index of books contained in Lists I-VI».] London, [1898–1902]; *Voynich W. M.* Short Catalogue of second-hand books and manuscripts, offered [later:] Catalogue of old and rare books offered [later:] Catalogue, etc. [London, 1903–1914.

[21] Об этой противоречивой фигуре см.: *Senn A. E.* M. K. Elpidin: Revolutionary Publisher//*Russian Review*. Vol. 41. 1982. №. 1. P. 11–23. Есть упоминания о нем и в других работах, см., например: *Hardy D.* The Lonely Emigre: Petr Tkachev and the Russian Colony in Switzerland//Russian Review. Vol. 35. 1976. №. 4. P. 400–416.

[22] Например, «Правда о Гомельском погроме» (1903), В. Кололенко, «Дом № 13-ый. (Эпизод из Кишеневского погрома)», 2-е изд. (1903), «VI-ой Сионистический Конгресс в Базеле» (1903), «II съезд Российской С.-Д. Р. Партии. Отчет делегатов Бунда» (1903). Все эти брошюры имеют синий штамп обязательного экземпляра.

[23] Архив ББ: DH2 – Служебная корреспонденция. 1888. Т. l.2 (41).

[24] Федор Аронович Ротштейн (1871–1953).

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА В ИСТ-ЭНДЕ

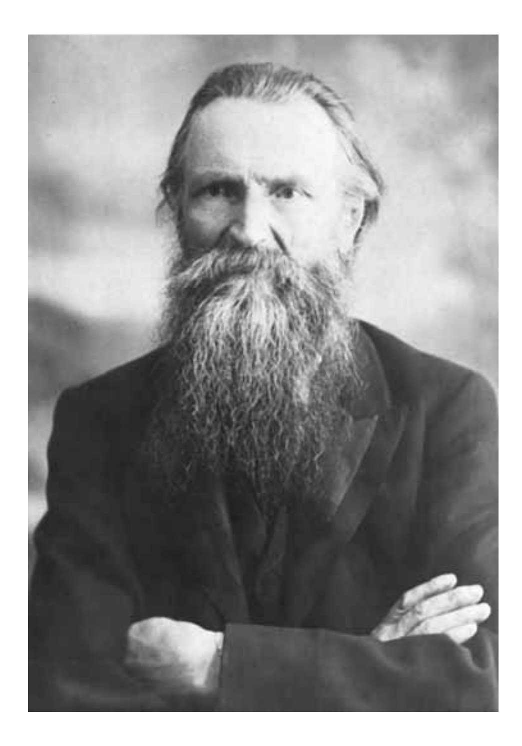
Роберт Хендерсон

До начала академической карьеры в колледже Квин Мэри (часть университета Лондона) в 2005 году я работал на протяжении 20 лет в Британской библиотеке куратором Русского отдела. Тогда я впервые услышал о существовавшей в начале XX века эмигрантской русской библиотеке в Ист-Энде. Сначала мне удавалось найти лишь мимолетные заметки об этом учреждении – никакой подробной информации. Самым примечательным свидетельством его существования стало краткое упоминание о нем в сборнике под названием «*Living London*», выпущенном в 1901–1903 годах. Статья под заголовком «Россия в Ист-Энде» была написана неким графом Армфелтом[1], давшим краткое описание помещения библиотеки: «Эта библиотека – единственная в своем роде. Она занимает комнату на третьем этаже небольшого дома на Черч Лэйн. Длинный стол, две деревянные скамьи, два неотделанных письменных стола, пара стульев, несколько дюжин полок, около двух тысяч книг, русские газеты и журналы пятидневной давности и несколько плакатов на стене. Вот и все, чем здесь можно любоваться».

Армфелт также составил описание посетителей этого уникального заведения: «В Русской библиотеке можно встретить самых разных людей, представителей любых социальных слоев: военно-морских курсантов из императорских военных училищ, студентов и литераторов, торговцев, безработных, не знавших ни слова по-английски, – там собирались все, и дым сигар, трубок и сигарет соединял всех этих представителей русского общества воедино»[2].

Однако автор умалчивает, как это заведение было создано, а также не указывает, кто работал там библиотекарем. Позже мне удалось выяснить, что это был революционер-эмигрант Алексей Львович Теплов (1852–1920), но на тот момент у меня не было воз-

можности глубоко заниматься этим вопросом. Всего 3 года назад, во время исследовательской работы в Государственном архиве в Москве, я наткнулся на обширный архив Теплова, состоящий из 212 папок, каждая из которых содержала в себе около 300 личных документов[3]. Во время моего недавнего визита в Москву мне удалось посвятить пару дней исследованию доступных документов. Эта короткая статья – первый результат моих исследований. В сущности, до сих пор никто не писал о деятельности Теплова и о его роли в ознакомлении британского общества с русской культурой[4]. В этой статье я намерен сосредоточиться в основном на деятельности Теплова в связи с Бесплатной библиотекой в годы, предшествующие революции 1905 года.

Алексей Львович Теплов (1852–1920) (фотография предоставлена международным институтом социальной истории в Амстердаме)

Как и многие петербуржские студенты 70-х годов XIX века, молодой Алексей Теплов был увлечен идеями народничества и хождением в народ – ведением пропаганды и просвещением масс. В 1875 году в возрасте 23 лет он был арестован за распространение запрещенной литературы среди железнодорожников в Пензе и сослан в Сибирь. После отбывания срока ему было разрешено вернуться в Пензу, а его попытки бежать на Запад увенчались успехом лишь в 1889 году. В Париже весной 1890 года он стал печально известен как один из тех невезучих эмигрантов, который, благодаря «стараниям» агента-провокатора русской тайной полиции, был арестован за участие в так называемом бомбовом заговоре в Париже и приговорен к трем годам заключения во французских застенках.

После освобождения из анжерской тюрьмы весной 1893 года Теплов был выслан из Франции и сразу же направился в Лондон[5]. Там его встретил теплый прием в основном благодаря усилиям Сергея Степняка и его коллег из Общества друзей русской свободы. Они способствовали созданию общественного мнения, сочувствовавшего положению русского народа, потрясенное ужасами режима им-

ператора Александра III. Степняк не только сыграл ключевую роль в привлечении внимания британской общественности, но и завел дружеские отношения с некоторыми британскими политиками и литераторами, например с переводчицей Констанс Гарнетт.

В 1893 году в Лондоне Теплов столкнулся с существовавшими в ошеломляющих масштабах нищетой и безграмотностью среди русских и польских иммигрантов в Ист-Энде. Теплов твердо верил в необходимость повышения политического сознания масс, о чем свидетельствует его более ранняя пропагандистская работа, и теперь он переключил внимание на обретенную аудиторию. Однако только 13 июля 1898 года – спустя 5 лет после своего переезда, он наконец смог обьявить об открытии своей Бесплатной библиотеки и читальни в доме номер 15 на Уайтчэпел Роуд в Степни.

В первом сообщении о библиотеке говорилось, что она будет содержать лучшие произведения русской литературы, опубликованные в России и за рубежом, а также о том, что книги можно будет читать в зале или забирать домой на время, причем библиотека работала с 10 утра до 10 вечера[6]. Каким было это помещение библиотеки, как впрочем и последующее (Уайтчапел, 29) – точно неизвестно, но оба они были малоподходящими. Не было достаточно большого зала, который смог бы вместить всех желавших посетить серии лекций, которые организовывались Тепловым. Их читали известные революционеры: Кропоткин, Чайковский, Черкесов, Мартов и другие. Архив Теплова содержит большое количество объявлений, анонсировавших пятничные и воскресные лекции. На некоторых из них упомянуто, что они были организованы Обществом популярных лекций в Ист-Энде (*The Society of Popular Lectures in the East End*), и описывался широкий диапазон охватываемых тем, среди них «Рабочее движение в Европе»; «Империализм и рабочий класс», «Литература современной России» и «Электричество и магнетизм»[7]. Эти лекции были так популярны, что помещение библиотеки оказывалось недостаточным и приходилось арендовать дополнительное помещение. Так, мы находим упоминания о Либерти Холл на Брик Лэйн, Кингс Холл на Коммершиал Роуд и Тойнби Холл[8]. В какой-то момент Теплов действительно посылал заявку на регулярное использование лекционных залов последнего, но, к сожалению, она была отклонена.

Учреждение Бесплатной библиотеки стало возможным исключительно благодаря финансовой поддержке товарищей Теплова по революционным идеям, в особенности Николая Чайковского, который делал крупные пожертвования (до 10 фунтов). Но поиск постоянного источника финансирования в среде бедняков всегда оставался проблемой. В связи с этим Теплов обратился с заявлением о

поддержке к России, в котором он объяснял, что его целью было дать обнищавшим рабочим Ист-Энда «возможность поддерживать духовную связь со своей родиной и следить за ее жизнью и литературой». Он подчеркивал, что эта бесплатная библиотека существует исключительно за счет частных пожертвований, но также обещал, что она никогда не станет собственностью частных лиц или отдельной группы. По-видимому, его обращение получило некоторый отклик и поддержку, поскольку на рубеже веков библиотека все же переехала в небольшой дом за номером 16 на Черч Лэйн, описанный в начале статьи.

№ 16 по Черч Лэйн

Из вышеизложенного ясно, что целью Теплова было образование эмигрантского населения. Поначалу, по крайней мере, он не проявлял интереса к продолжению пропагандистской работы Степняка среди британцев, к привлечению британской поддержки или к укреплению англо-российских отношений. Однако публикация статьи в газете «Ливинг Лондон» все изменила. Вскоре после этого прозвучал новый призыв «Обращение по делам образования в Ист-Энде». В первоначальном варианте Теплова заголовок звучал так: «Друзьям трудящихся евреев из России в Ист-Энде»[9]. Возможно, заголовок был мудро смягчен с тем, чтобы обратиться к более широкой аудитории[10].

В заключении обращения приводился список имен членов комитета, включавший таких заметных личностей, как Гертруда Тойнби, Фрэнсис Хофер, Герберт Барроуз и Фредерик Грин из Общества друзей русской свободы. Члены Комитета подчеркивали значение повышения образования и социального благосостояния русских и польских иммигрантов в Ист-Энде, что могло содействовать социальному сплочению и пошло бы на пользу не только эмигрантам, но и английским товарищам. Поскольку эмигранты плохо знали английский, то начинать обучение надо было на их родном языке, и, следовательно, ключевая роль здесь отводилась библиотеке Теплова с ее бесплатными лекциями. Члены Комитета обращались к британской общественности за пожертвованиями, которые обеспечили бы более просторные помещения, где, как они надеялись, возможно было бы проводить как дополнительные занятия по английскому языку, литературе и истории, так и давать бесплатные юридические консультации для бедных и пр.

Это обращение нашло отклик со стороны общественности и было настолько успешным, что люди немедленно стали связываться с Тепловым, предлагая помощь. Одним из них был Эльмер Моод, пе-

реводчик и биограф Толстого, который сделал взнос в 5 фунтов и выразил надежду, что его Рессюрэкшн Фанд Коммитти продолжит субсидирование библиотеки. Любопытно, что Моод заинтересовался читальней и немедленно воспользовался рядом российских журналов из богатой материалами библиотеки[11].

В Бесплатную библиотеку также приходили письма с поддержкой от тех, кто предлагал в дар книги, в частности от Г.Ф. Хилкена, библиотекаря библиотеки в Бетнал-Грин. Он предлагал книги таких авторов, как Григорович, Тургенев и др.[12] Теплов также вступил в переписку с видными деятелями культуры, например, с русофилом сэром Чарльзом Хагбергом Райтом из Лондонской библиотеки. У них с Тепловым установилось прочное сотрудничество, которое продлилось вплоть до 1917 года.

Помимо разного рода материалов, архив Теплова содержит множество писем от обычных британских граждан, как мужчин, так и женщин, желавших попросту взять на время русские книги или усовершенствовать свои языковые навыки[13]. В этом нет ничего удивительного – не будем забывать, что это был разгар замечательного периода повышенного интереса ко всему русскому – времени, которое без преувеличения можно назвать «Руссоманией»[14].

Констанс Гарнетт

Переводчица Констанс Гарнетт была одной из тех, кто способствовал развитию руссомании, и нет ничего неожиданного в том, что она стала одним из первых британских посетителей Бесплатной библиотеки. Самым ранним упоминанием о ней в архиве Теплова является письмо от сентября 1902 года, в котором она писала: «Дорогой г-н Теплов, я должна поблагодарить Вас за разрешение воспользоваться томом Толстого, который я возвращаю Вам с этим письмом. Мне неловко от того, что я хранила его более года. Он мне очень помог, и я хочу внести скромное пожертвование для вашей библиотеки. С уважением, Констанс Гарнетт».[15] Должен заметить, что архив Теплова содержал черновики правил пользования библиотекой, в которых было закреплено, что взятые книги должны были быть возвращены в течение двух недель, в противном случае штраф составлял 1 пенс за каждый день просрочки. Было ли пожертвование госпожи Гарнетт достаточным, чтобы покрыть этот существенный штраф – неизвестно. Есть свидетельства того, что отношения Гарнетт с Тепловым продолжали оставаться дружескими, и еще в мае 1907 года Гарнетт писала письмо, в котором с пожеланиями всего наилучшего просила выдать ей номер русского журнала, содержащего статью мадам С. Савинковой[16]. Перевод Гарнетт этой статьи

«Воспоминания матери» вскоре вышел в Олбани Ревью (*Albany Review*) под заголовком «Русская мать» (*«A Russian Mother»*)[17]. Стоит привести некоторые конкретные примеры, подтверждающие ценность Бесплатной библиотеки и для британских литературных кругов. Библиотека приобрела популярность во многом благодаря обширной коллекции русских книг и журналов, которая оказалась не только лучше собрания Лондонской библиотеки, но в некоторых областях даже лучше Британского музея. В ряде случаев Музей был рад принять в дар от Теплова редкие русские материалы. Несмотря на то, что я не сумел найти в архиве библиотечный каталог, мной были обнаружены многочисленные упоминания о коллекциях, включая заметку Русского эмигрантского сообщества (Russian Émigré Society), объявляющего о своем решении одолжить библиотеке во временное пользование целый исторический раздел. Становится понятно, что Теплов своей Бесплатной русской библиотекой сумел пробудить не только интерес бедных эмигрантов из Ист-Энда, но также привлечь внимание и обеспечить значительную поддержку многих английских социальных реформаторов и литературных деятелей. Однако эти социальные группы были отнюдь не единственными, кто проявлял интерес к работе библиотеки.

Наблюдение за Бесплатной библиотекой

Архивы Службы общей благонадежности (*Sûreté Générale*) в Париже содержат серию примечательных статей, составленных одним из их лондонских агентов в период с января по март 1902 года. В них «Группа Уайтчэпел» была описана, как одна из крупнейших ассоциаций политических эмигрантов в Англии[18], также было заявлено, что Бесплатная библиотека на Черч Лэйн стала «активным местом встречи русских революционеров в Лондоне»[19]. Согласно сообщениям агента, членами группы по большей части были евреи, почти все бежавшие из России, чтобы избежать военной повинности. Благодаря радикальной литературе, находившейся в их распоряжении в библиотеке, когда их политическое образование было завершено, они превращались в полноценных революционеров. Теплов, управляющий библиотекой, характеризовался как «один из самых влиятельных членов существовавшей здесь революционной партии»[20].

У группы Уайтчэпел, по-видимому, была довольно прагматичная и ограниченная программа, сосредоточенная на двух вещах: поиске работы для вновь прибывших и дальнейшем образовании своих членов. Но полицейский агент продолжал нагнетать атмосферу и представлять все более ошеломляющую информацию, сообщая о том, что библиотека учредила курсы по практической химии, рассказы-

вающие о сложных веществах и формуле нитроглицерина Бертело[21]. Далее он сообщал об их намерении организовать воскресные поездки за город в Форест Хилл, Ричмонд и т.д. и между делом предлагал свое объяснение: такого рода экскурсии, по-видимому, давали революционерам по призванию возможность усовершенствовать свои навыки в обращении с химическими веществами путем проведения экспериментов на открытом воздухе[22].

Библиотечный штамп Бесплатной библиотеки в Лондоне в книге из Национального архива Великобритании

Можем ли мы теперь предположить, что Теплов, участник Парижского бомбового заговора, на самом деле практиковал свое мрачное искусство под видом кроткого библиотекаря? Я так не думаю – по крайней мере, во французских, британских и русских полицейских архивах, изученных мной, на сегодняшний день нет ни малейших оснований для такого предположения.

Архивы заграничного отдела Русской тайной полиции представляют особый интерес в отношении Бесплатной библиотеки. Отдельная агентура была учреждена в Лондоне в начале 1890-х, и ее члены и их деятельность были хорошо известны Скотланд Ярду[23]. Главным царским агентом в британской столице в то время был французский гражданин по имени Эдгар Жан Фарс, которому активно помогал отставной офицер специального отдела Британской тайной полиции Майкл Торп (он позже ушел в отставку с этой работы и получал внушительную пенсию от министерства внутренних дел России)[24]. Скрупулезные доклады Фарса начальству охватывали деятельность всех революционеров в Лондоне и были гораздо подробнее тех, что составлял его коллега из французской Службы благонадежности. Неудивительно, что в одном из его отчетов в качестве осведомителя упомянут «постоянный посетитель Русской библиотеки»[25].

Конечно, эмигранты были хорошо осведомлены о шпионах в своей среде. В начале 1905 года Теплов дал интервью Дэйли Мэйл для большой статьи о прибывающем в Лондон «специальном штате шпионов Русской полиции». Теплов ответил с безразличием: «Сегодня мы уже привыкли к шпионам. Пара новых не играют для нас большой роли». И он рассмеялся, вспоминая свой опыт работы с детективами[26].

В действительности же в тот момент Теплова гораздо больше заботили неотложные проблемы с самой библиотекой. Летом 1904 года его обязали немедленно освободить здание на Черч Лэйн, и он решил вступить в долю с владельцами таунхауса номер 16 по Принслет стрит,

недалеко от Брик Лэйн[27] (здание сохранилось). Владельцами другой части здания оказались члены Еврейского отделения Восточного Лондона из Социал-демократической федерации. В их намерения входило превратить свою часть здания в Дом народа (также часто называемый *Maison du Bund*). И действительно, 30 июля 1904 года открытие клуба было должным образом отмечено Международным социалистическим банкетом, который устроил никто иной как основатель Социал-демократической федерации Генри Майерс Гайдман[28]. Переезд библиотеки в новый дом и ее ассоциация с СДФ подверглись повсеместной критике. Чайковский, в частности, был категорически против, заявив, что это полностью противоречит беспартийной природе учреждения[29].

Фотография читальной комнаты Бесплатной библиотеки (из книги «Living London», 1902 год)

У Теплова также были и другие заботы. Прямо напротив дома номер 16 по Принслет стрит находилась синагога, и ортодоксальные члены общины (в основном коренные британцы) возражали против этих недавно прибывших «чужеземцев» не соблюдавших пост в Судный день Йом-Кипур. По последовавшим сообщениям в прессе того года, эта часть местного населения была особенно возмущена приезжими и прибегала к реальному физическому насилию. Волнения достигли такого уровня, что пришлось вызвать более ста дополнительных полицейских для разгона толпы и защиты домов и ресторанов в этом районе. Два социалиста были арестованы и в суде признались, что они не отмечают Йом-Кипур, но отрицали то, что они прибегали к насилию. Судья сказал, что совершенно ясно, кто начал атаку, и выразил надежду, что «ортодоксальные» зачинщики предстанут перед судом[30].

Все эти события, конечно, были должным образом запротоколированы агентом Фарсом в его отчетах. Он и его соотечественники из французской Службы общей благонадежности продолжали следить за каждым движением Теплова, а также предоставляли отчеты о его реакции и реакции его товарищей из Ист-Энда на бурные события, которые разворачивались в России и в течение 1905 года приближались к своему апогею. В ноябре эти отчеты содержали но-

вости о возрастающем присутствии в британской полиции Ист-Энда полицейских и детективов, которые почти постоянно находились у дверей революционных и анархистских клубов, а также у Дома народа (*Maison du Bund*)[31]. Вслед за этим, 13 ноября 1905 года, Фарс представил свой окончательный отчет по Принслет стрит, просто написав: «Уже на протяжении нескольких дней красные и черные флаги развеваются из окон Русской библиотеки»[32].

В воздухе витал дух победы. С публикацией императорского Октябрьского манифеста и последующим заявлением царя об амнистии для политических беженцев многие русские из Ист-Энда решили немедленно вернуться на родину, оставляя социалистические клубы и Бесплатную библиотеку. К концу года здание на Принслет стрит опустело[33].

Однако Теплов и его библиотека продолжали работать по другому адресу в Ист-Энде и служить оставшимся эмигрантам, а также возрастающему числу британских русофилов. Бесплатная библиотека просуществовала вплоть до 1917 года, когда эмигранты вновь устремились обратно в Россию, но на этот раз Теплов был в их числе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Armfelt E.* Russia in East London//Living London. Vol. 1. London: Cassell and Company, 1902. P. 24–28. Редактором сборника был Джордж Роберт Симс (1847–1922) – английский журналист, поэт, драматург, романист и бонвиван. (Wikipedia).
2. Ibid. P. 26.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1721. Оп. 1. Теплов Алексей Львович.
4. За исключением нескольких упоминаний в журнале «За Рубежом» от 1959 года: *Теплов А.Л.* Автобиография//ЗР. 1959. № 22/23; *Самарин Ф.И.* К биографии народовольца А.Л. Теплова//Там же.
5. Теплов был освобожден последним из обвиненных в деле о парижском бомбовом заговоре. Лаврениус был освобожден раньше по причине плохого состояния здоровья, в то время как Накашидзе, Степанов, Рейнштейн и Кашинцев были выпущены на свободу в конце 1892 года. См.: The Times. 1892. 8 окт. С. 5.
6. Ф. 1721. Оп.1, ед. хр. 4, л. 1, 2. 13 июля 1898.
7. Ф. 1721. Оп.1, ед. хр. 87.
8. Ф. 1721. Оп.1, ед. хр. 84, л. 27, 28.
9. Расшифровка копии документа от неизвестного числа, хранящегося в IISH, в Амстердаме [1901–1902?]. План апелляции Теплова на Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 86, л. 100.
10. Ф. 1721. Ор. 1, ед. хр. 86, л. 100.
11. Там же. Л. 126, 28 июня 1904.

12 Там же. Л. 17. 1898. 2 нояб.

13 Там же. Л. 14, 15. 1898. 10 сент.

14 *Slatter J.* Bears in the Lion's Den: The Figure of the Russian Revolutionary Emigrant in English Fiction, 1880–1914//Slavonic and East European Review. Vol. 77. 1999. № 1. P. 37.

15 Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 84, l. 91. 29 сент. 1902.

16 Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 86, l. 269, 24 мая 1907.

Савинкова С. А. На волосок отъ казни. (Воспоминания матери)//Былое. 1907. № 1. С. 247–271. Первая часть ее воспоминаний «Годы скорби» см.: Былое. 1906. № 7. С. 215–254.

17 Albany Review. April-May 1907. P. 86–101, 204–40. Цит. по: *Garnett R., Garnett C.* A Heroic Life. London: Sinclair-Stevenson, 1991. C. 384. Прим. 7.

18 Archives nationales, Paris, F/7/12521/2: Angleterre (1887–1908). Доклады от 21 января, 28 февраля и 15 марта 1902 года. Другими центрами была группа Хамерсмит, в которую входили все, кто был связан с *«Russian Free Press Fund»* и его журналом, *«Free Russia»* и с толстовцами Черткова из Крайстчерч.

19 «centre de ralliement du mouvement russe à Londres». F/7/12521/2: Angleterre (1887–1908), 17 May 1902. P. 1.

20 F/7/12521/1: Suisse (1882–1909), 17 February 1904.

21 Французский химик *Marcellin Berthelot* (1827–1907) (принцип Томсона-Бертелота).

22 «aux revolutionnaires russes, suivant les cours dont il est question plus haut, d'essayer leur habileté dans la manipulation des produits chimiques». F/7/12521/2: Angleterre (1887–1908), 12 июля 1902.

23 Вполне очевиден тот факт, что они сотрудничали в ряде областей. Сам Фарс в более позднем докладе описал свои отношения со спецотделом, объяснив, что благодаря своему умению понимать идиш и читать на нем, он мог передавать важную информацию из местных газет для Скотланд-Ярда. Тот, в свою очередь, передавал ему информацию, которую было невозможно получить из других источников.

24 Национальные архивы, PRO KV 6/47, 8 декабря 1904 (274/B).

25 Архивы Института Гувера (HIA). Okhrana Archive 54/VI/k/23 c. [доклад Фарса]. 20 сентября 1905.

26 *Spies in London: Watching Russian Refugees* (Шпионы в Лондоне наблюдают за русскими беженцами)//London Daily News. 1905. 27 jan. P. 6.

27 F/7/12521/2: Angleterre (1908), доклад от 4 июня 1904.

28 Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 87, л. 10. Международный социалистический банкет и пунш в честь открытия Дома народа, 16 Princelet St, Brick Lane. Воскресный вечер, 30 июля 1904.

29 Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 31, л. 72, 73, 5 июля 1903 и ед. хр. 46, л. 66 (не датировано).

30 «Еврейские волнения» (Jewish Disturbances)//The Times. 1904. 21 сент. С. 13.

31 F/7/12521/2: Angleterre (1908), 16 ноября 1905.

32 HIA, Okhrana Archive 54/VI/k/23 c., 13 ноября 1905.

33 Ф. 1721. Оп. 1, ед. хр. 4, л. 20. Надпись на бланках «Русская Бесплатная библиотека и Читальня, Принслет стрит 16» была заменена на «Комершал Роад 106». Последний адрес часто использовался для обозначения компании Исаака Кана (The Times. 1906. 1 okt. P. 11).

ХАНТЛИ КАРТЕР И КОЛЛЕКЦИЯ ТЕАТРА СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА В БРИКСТОНЕ

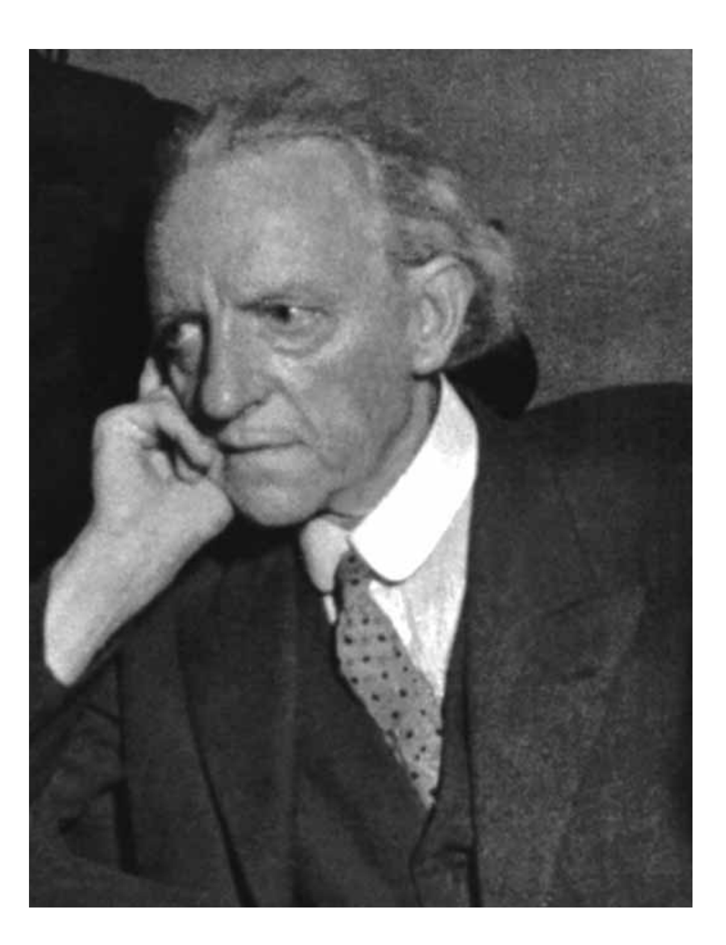
Джин Тернер

Русская библиотека, известная своей богатой коллекцией и уникальным архивом театра советского авангарда, собранным Хантли Картером, располагается в Брикстоне (Лондон), в здании, построенном в начале XIX века и являющемся памятником архитектуры. Архив и русская библиотека принадлежат Обществу содействия российским и советским исследованиям[1] (ОСРСИ).

ОСРСИ было основанно в июле 1924 года и тогда носило название Общества по культурным связям с СССР. Оно было первым из созданных в различных странах объединений, стремившихся развить дружеские отношения и культурные связи с СССР. Инициатива основать общество для продвижения этих идей принадлежала английскому либеральному экономисту Джону А. Хобсону[2]. Торжественное открытие официально учрежденного Общества прошло в Какстон Холл[3] 9 июля 1924 года в присутствии ста двадцати британских и советских единомышленников, среди которых были такие видные фигуры, как Э.М. Форстер[4], Джулиан Хаксли[5], Дж. М. Кейнс[6], Бертран Рассел[7], Сибил Торндайк[8], Алексей Толстой, Герберт Уэллс, Вирджиния Вулф, Константин Юон и другие. Первым президентом Общества собравшиеся избрали профессора Л.Т. Хобхауса[9], которого в 1926 году сменил на этом посту профессор Л. Аберкромби[10].

В 1920–1930-х годах Общество организовывало по всей Великобритании выставки советских плакатов и фотографий, встречи и лекции о русской и советской культуре. В те годы Обществу удавалось воплотить в жизнь программу двусторонних визитов писателей,

педагогов-теоретиков, художников и музыкантов. Так, в 1930 году оно принимало в Лондоне классика кинематографии, советского режиссера Сергея Эйзенштейна. А в 1920 году в России побывал английский писатель Герберт Уэллс. Именно тогда он встретился с Лениным и назвал его «кремлевским мечтателем». Спустя 11 лет, благодаря содействию Общества, в Советский Союз приехал Бернард Шоу. Автор «Пигмалиона» познакомился со Сталиным и посетил не только музеи, но и колхозы. Подобная деятельность часто подвергалась критике со стороны британской прессы, которая называла Общество «большевистским фронтом». Хотя, по мнению МИ5 (британской контрразведки. – *Прим. ред.*), в Обществе состояло слишком много известных британских культурных деятелей, чтобы всем им можно было приписать приверженность большевистским взглядам[11]. Действительно, с 1945 года и до начала 1950-х в работе различных секций Общества участвовали ведущие в своих областях британские специалисты. В новой организации работало множество секций: театральная, литературная, кинематографическая, правовая, образовательная, архитектурная, научная, экономическая, историческая, шахматная. Архив Общества, которое в этом году отметило свое 85-летие, хранит уникальные заметки, отчеты, фотографии, газетные и журнальные статьи о событиях советско-британских отношений в области культуры, о деятельности многих членов Общества.

Хантли Картер (из архива SCRSS)

Архив начал создаваться в 1924 году одновременно с основанием Общества. Он сложился в результате продолжительных культурных обменов с библиотеками СССР и (впоследствии) России, а также двусторонних визитов ведущих культурных деятелей. Возможно, самый большой интерес представляет отдел посвященный годам холодной войны; он по достоинству оценен специалистами. В архив поступали также коллекции отдельных дарителей. Сегодня он содержит тысячи документов и фотографий, отражающих период, начиная с XIX века и по наши дни. Особую ценность в архиве представляет уникальная коллекция Хантли Картера, состоящая из фотографий и эскизов к новаторским театральным постановкам советского авангарда. Материалы коллекции, легшие в основу книг Картера и его лекций, относятся к периоду от русской революции до 1930-х годов. Коллекция была передана в собственность Общества после смерти исследователя в 1942 году. Несколько лет назад, благодаря щедрым пожертвованиям Пушкинского Дома и фонда Юнити Театр[12], материалы архива были каталогизированы и оцифрованы.

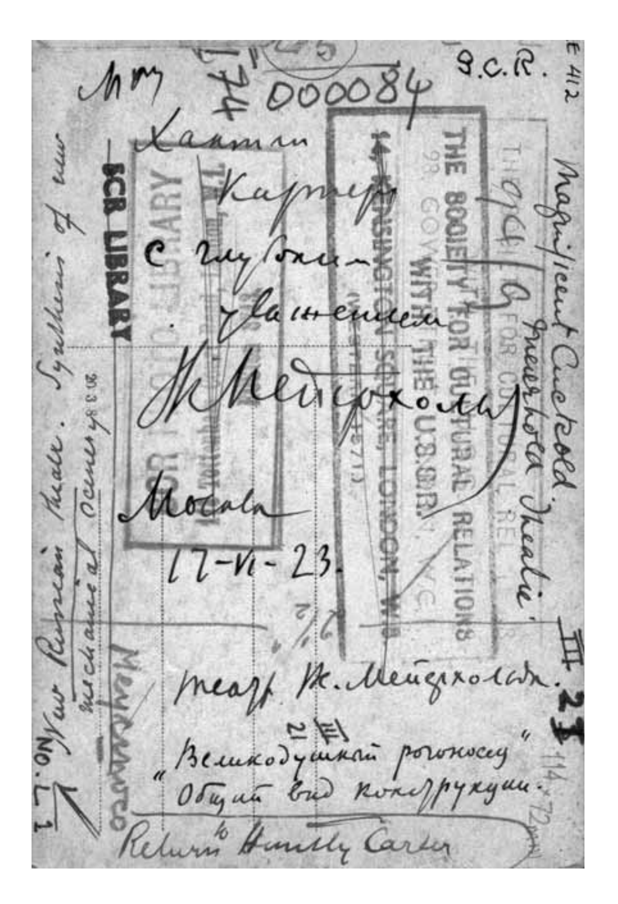

Соломон Михоэлс в роли короля Лира и Хантли Картер (из архива SCRSS)

В начале XX века английский автор и театральный критик Хантли Картер искал новую театральную форму, которая соответствовала бы его революционной идеологии. После обучения в университете, где он изучал медицину, специализируясь в области психологии и сексопатологии, Хантли Картер стал журналистом, лектором и путешественником. Гордон Крейг, известный британский сценограф, писал о нем в манчестерском издании «Плэйгоуэр»: «Представьте, каково ему было мотаться по городам, по всей Европе, из Берлина в Мюнхен, из Мюнхена в Будапешт, потом в Москву и Петроград, назад в Варшаву, затем в Париж. Он постоянно собирал материа-

лы, путешествуя без рекомендательных писем… почти без гроша в кармане и какой-либо поддержки из дома, вот почему, уважаемые господа, я называю это одним из самых отважных поступков в английском театральном мире».

По окончании своих путешествий Картер опубликовал несколько книг, среди которых заметное место занимают «Новый дух в драме и искусстве» (*The New Spirit in Drama and Art*), «Новый театр Макса Рейнхарда» (*The New Theatre of Max Reinhardt*) и «Новый дух в европейской драме, 1914–1925» (*The New Spirit in the European Drama 1914–1925*). В этих книгах Картер доказывал, что театр, являясь неотъемлемой частью человеческой жизни, играет большую гуманитарную и цивилизующую роль. Доказательства этой теории он видел в новом театре советского авангарда, который переживал свой расцвет после революции в России. Несмотря на хаос и суровую атмосферу послереволюционных лет, русский театр демонстрировал ту присущую этому искусству значимость, которая, по мнению Картера, казалось, отсутствовала в мире театра на протяжении четырех веков. Воодушевленный русской революцией, он отправился в Москву в 1922 году и стал очевидцем экспериментальных театральных постановок. Картер писал, что там наблюдалось единение всех аспектов театрального искусства и человеческой жизни. О своих путешествиях в советскую Россию Картер написал и опубликовал в Британии две книги «Новый театр и кино советской России» и «Новый дух в русском театре 1917–1928»[13]. По возвращении в Лондон он читал лекции о театре русского авангарда, которые сопровождал показом диапозитивов, чтобы познакомить аудиторию с этими новейшими тенденциями теа-

Тыльная сторона фотографии с дарственной надписью Мейерхольда (из архива SCRSS)

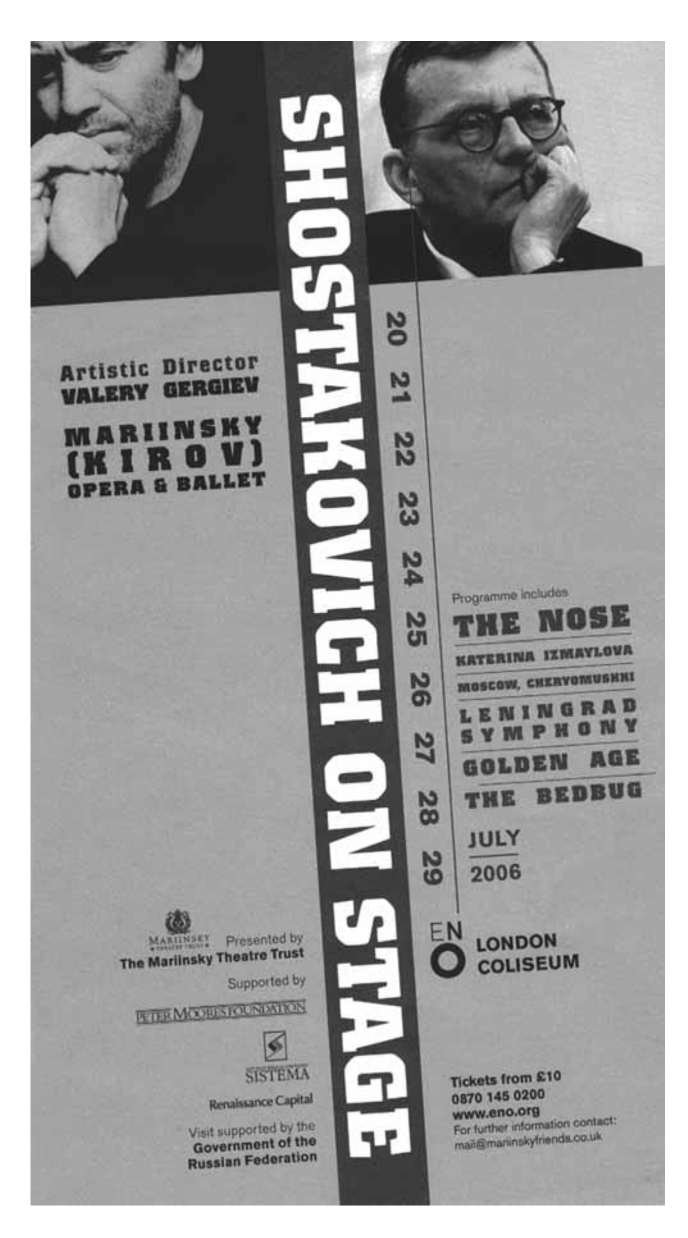
трального искусства. Картер сетовал на то, что британские театральные критики и журналисты не стремились ни посещать постановки, ни посвящать свои материалы новациям российской авангардной сцены – в основном по причине замалчивания капиталистической прессой новых веяний в Советском Союзе.

Куда бы ни приезжал Хантли Картер, он везде собирал или делал фотографии посещаемых им театральных постановок и фотопортреты их участников, которые стали основой его лондонского архива. Многие из этих фотографий имеют автографы и посвящения. Он являлся почетным гостем на Московском театральном фестивале 1935 года и был запечатлен на фотографиях со многими известными актерами, включая Соломона Михоэлса, особенно знаменитого своим исполнением роли короля Лира. Картер в Россиии знакомился с дизайнерами, режиссерами, архитекторами, немногие из которых были известны в то время, но впоследствии стали легендами советского авангардного искусства театра и кино. Во время своей поездки в Москву Картер познакомился с тремя главными театральными деятелями, которых назвал «Театральной троицей Революции» – Мейерхольдом, Луначарским и Станиславским и написал увлекательные зарисовки из их жизни. Он писал: «Мейерхольд является самым смелым, влиятельным и оригинальным из всех режиссеров русского театра. Он – тайный анархист, в то время как Луначарский – культурный революционер, а Станиславский – эмоциональный мятежник»[14]. Хантли Картер посещал все их постановки и много фотографировал. Сегодня архив Картера передает современным британцам захватывающее ощущение революционного духа тех времен и помогает лучше понять возникавшие тогда в России новые формы драматического и экспериментального театра.

Сцена из футуристического спектакля «Рассвет» в постановке Мейерхольда 1920–21 года (из архива SCRSS)

Обширная библиотека Общества, не уступающая русским книжным собраниям британских университетов, содержит огромный выбор материалов: от истории советского и российского искусства до определенных аспектов изобразительного и декоративного искусства, дизайна, оформительства. Широко представлен раздел по конструктивистам, в котором есть редкие издания, посвященные дизайну и дизайнерам. В библиотеке также представлены книги о тех художниках советского периода, которые были мало известны на Западе, а сегодня приобретают все большее признание, таких как Игорь Грабарь и Борис Григор. Театральный отдел библиотеки Общества содержит разнообразные материалы, описывающие век русской и советской театральной истории, включая подробную информацию по 1920–1930 годам. Коллекция дополнена справочниками по искусству и фотографиями. Здесь также содержатся редкие материалы, относящиеся к периоду от образования Советского Союза и до наших дней.

Программа фестиваля Шостаковича в Лондоне (2006)

Сегодня архивом Картера и другими материалами библиотеки Общества постоянно интересуются и пользуются британские издатели, театральные постановщики и другие деятели

культуры. Ведущие издательства, такие как Кембридж Юниверситi Пресс, Хейнеман, Кинг Пенгуин, Оксфорд Юниверситi Пресс, Пенгуин Классикс и Рандом-хаус, на постоянной основе сотрудничают с библиотекой и используют ее материалы для оформления обложек и создания иллюстраций. Так, Пенгуин Классикс использовало художественные архивы библиотеки для обложек сборников рассказов и пьес Чехова, а также для оформления издания «Анны Карениной» Льва Толстого, а Оксфорд Юниверситi Пресс для обложки книги «Русские Мастера и другие истории», Нэнси Картрайт «Свойства природы и их измерения». Много иллюстраций из фотоархива библиотеки было отобрано издательством Пенгуин Аллен Лэйн для ставшей бестселлером книги профессора Ричарда Овери «Диктаторы: гитлеровская Германия и сталинская Россия».

С архивами постоянно работают британские театроведы и сценографы, изучающие театральные и оперные постановки по произведениям русских авторов. Материалы библиотеки и архива используются для создания новых постановок Королевским национальным театром, театром Альмейда (*Almeida*), центром Барбикан, Английской национальной оперой, Королевским Фестивалхоллом и на телевидении. По материалам архива нынешние студенты театральных училищ имеют возможность знакомиться с реалиями жизни времен знаменитых русских писателей Чехова, Достоевского, Горького.

Архивы библиотеки становятся востребованными при подготовке проводимых в Британии юбилеев советских и российских деятелей культуры. Так, к примеру, это было в 2006 году в подготовке к 100-летнему юбилею со дня рождения Шостаковича, отмечавшегося в рамках традиционного ежегодного фестиваля Би-би-си Променад-концертс (*Promenade Concerts)* в Альберт-холле. Архивные материалы и фотографии для каталога «Шостакович на сцене» использовал Британский фонд поддержки Мариинского театра для иллюстраций к спектаклям сезона Английской национальной оперы: «Золотой век», «Катерина Измайлова», «Клоп», «Ленинградская симфония», «Москва, Черемушки», «Нос», «Девушка и хулиган». Художественному руководителю проекта, Валерию Гергиеву, особенно понравилось редкое фото улыбающегося Шостаковича. К юбилею композитора материалы фотоархива также демонстрировались и в Королевском Фестивал-холле в кинопроекте Джона Райли.

Библиотека открыта для исследователей, специалистов, студентов и всех, кто интересуется Россией, ее историей и культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Общество Содействия российским и советским исследованиям (*SCRSS*) является зарегистрированным благотворительным учреждением. *SCRSS* относится к разряду так называемых членских организаций, но за плату также открыто и для исследователей. www.scrss.org.uk

2 Гóбсон (или Хобсон) (*Hobson*) Джон Аткинсон (1858–1940) – английский экономист. Главный труд – «Империализм» (1902), в котором дано описание основных тенденций в экономике. Работы Гобсона оказали значительное влияние на формирование воззрений английских лейбористов и американских реформистов. (Всемирный биографический энциклопедический словарь, http://enc.mail.ru).

3 Какстон Холл (*Caxton Hall*), спроектированный архитекторами Ли и Смитом в начале 1880-х годов, был построен как ратуша Вестминстера. Здесь разворачивались события, связанные с движением суфражисток, выступал Черчилль во время Второй мировой войны, проводились великосветские свадьбы.

4 Эдвард Форстер (*Edward Morgan Forster,* 1879–1970) – писатель и эссеист.

5 Джулиан Хаксли (*Julian Sorell Huxley, 1887–1975*) – английский биолог и общественный деятель, основатель Фонда охраны дикой природы и первый директор ЮНЕСКО.

6 Джон Кейнс (*John Maynard Keynes,* 1883–1946) – английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории. Был женат на русской балерине Лидии Лопуховой.

7 Бéртран Рáссел (*Bertrand Arthur William Russell, 3rd Earl Russell*; 1872–1970) – философ, логик, математик, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

8 Агнес Сибил Торндайк (*Sybil Thorndike,* 1882–1976) – известная британская актриса.

9 Леонард Трелауни Хобхаус *(Leonard Trelawny Hobhouse*, 1864–1929) – социолог, философ, общественный деятель. Родоначальник социологии в Британии.

10 Профессор Ласселлз Аберкромби (*Lascelles Abercrombie*, 1881–1938) – британский поэт и критик, также известный как один из поэтов Георгианской школы, сформировавшейся в первые годы правления короля Георга V. Профессор университета города Лидз, а впоследствии преподаватель Лондонского и Оксфордского университетов.

11 Документ особого отдела (Special Branch Document) FO 371 11026 N. 2117/2117/38.

12 Юнити Театр Траст (*Unity Theatre Trust*) – театральный клуб, созданный в 1936 году.

13 *Carter H.* The New Theatre and Cinema of Soviet Russia. London: Chapman & Dodd Ltd., 1924.*Carter H.* The New Spirit in the Russian Theatre 1917–1928. London: Brentano Ltd., 1929.

14 The New Spirit in the Russian Theatre 1917–1928. London: Brentano Ltd., 1929.

ПУШКИНСКИЙ КЛУБ, ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Китти Хантер-Блэр-Стидуорти

Предыстория

История Пушкинского Дома начинается с замысла Марии Михайловны Кульман (1902–1965), которая в 1954 году с маленькой группой единомышленников создала кружок русской культуры под названием Пушкинский Клуб.

Мария Михайловна происходила из коренной московской интеллигенции. Внучка протоиерея Степана Ивановича Зёрнова (1817–86) и дочь Михаила Степановича Зёрнова (1857–1938), выдающегося врача, основавшего в 1900 году в Ессентуках Вспомогательное общество «Санаторий» для малоимущих больных. Мария Михайловна окончила гимназию в Ессентуках и уже в эмиграции – богословский факультет Белградского университета. Когда семья переселилась в Париж, Мария Михайловна создала в 1926 году Содружество молодежи и Юношеский клуб при Русском студенческом движении, знакомивших участников с Русской Церковью, историей и литературой. Уже в это время проявился ее талант объединять людей, вдохновлять, служить как бы интеллектуальным и духовным катализатором. В 1929 году она вышла замуж за швейцарца Густава Кульмана (1894–1961), юриста, члена секретариата Лиги Наций. Брак оказался глубоко счастливым; Густав Густавович принял православное вероисповедание. Они жили в Женеве, и Мария Михайловна организовывала летние бесплатные каникулы для русских детей из Парижа. Накануне Второй мировой войны супруги переехали в Лондон, где в их доме была устроена школа для русских детей[1].

В кульмановском доме в Лондоне (Ладбрук Гров, 54) встречались многие представители международной лондонской интеллигенции. Именно в гостиной этого дома на собрании иудейских и христианских верующих Юлия де Бособр познакомилась с будущим мужем Люисом Неймером. После ухода гостей в тот день Мария Михайловна с присущей ей чуткостью сказала своему мужу: «Юлия и Люис влюбились!». Судьба Юлии де Бособр относится к теме этого издания: в Англию она прибыла в 1934 году, прошедшая через сталинские тюрьму и лагерь, потерявшая первого мужа, расстрелянного в 1933 году. Ее «выписала» в Британию ее бывшая английская гувернантка, как-то случайно узнавшая, что Юлия после освобождения находится в Москве, больная и без копейки[2]. Люис Неймер – в начале жизни Людвик Немировски – польский еврей, выдающийся историк, впоследствии стал крупным английским ученым, советником министерства иностранных дел и был посвящен в рыцари[3]. В кульмановском доме жили студенты, аспиранты, молодежь разных национальностей. Все ужинали вместе, и по вечерам за длинным столом велись оживленные беседы на самые различные темы.

Начало

Супруги Кульманы были убеждены, что подлинная дружба между умными молодыми представителями разных стран и материков не может не содействовать мирному развитию международных отношений и будет полезна для личного развития этих молодых людей. Вскоре вместе с братом Марии Михайловны, Николаем Зёрновым[4] и его женой, Милицей Владимировной, а также с двумя сестрами венгерками госпожой Ревай и мисс Идой Прессбургер, Кульманы приобрели большой особняк на углу Ладбрук Гров и Кенсингтон Парк Гарденс. Отметим, что почти каждый в этой группе имел схожий опыт: русские бежали из России, венгерки в момент аншлюса бежали от нацизма, единственным исключением был Густав Густавович, который состоял заместителем Верховного коммиссара по делам беженцев при Лиге Наций.

В доме 24 по Кенсингтон Парк Гарденс и был основан 29 января 1954 года Пушкинский Клуб и заведена для жильцов дома, их друзей богатая программа концертов, лекций, встреч. Уже с первых месяцев Пушкинский Клуб оказался жизнеспособной инициативой. Мария Михайловна страстно интересовалась всем, что касается ее родины, и умела развивать этот интерес у других. К тому же в то время другого нейтрального, независимого русского общества не было. В те дни в Лондоне жило достаточно много представителей

дореволюционной интеллигенции, немало англичан, знакомых с досоветской Россией, да и тех, кто по той или иной причине интересовались Россией, – как говорят, «зараженные русским микробом».

Пушкинский Клуб объявил своими целями:

– стать местом встреч для всех людей всех национальностей, которые интересуются русской культурой;

– создать возможность слушать лекции, концерты, чтения и т.д. по всем аспектам русской культуры и обмениваться мнениями в оживленной, неформальной атмосфере;

– предоставить студентам, изучающим русский язык, возможность развивать свои знания через разговорную практику и путем интенсивного изучения.

Слева направо: И. Кириллова, Маревна, С. Лефарь, М.Кульман, С. Киш. Сидят: М. Рамбер, О. Шипман, К. Хантер-Блэр (Стидуорти) (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Руководящим принципом провозглашалась свобода слова: Клуб должен был служить форумом для дискуссий по литературным, историческим, творческим, научным, религиозным и политическим вопросам.

На открытии Пушкинского Клуба говорилось: «Пушкинский Клуб носит такое название оттого, что Пушкин занимает уникальное место в истории русской культуры, им дорожат все русские, где бы они ни находились. <...> Невозможно было бы найти более вдохновляющего символа наших стремлений».

Председательницей Совета была Мария Кульман; казначеем – предприниматель Лев Николаевич Шипман; секретарями – Ирина Кириллова[5] и я, Китти Хантер-Блэр[6], только что окончившие Оксфордский университет. Членами комитета были импортер лесоматериалов Евгения Борисовна Гурвич, Елена Викентьевна Кириллова, учительница русского языка в лондонском Французском лицее,

Ольга Сергеевна Шипман, бывшая ученица Станиславского, Джон Лоренс[7], страстный руссоман, бывший пресс-аташе в Британском посольстве в Москве, Берта Мальник, преподавательница на славянском факультете Лондонского университета, Георгий Севир, русский бизнесмен, к концу жизни посвященный в дьяконы, а также, несколько позже – София Сатина, хозяйка студенческого дома и племянница Рахманинова.

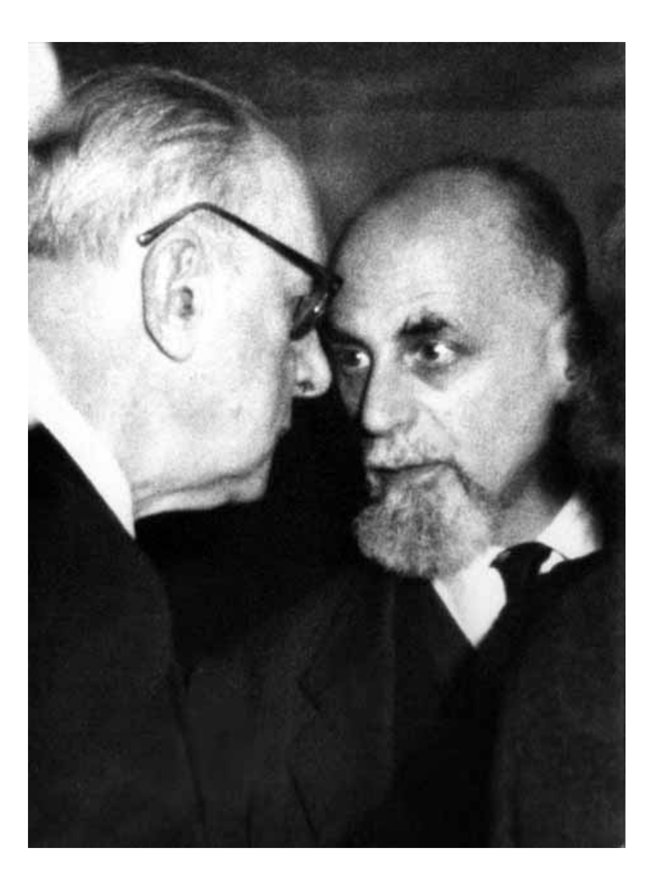
Почетные члены

Вскоре была учреждена группа «почетных членов» Пушкинского Клуба, в которую входили видные лица, проявлявшие живой интерес к деятельности Клуба. Дейм (кавалерственная дама) Изабел Криппс, вдова сэра Стафорда Криппса, министра иностранных дел при первом послевоенном лейбористском правительстве, интересовалась замыслами Клуба и международного общежития. Поощряла заведение, в котором был жив дух русской культуры, и Тамара Карсавина. Начавшая карьеру в Императорском Балете в Петербурге и танцевавшая впоследствии в Дягилевских *Ballets Russes,* «звезда» того времени Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978) создала Королевскую балетную школу[8] и стала педагогом Алисии Марковой и Марго Фонтейн. Карсавина положила начало английской школе русского балета. Другой представитель балетного мира, Арнольд Хаскел, кавалер ордена Британской империи, кавалер ордена Почетного легиона, основал вместе с Карсавиной знаменитую Балетную школу Садлерс Уэллс, был критиком и автором многочисленных книг по балету; он был женат на дочери русского писателя-эмигранта Марка Алданова.

Всемирно известный философ, родившийся в Российской Империи, сэр Исайя Бéрлин (1909–97) часто читал лекции в Клубе, следил с живым интересом за его развитием, даже время от времени получая для него гранты Гуманитарного фонда (*Humanitarian Trust*). Профессор социальной и политической теории, он стал первым президентом нового Уолфсон колледж в Оксфорде, в основании которого он участвовал, а в 70-е годы стал президентом Британской академии. Бéрлин получал многочисленные награды, а как правозащитник – Иерусалимскую премию[9]. Человек огромной эрудиции, он говорил «без бумажки», читал и писал одинаково захватывающе, умел излагать, сопоставлять идеи и образы так, что каждый раз данная тема освещалась по-новому, неожиданно и ярко.

Другие почетные члены также стали завсегдатаями клуба. Чуть ли не на каждое собрание приходила Мария Яковлевна Рамбер (1888–1982), кавалер ордена Британской империи, кавалер

ордена Почетного легиона, впоследствии тоже кавалерственная дама. В 1926 году она основала поныне процветающий Балет Рамбер (*Ballet Rambert*), воспитала многих звезд английского балета, чем внесла огромный вклад в его развитие. Ее педагог говорил, что «в ней живет истинный дух танца». Она была польско-еврейского происхождения, чутко и с глубоким пониманием относилась к культуре всех стран, но беспредельно любила русскую литературу, музыку. У ее изголовья всегда лежал томик Пушкина – для нее эта книга была неразлучным приятелем.

М. Добужинский и А. Хаскел (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Часто приходил на собрания Клуба сэр Сесил Киш, кавалер ордена Индийской империи (*KCIE*), кавалер ордена Британской Империи, крупный банкир и эксперт по финансовым вопросам, а также переводчик русской поэзии[10]. Почетным членом Клуба и видной исторической фигурой был барон Александр Феликсович Мейендорф (1868–1964) – экономист, историк, общественный и политический деятель. Он был одним из основателей Союза 17-го октября, избирался в III и IV Государственную Думу, был товарищем председателя 1907–1909 годах. Барон начал приходить в Пушкинский Клуб, когда уже был в преклонном возрасте и жил в доме для престарелых русских; однако голова у него оставалась совершенно ясной, его собственные доклады на исторические темы были содержательны, проницательны, безупречно элегантно изложены на чистом, культурнейшем английском языке. Он также всегда принимал участие в прениях, следовавших за докладами других выступавших.

Особое место в Клубе занимал Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957) – выдающийся член объединения «Мир искус-

ства». Мастер городского пейзажа, тонкий, остроумный иллюстратор, гениальный театральный художник, работавший в МХАТе, с Дягилевым, а также в главных театрах Европы и Америки, он был обаятельнейшим человеком. Добужинский с женой жили некоторое время в Пушкинском Доме (о котором речь впереди). Там в 1956 году во время первых гастролей в Лондоне балета Большого театра его посещала Галина Уланова, хорошо знавшая его работы и относившаяся к нему с восхищением.

Со временем были приглашены новые почетные члены, преданные делу Клуба. Профессор, дейм Елизавета Федоровна Хилл (1900–1996), родилась в Петербурге в обрусевшей семье англо-прусского происхождения, приехала в Англию после большевисткого переворота и в 1928 году защитила докторскую диссертацию в Лондонском университете. Ее назначили доцентом Кембриджского университета в 1936 году, и во время войны, и в послевоенные годы она отвечала за курсы русского языка для военных. Спустя 12 лет в Кембридже для нее была создана кафедра славистики, которую она возглавляла в течение двух десятилетий. Ее вклад в развитие славистики в Англии огромен: число ее бывших студентов и людей более поздних поколений, пользующихся результатами ее труда, достигает уже многих тысяч.

А. Мейендорф с Ксенией Стидуорти, пра-правнучкой государственного канцлера А. Горчакова (из семейного архива автора статьи)

Митрополит Антоний Блум (1914–2003), а тогда еще просто отец Антоний, начал посещать Клуб и читал доклады с самого его основания. Он говорил о жизни святых, о православной традиции, о таинствах, об истории церкви, о положении в современной России...

Каждый раз зал был переполнен, его слова, свежие, авторитетные, оставляли неизгладимый след в душах слушателей, а обсуждения были всегда оживленные, многосторонние.

Почетным членом и любимым докладчиком стал Николай Ефремович Андреев (1908–1982). Сын школьного учителя, он покинул Россию в 1919 году вместе с семьей. Карьеру он начал на историческом факультете Пражского университета, где после войны был задержан советскими властями. Елизавета Хилл «выписала» его и пригласила в Кембриджский университет, где он впоследствии учил и вдохновлял целые поколения студентов. Андреев обладал огромными знаниями не только русской истории и литературы, но и языка, быта, о которых говорил с увлечением и юмором; он умел передавать слушателям собственный страстный интерес к данной тематике. В Клубе в течение трех десятилетий он читал доклады по-русски на радость тем, кого он сам называл «пестрой публикой»[11].

Программа в первые полтора десятилетия

В Клубе после его открытия первым выступил с лекцией Джон Лоренс, а второй – Елена Рапп, преподавательница Оксфордского университета и внучка председателя последней Государственной Думы Михаила Родзянко (кстати, в Клубе также выступал ее брат, отец Владимир Родзянко (1915–1999), служивший в сербской церкви в Лондоне, а позже епископом в Сан-Франциско). Неоднократно в Клубе выступала певица Ода Слободская (1888–1970). Она дебютировала в Петрограде в 1919 году, а через 12 лет, приехав в Лондон, пела в Королевской опере Ковент-Гарден и по Би-би-си. Незабываемой осталась постановка «Неточки Незвановой» в исполнении Екатерины Ивановны Корнаковой-Бринер, матери киноактера Юла Бринера, которая когда-то была любимой ученицей Станиславского. В Лондон она приехала к концу 40-х годов, но через несколько лет заболела раком легких. В тот вечер в Пушкинском Клубе в самых скромных театральных условиях эта умирающая женщина преобразилась: голосом и жестами она была похожа на уязвимую девочку, а в ее наивной речи краткими моментами просвечивалась еле уловимая трагичность.

Интересно посмотреть на программы Клуба первых десяти-пятнадцати лет, когда за год проходило встреч шестьдесят: литературные доклады составляли 28%, современная Россия – 16%, религиозные, философские темы – 16%, музыкальные вечера – 13%, исторические – 10%, театр и кино – 9%, изобразительное искусство – 6%, балет – 5%, воспоминания – 3%. Пожалуй, стоит указать на тот факт, что в Клубе ни разу не было доклада монархического

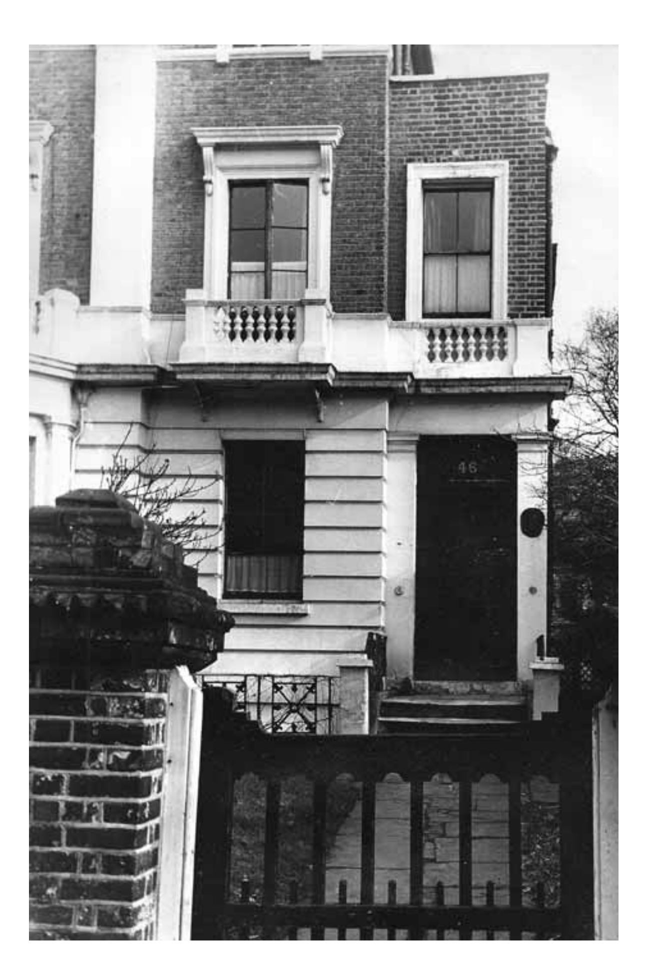
толка. Лекции по науке занимали сравнительно мало места в программе, зато среди выступавших в этой области числились ученые с мировым именем, в том числе в 1959 году доклад о советской науке прочел сэр Джон Кокрофт (1897–1967), лауреат Нобелевской премии, бывший коллега Петра Капицы по Кембриджу[12].

Категория «воспоминания» наличествует главным образом в самые первые годы: речь идет о людях, сделавших карьеру еще в России – как, например, Мстислав Валерианович Добужинский, рассказывавший о Станиславском, о детстве в Новгороде, о «Мире искусства», о Петербургском университете; философ Аарон Захарович Штейнберг, специалист по Достоевскому и блестящий докладчик; уже упомянутый барон Мейендорф, выступавший на самые разные исторические темы, человек с большой эрудицией и с богатейшими воспоминаниями; музыкальный режиссер Николай Малко; Тамара Карсавина; бывший актер Малого Театра Борис Раневский, литературовед В. Тышецкий, живо помнящий знаменитое петербургское кафе «Бродячая собака». Серию докладов прочитал приехавший из Парижа Сергей Константинович Маковский (1877–1962), один из основателей и редактор (с 1909 по 1917 год) знаменитого журнала «Аполлон». Среди завсегдатаев, вносивших бесценный вклад в жизнь Клуба, были две высокообразованные женщины, Екатерина Рабинович и Александра Векслер, которые неоднократно читали лекции на литературные темы и делились воспоминаниями о культурной жизни накануне революции и в послереволюционные дни.

На выставке в Пушкинском Доме, в центре – М. Рамбер (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Среди людей того же поколения, которые не выступали с воспоминаниями, но часто приходили в Клуб и делились собственными впечатлениями и опытом в прениях и в кулуарах, был юрист Борис Элькин (1887–1972), не раз делавший доклады по истории. Член Петербургской присяжной адвокатуры (с 1910 года), сотрудник журнала «Право», он эмигрировал в 1919 году в Берлин, где был одним из учредителей германского отделения Американского Фонда помощи русским литераторам и ученым. В Лондон Элькин перебрался в конце 1930-х годов. Он был душеприказчиком П. Милюкова, а также А. Гучкова. Кстати, дочь Гучкова, кузина Рахманинова, Вера Трейл (1907–1987), кинокритик английской газеты Обсервер (*Observer)*, была завсегдатаем Клуба и выступала с докладами о советском кино. Другой петроградский юрист, Марк Маркович Вольф (1891–1987), при Временном правительстве был помощником П. Милюкова, заменив на этом посту своего близкого друга Александра Яковлевича Халперна, по наущению которого он и приехал в Англию. В 1926 году он стал английским адвокатом. Дочь М. Вольфа, Татьяна Марковна, также часто бывавшая в Клубе, стала специалистом по Пушкину и в 1987 году организовала в Лутон Ху (*Luton Hoo*), в доме прямого потомка поэта, незабываемые дни, посвященные стопятидесятилетию со дня смерти Пушкина. А. Галперн (1879–1982) до революции работал адвокатом британского посольства в Петербурге. Его супруга была блистательная красавица Серебряного века Саломея

Пушкинский Дом на Ладбрук Гров (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Андроникова, героиня стихов Мандельштама «*Соломинка*» – «Не Саломея, нет, соломинка скорей...».

Неоднократно читал доклады по истории Сергей Коновалов (1899–1982), первый профессор славистики в Оксфодском университете, основатель журнала Оксфордское славяноведение (*Oxford Slavonic Papers*). В юности питавший идеалистические политические надежды, он эмигрировал вместе с семьей после переворота 1917 года и в Россию вернулся только сорок лет спустя на съезд славистов. Эта поездка на родину его глубоко потрясла. Из оксфордских ученых приходил и блестяще выступал князь Дмитрий Дмитревич Оболенский (1918–2001). Профессор русской и балканской истории, член Британской академии с 1974 года и ее заместитель председателя (1983–1985), он получил кавалерский титул в 1984 году, был делегатом на московском церковном Соборе в год тысячелетия крещения Руси (1988). Это был человек поразительной эрудиции и исключительного шарма, умевший, приводя слова Татьяны Вольф, «читать стихи Пушкина как бог». Также из Оксфорда, и тоже в течение многих лет выступала с докладами Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985), близко знакомая с М. Кульман еще с довоенных парижских лет, возможно даже с первых беженских лет в Сербии, и в некотором смысле ее единомышленница. Потеряв родителей при драматических обстоятельствах во время гражданской войны, она приехала в Англию в тридцатые годы, прошла курс богословия в Бирмингеме, защитила докторскую диссертацию в Оксфорде, где затем десять лет преподавала русскую литературу, а в 1956 году стала заведующей кафедрой славистики в Ливерпульском университете. В Оксфорде она была первой женщиной-лектором, прочитавшей курс на богословском факультете. Вместе с Зёрновыми она участвовала в учреждении и в жизни Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского[13]. Она была автором не только академических книг о русских святых и русской духовной традиции, но и романов и стихов[14]. Я имела редкое счастье быть ее студенткой и с благодарностью вспоминаю, как на занятиях (так же как и в Пушкинском Клубе) она каждый раз открывала перед нами какой-нибудь новый, бесконечно манящий, русский горизонт – литературный, исторический, духовный.

Среди тех, кто читает лекции с самого начала основания Клуба, особое место занимает Кирилл Львович Зиновьев, литературный критик и прекрасный переводчик, автор замечательных книг по русской истории, впервые выступивший в Клубе в 1956 году с лекцией о Чаадаеве. Выступавший с тех пор много раз, он уже в нынешнем Пушкинском Доме на Блумсбери Сквер в 2009 году прочел лекцию о своем переводе «Анны Карениной». Кириллу Львовичу Зиновье-

ву скоро должно исполниться сто лет. В первые годы в Клуб часто приходили родная сестра Александра Скрябина, мать Владыки Антония Блума, и Анна Медтнер, вдова закончившего жизнь в Лондоне в 1951 году композитора Николая Медтнера. В 1958 году она вернулась в Москву в возрасте 81 года. Приходила время от времени, но не выступала с докладами баронесса Мария Игнатьевна Будберг[15], «Мура», яркая фигура в русских и английских интеллигентских кругах.

Незабываем был вечер воспоминанй Марии Кульман о русских подвижницах за рубежом – то, что она рассказывала о матери Марии Скобцовой, впоследствии было включено отцом Сергием Гакелем, присуствовавшим на том вечере, в его книги о матери Марии. О. Сергий (1931–2005), член попечительского Совета Дома, еще ребенком был привезен в Англию из Германии. Он преподавал русскую литературу в Сассекском университете (1964–1988), работал на русской службе Би-би-си (1984–2005). В 1965 году он был посвящен в священники. Благодаря его деятельности и изучению жизни и подвига матери Марии Скобцовой, удалось так скоро канонизовать мать Марию в русском экзархате Константинопольской патриархии[16].

Одной из «звезд», посетивших Клуб, был приехавший из Парижа Сергей (*Serge*) Лифарь[17], блистательный танцовщик, прославившийся в дягилевских *Ballets Russes*, знаток и издатель Пушкина. Он читал лекцию о Пушкине и рассказывал о Дягилеве.

С годами ряды свидетелей прежней русской жизни, естественно, поредели.

Пушкинский Дом

Меньше чем через два года после основания Пушкинского Клуба стало ясно, что он буйно растет и нуждается в собственном помещении. Не хватало места, вечера проходили дважды, подчас и трижды в неделю, мешая жителям дома. Кульман верила и любила говорить, что «в Англии все можно сделать». Она дала знать знакомому адвокату, который всячески одобрял кульмановские идеалы, что она ищет еще один дом для студентов. Очень скоро тот ей сообщил, что ему велено найти покупателя для рядом стоявшего дома, Ладбрук Гров, 46 (где одно время жили дети Уильяма Гладстона)[18].

Денег не было – на банковском счету находилось меньше двух фунтов. Мария Михайловна неоднократно ходила с визитами в дом, к его хозяйке, симпатичной вдове миссис Грант, подробно рассказывала ей о своих планах устроить международное студенческое общежитие. В результате миссис Грант предложила в кредит почти всю сумму: дом продавался за £6000 – сейчас трудно поверить

в возможность такой низкой цены, даже тогда зто было недорого. Недостающие сотни фунтов были собраны маленькими пожертвованиями от членов и более солидным вкладом от Зёрновых [19].

Была куплена подержанная мебель, и студенты всех национальностей стали заполнять дом. В двух больших комнатах на первом этаже помещался Пушкинский Клуб. На фасаде рядом с парадной дверью был прикреплен барельеф Пушкина и слова «Пушкинский Дом». Теперь этот барельеф находится в парадном вестибюле Пушкинского Дома по новому адресу, в центре Лондона, в Блумсбери. Те вечера, которые привлекали много публики, проводились, как и раньше, в большой гостиной дома 24 по Кенсингтон Парк Гарденс.

Открытка из Парижа от М. Добужинского к М. Кульман (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Примерно год спустя сын миссис Грант объявил, что его мать не устраивают прежние условия и что кредит надо выплатить. Положение спас сэр Сесил Киш: он организовал ипотечный кредит, который со временем был целиком выплачен квартирной платой жильцов дома. Доход Пушкинский Клуб получал от годовых членских взносов и входных билетов (билеты по закону считались платой за «временное членство»). Начи-

ная с 1956-го, каждый год в декабре проводился благотворительный базар. Продавались пожертвованные предметы вместе с игрушками, фарфором из Восточной Европы, которые мы брали на комиссию у импортеров, а также русские книги, выписанные из Парижа и лондонского магазина советских книг Коллетс. Тогда это был единственный книжный магазин такого рода в Лондоне. Кроме него в те дни существовала замечательная букинистическая лавка В. Барачевского на Хануей стрит, привлекавшая, как магнит, всех нас, молодых, которые еще только начинали открывать для себя русскую культуру. На базаре всегда было весело, открывал его каждый раз новый человек, очень часто это были балерины из Ковент-Гардена – Аня Линден, Люсет Алдос, Антуанет Сибли. Звучала русская музыка; был буфет, продавались рюмочки водки. Несмотря на то, что лицензии на продажу алкоголя не было, наша водка называлась «домашней» и как таковая продавалась легально. Мы прибавляли к обычной «Столичной», перелитой в графин, кусочки лимонной корки, тем и делая ее *home-made*. Мария Михайловна умела толковать и закон, и наставления милого полицейского, к которому мы невинно ходили за советом.

В 1958 году начала работать в Доме и Клубе мисс Джейн Батлер, незадолго до этого окончившая факультет иностранных языков Лондонского университета. Очень скоро она стала правой рукой Марии Михайловны, которая, увы, в 1964 году заболела – по злой иронии судьбы она после инсульта лишилась речи и долго мучилась перед смертью. Джейн практически стала ответственной за ежедневное управление Домом и Клубом и исполняла эти многосторонние обязанности с неизменной толковостью, пониманием, добротой. Однако в 1970 году она подала в отставку, ибо собиралась замуж за одного русского квартиранта из Австралии (родившегося в Харбине), Алексея Золотухина, создателя блестящего Лондонского балалаечного ансамбля, первые выступления которого состоялись в Пушкинском Доме[20].

В тот момент многие спрашивали себя: как быть без Джейн, не означает ли это конец Пушкинского Клуба. Тем более что вскоре после смерти Марии Михайловны скончалась и Ольга Сергеевна Шипман, заменившая ее на посту председателя и весьма активно продолжавшая деятельность основательницы. Из других ранее активных членов комитета Ирина Кириллова уже работала в Кембриджском университете, а я была замужем, обзавелась семьей и не жила в Лондоне.

Шли серьезные дискуссии о том, не придется ли продать дом, «похоронить» Пушкинский Клуб. Однако Клуб не исчез. Через Зёрновых (Н.М. был уже председателем Клуба) сюда поступил служить

секретарем Марк Хайне, специалист по польской литературе и владелец туристической компании, который много лет организовывал программу докладов и вообще поддерживал жизнь Клуба: доклады, уроки, чаепития были интересны, оживленны. В 1981 году, после смерти Зёрнова, доктор Хайне был назначен председателем Клуба. Все это время от доброты сердца и преданности делу общежитием руководила Ида Прессбургер, следившая и за благополучием студентов, и за состоянием дома; ее помощницей была Олив Ааронс с Ямайки. Однако дом нуждался в ремонте, а доход был явно недостаточным, и, когда в 1984 году Ида Прессбургер умерла, положение стало критическим.

Снова поднялся вопрос о том, не нужно ли положить конец Дому и Клубу? Некоторое время шли неформальные переговоры с представителями Сурожской Епархии о возможности сотрудничества, и были приглашены в Совет директоров четыре члена Епархии. О. Василий Осборн (впоследствии епископ) стал председателем Совета – Пушкинский Дом получил новые силы[21]. Ввиду безотлагательности ремонта Милица Владимировна Зёрнова одолжила дому на неопреленный срок £10 000, тем и спасая его. Ежедневную хозяйственную работу в доме продолжала исполнять Олив Ааронс.

Надо сказать, что деятельность более поздних периодов существования Клуба в первом Пушкинском Доме (на Ладбрук Гров) невозможно сравнивать с его жизнью в первые двенадцать-пятнадцать лет. Уже с начала 70-х годов программа стала совпадать с академическими триместрами, причем встречи проходили не каждую неделю, так что за год их набиралось двенадцать-тринадцать, максимум пятнадцать. Подавляющее большинство докладов читалось жившими в Англии университетскими преподавателями, так что хотя уровень оставался высоким, диапазон был значительно уже. Не стало ни ежегодного базара, ни выставок, ни фильмов. Однако появились новые «кадры» для работы Клуба: двое молодых ученых, доктора философии Джонатан Саттон[22] и Стивен Картер. Спустя некоторое время пришли поэт Ричард Мкейн и адвокат Люси Даниелз, при которых особенно развилась поэтическая сторона программы, и частые поэтические вечера 80-х и 90-х годов стали придавать Клубу особую новую атмосферу, которая существует и по сей день.

В настоящее время в комитете Клуба числятся: член попечительского Совета Пушкинского Дома, адвокат и знаток русской литературы Дэвид Брамел; выдающийся переводчик Роберт Чандлер; поэт Ричард Мкейн; драматург и театральный переводчик Питер Тегел, переводчик и литературовед, долгое время работавшая на Би-би-си, Маша Карп. Они являются как бы прямыми наследниками той ма-

ленькой группы, которая в 1954 году составляла программу первого сезона Клуба.

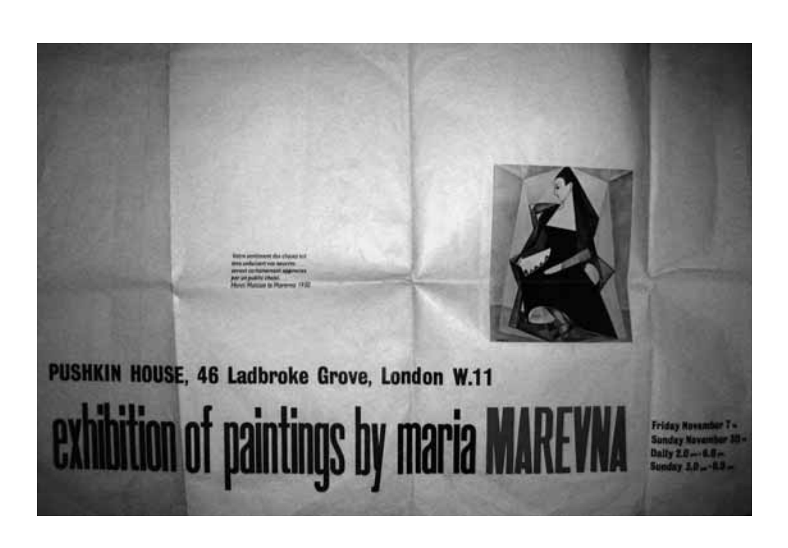
Ричард Мкейн, тонкий, талантливый поэт и переводчик, известный ценителям поэзии во многих странах собственными стихами и переводами с русского и с турецкого[23], так пишет о Клубе 80-х и 90-х годов: «В 1980-х годах я присоединился к Стивену Картеру и Джонатану Сатону в качестве сопредседателя Пушкинского Клуба. Хотя горбачевская перестройка привела к известному возрождению Пушкинского Клуба, для меня лично самыми знаменательными событиями тех лет оказались двуязычные юбилейные чтения (1989–1992) стихов Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой. Князь Дмитрий Оболенский оказал нам честь читать русские произведения в оригинале, а большинство переводов были моей работы. В тот же год Ирина Ратушинская, только что освобожденная из советской тюрьмы, провела первое в жизни публичное чтение своих стихов. Так же как и на юбилейных вечерах, зал был битком набит, люди сидели на лестнице.

В Пушкинском Клубе дважды читал свои стихи Евгений Рейн, "ментор" Иосифа Бродского, звучали и мои переводы. Лариса Миллер на радость публике читала и в старом Пушкинском Доме, и в новом. Среди других женщин-поэтов, читавших в клубе, была Татьяна Вольская[24]. В Пушкинском Клубе Михаил Игнатьев представил публике свою биографию Исайи Бéрлина. Незадолго до переезда в новый дом читал Андрей Вознесенский, выступал из русского ПЭНа Александр Ткаченко. Одним из последних поэтов, появившихся в Клубе, был недавно скончавшийся Дмитрий Пригов. Можно надеяться, что Пушкинский Клуб, где по сей день царит особая, как бы семейная атмосфера, еще многие десятилетия будет знакомить и английскую, и русскую публику с драгоценностями русской культуры».

Выставки

В 1957 году в Пушкинском Клубе была устроена выставка работ М. Добужинского «Санкт-Петербург – Лондон – Война и мир», а полтора года спустя уже выставка мемориальная – пейзажи и театральные работы. Выставки организовывал сын художника Ростислав Добужинский, который впоследствии устроил большую экспозицию отца в Музее Виктории и Альберта. Ростислав Мстиславович тоже был театральным художником, жил в основном в Париже, в Англии его знают главным образом за очаровательные маски к фильму «Сказки Беатрисы Поттер» в исполнении Королевского балета.

В том же году в Пушкинском Доме выставлялись прекрасные работы Леонида Пастернака (1862–1945). Известный как «русский импрессионист», иллюстратор Толстого, тонкий портретист, он провел последние годы жизни в Оксфорде, где много лет жили его дочери, также выступавшие в Клубе. В Оксфорде и по сей день живут их потомки. Картины художника можно видеть в его бывшем доме и в музее Ашмолеан.

Плакат выставки Маревны в Пушкинском Доме (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Затем последовала выставка Маревны (Марии Воробьёвой, 1892–1984), часто приходившей в Пушкиский Клуб. Свое прозвище она получила от Максима Горького, считавшего, что она похожа на морскую фею из сказки. На выставке Маревны висели портреты Горького, Эренбурга, Макса Якоба, Жана Кокто. В 20-е годы художница жила в Париже в среде блестящих художников, и говорят, что якобы у нее была длинная вереница знаменитых любовников, в том числе Леже, Пикассо, Брак, Матис. Ее дочь от Модилиани, красавица Марика, была талантливой танцовщицей в стиле Айседоры Дункан. Маревну иногда называют первой женщиной-кубисткой, а сама она свой стиль называла «дименсионализмом» – она писала то как пуантилист, то как кубист... Маревна обладала подлинным талантом и каким-то особым, невинным шармом.

Marevna

Бесценный вклад в жизнь Клуба внесла Мэри Шамо (1899–1993). Она родилась

под Петербургом в англо-французской, немецко-голландской семье, но была «русская душою». Она начала образование по искусству еще в Петрограде и впоследствии окончила лондонскую Слейд Скул. С 1953 года она долгие годы была заместителем директора музея Тэйт Галлери. Авторитет в истории русского искусства с мировым именем, она была автором многих книг, в том числе и значительной работы о своей подруге, художнице Наталии Гончаровой. Доклады в Пушкинском Клубе она читала с самого начала его существования и вплоть до 80-х годов.

Советские контакты

Текущие события часто находили отклик в программе Клуба. В 1956 году сразу через несколько дней после XX съезда КПСС в Клубе выступил Эдуард Кранкшо, корреспондент газеты «Обсервер», только что вернувшийся из Москвы. Когда вышел роман «Доктор Живаго», в Клубе сразу устроили симпозиум, где английские и русские литературоведы обменивались мнениями с публикой.

За всю историю Клуба среди сотен докладчиков советских было примерно сорок. В 1960 году в Клубе выступил А. Сурков, состоявший в то время председателем официального Общества дружбы СССР – Великобритания. Алексей Сурков пришел тогда в Клуб в связи с чеховским юбилеем, который Пушкинский Клуб праздновал вместе с Королевской академией драматического искусства в Ванбургском театре. Председательствовал сэр Питер Добени, выдающийся импрессарио-новатор; говорили дейм Мария Рамбер; Надежда Городецкая; Уильям Джерарди[25] – английский писатель, родившийся в России в обрусевшей английской семье, автор остроумных (скорее автобиографических) английских романов о России; участвовал в чтениях выдающийся актер Пол Скофилд. Кроме речи, произнесенной на чеховском юбилее, Сурков в Пушкинском Клубе ответил на вопросы о современной советской литературе.

В том же году Клуб отпраздновал юбилей Льва Толстого. В праздновании принимали участие Общество Великобритания – Россия[26], Национальная лига книгоиздателей, Ассоциация славистов британских университетов, Ассоциация преподавателей русского языка. В зале имени Махатмы Ганди читали лекции английские и русские ученые – в том числе Н. Городецкая из Оксфорда, А. Ермилов из Москвы; председателем был выдающийся оксфордский ученый лорд Девид Сесил.

Год спустя в Клубе состоялся вечер советской литературы с участием Ираклия Андроникова, Всеволода Иванова, Бориса Полевого, Алексея Суркова. В начале 60-х годов выступали в разное время

Вера Инбер, Шэкен Айманов, Каарел Ирд, Агния Барто, Владимир Солоухин. Ко всеобщей радости в 1962 году Клуб посетил Корней Чуковский; он говорил о Чехове, Блоке и читал свои стихи.

Такие советские гости, как правило, попадали в Клуб через Общество Великобритания – СССР, приглашавшее их в Англию. Незабываемым был один вечер 1960 года, когда удалось привлечь в Клуб Константина Федина и Александра Твардовского. Первый больше

К. Федин и А. Твардовский (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

отвечал на вопросы, второй читал свои стихи. Начались дискуссии, в которых участвовал и барон Мейендорф (ему было уже за девяносто), говоривший взвешенными, размеренными словами о литературной свободе. Кажется нигде, кроме как в Пушкинском Клубе в то время, не была бы возможной публичная встреча трех человек со

столь разными судьбами. В 1964 году молодые члены Клуба также устроили два неформальных вечера для советских аспирантов, работавших в Лондонском университете.

Почти с самого начала работы в Клубе стали показывать советские фильмы, поставлявшиеся Совэкспортфильмом: и художественные, и мультфильмы, и документальные – о живописи, опере, балете.

К. Зиновьев в Пушкинском Доме (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

Само собой разумеется, что и в советском посольстве, и в британской контрразведке за деятельностью Клуба наблюдали. Было заметно, что когда стали ходить в Клуб люди из второй волны эмиграции и «перемещенные лица», которые (во всяком случае, нам тогда так казалось) занимались активной антисоветской политикой, то каждый раз появлялся какой-нибудь представитель из посольства. И те, и другие приходили только некоторое время, потом исчезали. Надо полагать, что им оказалось неинтересно. Запомнился один милейший человек из посольства, Денисов, он ходил довольно долго, принимал участие в симпозиуме о Пушкине, всем понравился. Вообще со временем все реже приходили наблюдатели из посольства.

В 1960 и 1961 годах состоялись туристические поездки в Россию. В одну из поездок в двух автобусах из Лондона выехали 90 человек, перелетев через Северное море в Голландию, пересекли Европу до Брест-Литовска,

Пушкинский Дом сегодня, 5А Блумсбери Сквер (из архива Пушкинского Дома, Лондон)

останавливались в туристических лагерях под Минском, Смоленском, Москвой, Новгородом, Ленинградом. Любопытно, что заведующей фирмой Прогрессив Турз, через которую организовывалась поездка, была София Скипуит, в первом браке Зиновьева, урожденная княжна Долгорукова и убежденная коммунистка[27].

Переезд в новый дом

К концу 1990-х годов ситуация была такова: дом постоянно нуждался в ремонте, а средств на его поддержание не было. Встречи в Пушкинском Клубе проводились всего раз двенадцать в год, и на них приходило человек 20–40. К тому же тот идеализм, который в первое послевоенное десятилетие мог вдохновлять основателей международных студенческих домов, давно был утерян. Главное, наступили новые времена, Советского Союза уже не было, Россия была открыта, доступна.

Здравый смысл – не говоря уже про закон о благотворительных организациях – указал на необходимость крутых перемен. Летом 1999 года я подняла вопрос о продаже дома с целью создания стипендиального фонда, дающего возможность русским аспирантам и специалистам приезжать в Великобританию учиться. В то же время попечители во главе с епископом Василием Сергиевским принимали всерьез требования современности и желание русской общины иметь настоящий культурный центр, покрупнее исторического Пушкинского Дома. После всесторонних обсуждений было принято единогласное решение вложить будущий капитал (от продажи старого дома) не в стипендиальный фонд, а в новый русский культурный центр. Вскоре в качестве председателя Совета Дома и консультативной Группы епископа Василия заменил Саймон Франклин, профессор славистики Кембриджского университета, прагматично мыслящий, энергичный человек[28].

Летом 2004 года дом на Лэдбрук Гров был выставлен на продажу. Для тех, кто годами и десятилетиями ходили на встречи Пушкинского Клуба, которым была дорога именно его «семейная атмосфера», прощаться с домом естественно было грустно. Однако «изменяются старые порядки, уступая место новым ...»[29]. Довольно быстро был найден элегантный дом постройки начала восемнадцатого века, значащийся в перечне зданий памятников архитектуры, находящийся на углу Блумсбери Сквер, рядом с Британским музеем.

Открытие Пушкинского Дома и его второе рождение по новому адресу состоялось в ноябре 2006 года, и с того дня началась его еще более богатая событиями программа и жизнь, обеспеченная солид-

ной финансовой основой. В новые времена и в новых условиях Пушкинский Клуб является живым звеном живой организации, всецело преданной русской культуре. Перспективы – радужные.

* * *

Прошло более полувека с основания Пушкинского Клуба и Дома Марией Кульман и ее единомышленниками. Эти записки представляют собой лишь набросок его истории. Многое выпало из памяти, а то, что удалось восстановить по архиву и другим источникам, заполняет, не все «белые пятна»; к тому же «факты истории всегда преломляются в уме летописца»[30]. Однако я надеюсь, что упомянутые здесь лица, события, впечатления могут служить хотя бы дорожным указателем, от которого ведут во все стороны заманчивые пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 На переломе (семейная хроника Зёрновых)/Под ред. Н.М. Зёрнова. Париж: YMCA-Press, 1970.

2 О тюрьме и лагере она писала в книге «*The woman who could not di*e». London: Chatto & Windus, 1938; ее биография написана *Constance Babbington-Smith*. Iulia de Beausobre, a Russian Christian in the West. London: Darton, Longman & Todd, 1983.

3 Его биография написана женой. *Namier J.* Lewis Namier. Oxford: Oxford University Press, 1971.

4 Доктор философии и богословия. С 1947 преподавал в Оксфордском университете, будучи Спалдингским Лектором по Восточно-православной Культуре. Автор книг по истории русской Церкви и вопросу сближения восточных и западных христиан, в том числе «*The Church of the Eastern Christians*», 1942; *«The Russian religious renaissance of the twentieth century»,* 1963 – в русском переводе «Русское религиозное возрождение XX века», 1974; «Вселенская церковь и русское православие», 1952. Два тома семейной хроники: «На переломе», 1970; «За рубежом», 1973, изданы в Париже.

5 В 1963–1979 годах Ирина Кириллова переводила на Всемирном Конгрессе Церквей, помогая русской делегации. В 1996 году в качестве переводчика сопровождала герцога Эдинбургского во время королевского визита в Россию (тогда СССР) и в 1998 году – принца Уэльского. С начала шестидесятых годов на протяжении более 40 лет преподавала на Славянском факультете Кембриджского университета.

6 Переводчица книг Андрея Тарковского, и вместе с Джереми Бруксом делала переводы для Королевской Шекспировкой Компании и для Би-би-си пьес Островского, Чехова, Солженицына, Горького, Толстого. Двадцать лет преподавала на Славянском факультете Кембриджского университета.

7 Джон Лоренс (1907–1999) был глубоко верующим англиканцем и одним из основателей центра по изучению религии и коммунизма в Кэстон колледж (Лондон).

8 Книга ее воспоминаний *«Theatre Street»* вышла в 1931 в Лондоне в издательстве Dutton.

9 Иерусалимская премия – литературная награда, которая присуждается писателям, отстаивающим свободу личности.

10 *The Wagon of Life* (русские стихи в переводе). Oxford university Press, 1947; *Alexander Blok: Prophet of Revolution.* London: Al.B. Weidenfeld & Nicholson, 1960.

11 Воспоминания Н.Е. Андреева «То, что вспоминается» (отредактированные его дочерью Екатериной Николаевной, оксфордской ученой, преподающей русскую историю) вышли в Таллине в 1996, и в 2009 вышел английский перевод: *«A moth on the fence, memoirs of Nikolay Andreyev».*

12 Петр Леонидович Капица (1894–1984), лауреат Нобелевской премии. В 1923–1934 работал в Кембридже в лаборатории Резерфорда.

13 Содружество св. Албания и преп. Сергия Радонежского – общественная организация, основанная в 1928 году Николаем Зёрновым и другими с целью развивать взаимопонимание между английскими и русскими верующими путем встреч, лекций, исследований и – главное – общих молитв, совместного присутствия на православной литургии и на англиканских службах. Любопытно, что среди первых англичан двадцатого века, перешедших в православие, был о. Николай Гиббс, в миру Чарльз Станли Гиббс (*Charles Stanley Gibbs*), бывший учитель царевича Алексея, посвященный в священики в Китае, куда он бежал после революции. Именно он основал первую православную церковь в Оксфорде в 1941 году. См.: The Fellowship of St.Alban and St. Sergius, a historical memoir, by N.M. & M.V. Zernov, 1979.

14 Два ее романа вышли в Париже: *«Mara»,* 1931, *«L'exil des enfants»,* Desclée de Brouwer, 1936. В Англии: *«The humiliated Christ in Russian Thought»,* 1938; *«St. Tikhon of Zadonsk, inspirer of Dostoievsky»,* 1951, обе книги изданы SPCK, London.

15 Мария Игнатьевна Закревская Бенкендорф Будберг (1891–1974), переводчица и светская женщина. В перечне ее многочисленных любовников числились Максим Горький и Герберт Уэллс. См. ее биографию: Берберова Н. «Железная женщина», в английском переводе: *«The dangerous life of a Russian princess»* (NY: Review Books Classics, 2005).

16 *Poet of the Revolution – Alexander Blok's «The Twelve»,* OUP, Oxford 1975. См.: *«A pearl of great price – the life of Mother Maria Skobtsova, 1891–1945»* (со вступлением митрополита Антония Сурожского). Darton, Longman & Todd. M.M. YMCA-Press 1982. «Мать Мария 1891–1945», Париж 1985.

17 Сергей Михайлович Лифарь (1904–1986). «Дягилев и с Дягилевым», Париж, 1939; «Моя зарубежная пушкиниана», YMCA-Press, Париж, 1966.

18 Уильям Гладстон (*William Ewart Gladstone*) (1809–1898) был четырежды премьер-министром Великобритании.

19 Зёрновы в результате имели право пользоваться большой спальней на втором этаже.

20 Алексей Золотухин был также исключительно умелым техническим переводчиком. В 2005 году он трагически погиб в автомобильной катастрофе, их сын Адриан сегодня – профессиональный музыкант, гитарист и балалаечник.

21 Заметим, что Мария Кульман, чья собственная жизнь была немыслима без Православной Церкви, была категорически против любых формальных связей между Пушкинским Клубом и Церковью; в Пушкинском зале только при Зёрновых была повешена икона.

22 Доцент Лидского университета, специалист по богословию и церковно-государственным отношениям в современной России, Болгарии, Румынии, Украине. Автор многочисленных книг и статей; его книга о Владимире Соловьеве «*The religious philosophy of Vladimir Soloviev: towards a reassessment*» (1988, Macmillan Press, Basingstoke /St Martin's Press, New York) недавно вышла в русском переводе в Киеве под названием «*Религиозная философия Владимира Соловьева: на пути к переосмыслению*» (2008).

23 «*Amphora for Metaphors*» (New York: Gnossis Press, London: Diamond Press 1993), «*The Turkey Poems*» (Istanbul: Bilingual Yapi Credi, Ist'l 1994), «*Poet for Poet*» (London: Hearing Eye, L 1999), «*Coffee house poems*» (Istanbul 2003), «*Out of the Blue Cold Poems* 1999–1967» (London 2009).

24 Ее переводы на английском языке вышли в антологии «*Russian Women Poets*» (отредактированной Валентиной Полухиной и Даниелом Вейсбортом в издательстве Карканет).

25 Уильям Джерарди (1895–1977). «*Futility*», *1922;* «*Anton Chekhov*», *1923;* «*The Polyglots*», *1925;* «*Memoirs of a Polyglot*», *1931;* «*The Romanovs*», *1939.*

26 Общество Великобритания – СССР, тогда новая организация, учрежденная Британским МИДом для приглашения в Британию неофициальных представителей Советской России. Организация существует и сегодня как общество «Великобритания – Россия» и проводит насыщенную культурную программу в помещении Пушкинского Дома.

27 София Скипуит (1907–1994). Дочь кн. Петра Долгорукого, в первом браке жена Льва Зиновьева. Во время войны интернирована во Францию; работала в сопротивлении вместе с французскими коммунистками, проявляя большую храбрость, и стала коммунисткой. После войны в Лондоне стояла во главе партийной группы Челси. Работала в театре с Лоренсом Оливье. Автор нескольких книг, в том числе «*Sofka, autobiography of a princess*», Hart Davis, MacGibbon, London, 1968. Ее внучка, Софка Зиновьева, написала ее биографию «*Red Princess, a Revolutionary Life*», Granta, Cambridge, 2007.

28 В 2009 году он получил Большую золотую медаль Российской академии наук имени М.В. Ломоносова за выдающиеся труды по ранней этнологической и культурной истории Руси.

29 Tennyson «*Idylls of the King*».

30 *Carr E.H.* What is history? London, Penguin, 1987. P. 22.

«БОЛЬШЕ ЧЕМ ЭМИГРАЦИЯ»

РУССКИЕ В ОКСФОРДЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ

Михаил Кизилов

Размышляя о русской общине и русском «следе» в истории Оксфорда, мы должны говорить о нескольких различных явлениях: о студентах и ученых, получивших образование в Оксфордском университете; о выдающихся государственных деятелях, ученых и людях искусства, посетивших город для получения почетных степеней, и, наконец, о знаменитых русских визитерах, посетивших и оставивших свой след в истории города и университета[1]. В Оксфорд приезжал царь Петр, принимал почетное звание победитель грозного Наполеона Александр I, танцевала Анна Павлова, читал стихи Владимир Набоков, творил Леонид Пастернак. Здесь бывали Анна Ахматова, Иосиф Бродский, Дмитрий Менделеев, Иван Тургенев и другие. Многие известные русские аристократы и ученые, проживавшие в Оксфорде, ныне покоятся в православной части Вулверкотского кладбища, в то время как латинские и русские надписи с именами государей, посетивших некогда Оксфорд, хранятся в оксфордских колледжах. После окончания войны Оксфорд посещали крупнейшие советские лидеры, включая Никиту Хрущева, Николая Булганина и Михаила Горбачева.

В Славянском отделении Тэйлорианской библиотеки университета хранятся тысячи редчайших печатных и архивных материалов по истории России на русском и иностранных языках. Фонды и экспозиция Ашмолейского музея в Оксфорде содержат бессмертные творения российских живописцев, таких как Сомов, Серов, Пастернак.

Оксфорд посетил молодой Петр I. Источники свидетельствуют, что царь, по своему обыкновению, приехал в Оксфорд инкогнито 8 апреля 1698 года. Царь осмотрел университетские библиотеки,

Шелдонианский театр и Ашмолейский музей и широкими шагами направился к часовне Тринити колледжа. Вскоре перед Тринити колледжем собралась толпа горожан, ученых и студентов, чтобы поглазеть на русского царя. Увидав собравшихся, Петр немедленно покинул город[2].

С петровских времен до нас доходят сведения о русских студентах и ученых, обучавшихся и стажировавшихся в Оксфорде[3]. Об этом нам говорят, в частности, архивы Бодлеянской библиотеки, где тогда обязательно регистрировались все ее посетители. Так, под 1709 годом там был зарегистрирован некто *Petrus Muller, Moscoviensis.* В 40-е и 50-е годы XVIII века несколько русских студентов (в том числе А. Кривов, М. Четвериков и др.) изучали в Оксфорде математику, астрономию и навигацию, а также посещали лекции профессора Джеймса Брэдли. В конце 50-х и начале 60-х годов XVIII века в Оксфорде учился студент, зарегистированный в Бодлеянской библиотеке как *Michel Pleshoff, Russus.* Это был представитель знаменитого российского аристократического рода Михаил Иванович Плещеев. В начале 1766 года в Англию прибыли пятеро российских студентов А. Буховецкий, П. Суворов, С. Матвеевский, М. Быков и А. Левшинов под руководством их более старшего товарища, преподавателя В. Никитина. Здесь им предстояло изучать греческий, древнееврейский и французский. Среди других обязательных предметов были философия, история (в особенности церковная), география и математика. Самым юным был пятнадцатилетний Прохор Суворов из Твери, а самым старшим – тридцатилетний москвич Василий Никитин. Некоторые приехавшие российские студенты неплохо владели латынью, греческим и даже древнееврейским, но ни один из них... не владел английским и не бывал прежде за границей. Каждый из них должен был получать от российского посла в Лондоне, гра-

Император Александр I посетил Оксфорд в 1814 году

фа Мусина-Пушкина, 150 фунтов (более 750 рублей серебром) в год на учебу и проживание, что являлось для того времени довольно значительной суммой.

В 1768 году, овладев к тому времени в достаточной степени английским, российские студенты были зарегистрированы в оксфордских колледжах: Никитин и Левшинов в Сэнт-Мэри-Холл, Суворов и Быков – в Квинс, а Матвеевский и Буховецкий в Мертон колледж. Увы, их жизнь была далеко не безоблачна. Они часто страдали различными болезнями (особенно глазными – по всей видимости, из-за недостатка света и интенсивной учебы), их не слишком-то принимали в английское общество с его строгой сословной иерархией, а самое главное – они сами не очень-то расчетливо тратили деньги, а стипендия выплачивалась не слишком регулярно. В результате два студента (Быков и Матвеевский) заболели столь серьезно, что не смогли продолжить обучение. Оставшихся россиян в 1771 году даже собирались посадить в долговую тюрьму за неуплату денег за учебу и проживание в колледже. К 1771 году общая задолженность российских студентов достигла значительной суммы в 1242 фунта (или более 6000 рублей). В 1774 году Никитин был даже привлечен к суду по

Витраж «Королевской комнаты» Мертон колледжа с надписью на латыни в честь Александра I и символами дома Романовых (фото автора)

иску главы Мертон колледжа по поводу денег, не уплаченных ранее Буховецким. В том же году российское государство разобралось с ситуацией и полностью уплатило долги студентов. Несмотря на то, что четверо из студентов по разным причинам (прежде всего, по-видимому, по финансовым) вернулись в Россию без степеней, не вызывает особых сомнений, что по уровню успеваемости и знаний они превосходили большинство английских бакалавров тех времен.

Двое россиян, Суворов и Никитин, остались в Оксфорде до 1775 года и получили звание магистра[4]. Их совместная книга по тригонометрии была переведена на английский и опубликована в Лондоне в 1786 году. Никитин напечатал в Санкт-Петербурге свой перевод с греческого трактатов Эвклида, а Суворов, в свою очередь, издал в 1803 году в Николаеве один из первых разговорников английского языка, в 30 уроках. Все вернувшиеся из Оксфорда русские студенты (включая даже тех, кто не получил свои звания) заняли в России достаточно неплохие посты.

С конца XVIII и в XIX веке Оксфорд начинают посещать «сильные мира сего» – представители российской аристократии и даже члены царской семьи. Аристократы посещали Оксфорд в основном ненадолго, в качестве туристов, хотя некоторые из них оставались там на более длительное время как студенты. С 1784 по 1806 год (с небольшим перерывом) российским послом в Великобритании был брат Александра Воронцова, Семен Романович Воронцов (1744–1832). Под его покровительством на учебу в Англию начинают съезжаться молодые российские аристократы. Начиная с конца XVIII века, среди просвещенной российской аристократической молодежи становится модным совершать длительные академические поездки в европейские университеты, в том числе и в Оксфорд. В 1786 году Оксфорд посетил В. Зиновьев, так описавший свой приезд в письме к Воронцову: «В Оксфорде надо видеть библиотеку и картинную галлерею тому, кто имеет в своем распоряжении много времени. Здесь, к крайнему моему удовольствию, удалось мне слышать экзамен или пробу одного кандидата, просящаго чина доктора музыки, в присутствии виц-президента и части оксфордской публики. Испытание это состояло в концерте, на котором все разнаго рода сочинения сей особы играли; между прочим, была одна ария с маленьким барабаном. Зала наполнена портретами господ докторов онаго искусства; над органом висит портрет Генделя»[5].

В качестве отдельной категории следовало бы выделить российских визитеров, приезжавших в Оксфорд для получения почетных степеней[6]. В 1763 граф Александр Романович Воронцов (1741–1805) стал первым россиянином, получившим почетную степень доктора гражданского права (*Doctor of Civil Law*). Церемония получения

почетной степени (как в то время, так и сейчас) проходила в Шелдонианском театре при массовом стечении публики и состояла из торжественной речи на латыни и вручения почетной докторской мантии и шапочки. Для получения почетных степеней Оксфорда не надо было проходить обучение в самом университете. Для этого необходимо было внести вклад в мировую науку, искусство, дипломатию или военную деятельность. Молодой (всего 22 года) Воронцов, к примеру, был славен своими достижениями на дипломатическом поприще, а также известен своим знакомством с самим Вольтером. Вторым россиянином, получившим почетную докторскую степень Оксфорда, был дипломат и литератор князь П. Козловский (1783–1840), известный, в частности, тем, что помогал маркизу де Кюстину в составлении его знаменитого описания России 1839 года.

Яшмовая ваза с латинской и русской надписью, подаренная Мертон колледжу Александром I в 1816 г. (фото автора)

Среди россиян, получивших почетную докторскую степень Оксфорда, следует особо отметить членов царской семьи: Александра I (1814), великих князей Николая Павловича (1817) и Михаила Павловича (1818), а также цесаревича Александра Николаевича (1839). Особенно интересен и важен был визит молодого Александра I в 1814 году. Император провел в Оксфорде только три дня, однако успел посетить большинство оксфордских колледжей, принять участие в нескольких официальных банкетах и получить почетную степень доктора гражданского права. Во время визита Александр останавливался в самых престижных апартаментах в Оксфорде – «Королевской комнате» (*Queen's Room*) Мертон колледжа – названной так в связи с тем, что там останавливалась во время гражданской

войны английская королева Генриетта. Посетители колледжа и по сей день могут видеть витражи с горделивыми изображениями российских двуглавых орлов, посвященные визиту императора. Кроме того, ряд артефактов (надписей, мемориальных блюд, портретов, бюстов и т.п.), сделанных в связи с визитом Александра, можно увидеть в Мертоне, Нью колледже и Экзаменационной школе.

В 1816 году, спустя два года после посещения Оксфорда, в знак своей монаршей благодарности, Александр прислал в Мертон огромных размеров вазу из сибирской яшмы, ныне стоящую в трансепте часовни колледжа. Уже по прибытии вазы в Мертон на ней была нанесена надпись на латыни и русском (текст публикуется впервые):

Collegii Mertonensis
custodi sociis que
vv doctissimis et sanctissimis
a quibus
cum oxonium inviseret
liberali hospitio receptus erat
hoc vas
e lapide siberiano factum
memoris grati que animi
specimen
d[onum] d[edit]
Alexander omnium russiarum
imperator
anno sacro MDCCCXVI

Коллегіи Мертонской
Попечителю и Сочленамъ
Мужамъ ученѣйшимъ
и достопочтенѣйшимъ
за оказанное
при обозрѣніи Оксфорда
гостепріимство
сей сосудъ
изъ камня Сибирскаго
изсѣченный
въ знакъ признательнаго
воспоминанія
даровалъ
АЛЕКСАНДРЪ
ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій
въ лѣто благодати
1816

Не менее интересная надпись на латыни находится в «Королевской комнате» в витражном окне вместе с изображением российских двуглавых орлов и других символов династии Романовых. Кроме того, еще одна мраморная доска с латинской надписью в честь царя Александра находилась в обеденном холле Мертона, прямо под портретом основателя колледжа. К сожалению, эта надпись была снята в конце XIX века[7].

Кроме особ царской крови почетную степень Оксфордского университета получили также многие известные деятели российской науки и искусства. В 1839 году почетную степень доктора

гражданского права в Оксфорде получил поэт и переводчик Василий Жуковский (1783–1852).

Иван Тургенев был первым в истории писателем, получившим почетную докторскую степень в Оксфорде (1879). Впрочем, награждение Тургенева имело некоторый политический оттенок: в пригласительном письме было указано, что он награждается степенью за «труды [т.е. художественные произведения. – *М.К.*] по освобождению крестьян». Тургенев провел в Оксфорде несколько дней, с 4 (16) по 9 (21) июня 1879 года. Писатель признавался, что во время церемонии он чувствовал «довольно сильное волнение» – и недаром. Дело в том, что во время различных официальных церемоний оксфордским студентам позволялось более чем вольное поведение – кричать, свистеть и сквернословить по поводу и без повода. Ситуация осложнялась тем, что вследствие столкновения российских и британских интересов на Балканах, антирусские настроения в Великобритании достигли тогда апогея. По этой причине писатель боялся, что на него, как на представителя России, местные студиозусы будут «свистать и шикать». Но нет, его опасения не оправдались – более того, по словам газеты «Таймс», ему даже хлопали больше, чем другим. Видимо, сказалась его репутация всемирно известного писателя. Кроме того, профессора из Байллиол колледжа в знак особого благоволения подарили Тургеневу официальные мантию и шапочку, необходимые для церемонии. Сохранилось фото писателя в оксфордском облачении, которое он позднее с особой гордостью хранил среди своих памятных вещей[8].

И. Тургенев в почетной мантии Оксфордского университета (фото А. Льебера)

В 1894 году степень доктора гражданского права в Оксфорде получает химик Д. Менделеев. Эту почетную степень присуждали и литераторам, и музыкантам, и представителям точных наук, весьма далеким от юриспруденции. Тот же Тургенев с некоторой иронией восклицал: «Оксфордский университет производит меня за мои “литературные заслуги” в доктора естественного права!» В 1902 году эту почетную степень получил Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925), профессор всеобщей истории Московского универси-

тета, специалист по социальной истории Англии. После получения степени и до 1908 года, а затем с 1911 года и практически до конца своих дней Виноградов жил и преподавал в Оксфорде. В 1902 году эту степень также получил правовед Федор Федорович Мартенс (1845–1909). Последним из подданных Российской империи, получившим почетную докторскую степень в Оксфорде, был композитор А. Глазунов (1907).

В XIX – начале XX века в Оксфорде появляется все больше русских студентов, в основном отпрысков крупных аристократических родов. Одним из них был князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон младший (1887–1967), наследник колоссального состояния. Юсупов учился в Юниверсити колледж Оксфорда с 1909 по 1912 год. Именно он, собственно, и основал в 1909 году Русское общество Оксфордского университета (*Oxford University Russian Society*)[9].

Феликс Юсупов с его аристократичной внешностью и красотой отличался, мягко говоря, вольностью нравов. Свой первый год в университете князь провел в колледже: по его словам, в первый же вечер его комната была полна другими студентами, «пившими, певшими и болтавшими» до самого утра. Юсупов также вспоминает, как, помогая опоздавшим студентам забраться назад в колледж по веревке, сброшенной из его окна, он однажды... вытянул полицейского. Только лишь вмешательство епископа Лондонского спасло Юсупова от изгнания из университета. Князь так описывает свой распорядок жизни в первый год учебы: «С утра после ненавистного холодного душа и плотного завтрака – единственно съедобной еды – до обеда я сидел на занятиях, от полудня до священного пятичасового чая – спорт, потом расходились работать по комнатам. Вечерами собирались у меня болтать и музицировать за стаканчиком виски». По его словам, в своей комнате он чудовищно страдал от холода: «В спальне – никакого обогрева и стужа, почти как на улице. Вода в тазике для умывания замерзала, по утрам казалось, что бреду я в ледяном болоте».

На втором году учебы Юсупову было разрешено выехать и жить вне колледжа – что он с охотой и сделал. В снятом им особняке жили его приятели, разнообразная обслуга, бульдог и попугай. Учебой князь занимался значительно меньше, нежели великосветской жизнью: «К наукам меня не тянуло» – откровенно писал он. Однако Юсупов благополучно сдал экзамены и получил степень бакалавра. По окончании учебы князь написал: «Три года, проведенных в Англии, – счастливейшее время моей молодости»[10].

Именно по приглашению Юсупова в Оксфорд приехала знаменитая балерина Анна Павлова (1881–1931), с успехом выступившая в Оксфордском театре.

***

Новый этап в жизни русского Оксфорда начинается после революции. В это трудное для России время в Оксфорд стекаются деятели российской эмиграции – ученые, студенты, люди искусства. В 1921 году Байллиол колледж Оксфордского университета окончил Глеб Петрович Струве (1898–1985), впоследствии русский литературный критик, литературовед, поэт и переводчик. Именно к нему в Оксфорд в 1919 году за советом по поводу будущей учебы в университете приехали братья Владимир и Сергей Набоковы. Владимир Набоков (1899–1977), в будущем русский и американский писатель и поэт, следуя его совету, отправился учиться в Кембридж (более сильны точные науки), а Сергей Набоков (1900–1945) остался в Оксфорде. В известной степени Струве был прав – Владимир Набоков на тот момент тяготел скорее к энтомологии, в то время как Сергей – к французской литературе. Эта судьбоносная встреча молодых дарований прошла на одной из оксфордских лужаек. Набоков читал Струве свои стихи, а тот ему в ответ – «12» Блока. К сожалению, застенчивый Сергей Набоков не прижился в Оксфорде, проучившись там только один семестр. Уже в январе 1920 года он поступил в Крайст-Черч колледж в Кэмбридже. Остается лишь добавить, что судьба Сергея, закончившего Кэмбридж в 1922 году, была гораздо трагичнее, чем судьба его знаменитого брата: за критику нацистского режима он был посажен в концентрационный лагерь Нойенгамм недалеко от Гамбурга, где и погиб в 1945 году[11].

С 1948 года в Оксфорде преподавал выпускник Кембриджа, почетный член Британской академии наук (1974) и ее вице-президент (1983–1985), крупнейший славист и византолог князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1918–2001). Встретившийся с ним в 1991 году писатель и эссеист Анатолий Найман писал про Оболенского: «Он был “супердоном” Оксфордского университета, но не единственным видным русским оксфордцем. Можно и наоборот: оксфордским русским. Когда я в первый раз пришел домой к Дмитрию Дмитриевичу Оболенскому, то обнаружил в списке жильцов в подъезде против его имени “Sir”, и когда сказал ему, что в России знают, что Исайя (Бéрлин. – *Прим. ред.*) – “сэр”, но никто не знает, что он тоже, он ответил: “В России больше известно, что я князь”. Оболенских тьма, – прибавил он, – Оболенские, как принято говорить, не род, а народ <...> Мне “сэра” дали в конце восьмидесятых, когда я вышел в отставку».

Сэр Исайя Маркович Бéрлин (1909–1997) является еще одной легендой русского (или в данном случае, если угодно, русско-еврейского) Оксфорда. Он провел детство в Риге и Петербурге. Вскоре после революции и Гражданской войны, в 1921 году его семья

эмигрировала в Великобританию, где он закончил оксфордский Корпус-Кристи. Практически вся дальнейшая жизнь Бéрлина была связана с Оксфордом. Уже знаменитый к тому времени философ, с 1950 по 1966 год Бéрлин преподавал философию в Олл-Соулз, а в 1966 году был избран президентом создававшегося в то время Вулфсон колледжа. В 1957 году он был произведен в рыцарское звание и получил титул «сэр». С 1975 года Бéрлин был профессором в Олл-Соулз, а с 1974 по 1978 год – президентом Британской академии наук. Бéрлин неоднократно встречался с Ахматовой, Пастернаком и Бродским, чьи имена также записаны в книгу памяти Оксфорда и Оксфордского университета. Ахматова писала о Бéрлине:

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век.

Яркий портрет философа уже на закате его жизни был запечатлен в мемуарном романе «Сэр» Анатолия Наймана[12]. Один из крупнейших философов XX века, сэр Исайя покоится в еврейской части Вулверкотского кладбища в Оксфорде.

Длительное время в Оксфорде жил, учился и работал Николай Михайлович Зёрнов (1898–1980), церковно-общественный деятель, преподаватель, автор научных статей и книг по истории церкви. Он учился в докторантуре в Кибл колледже с 1929 по 1932 год. Его докторская диссертация была посвящена проблемам единства церкви и воссоединения церквей. Зёрнов вернулся в Оксфорд только после войны, в 1947 году, заняв пост преподавателя православной культуры в университете. В 1966 году, уйдя на пенсию, он получил в Оксфорде почетную степень доктора богословия. Именно с его деятельностью в Оксфорде связано создание Дома св. Григория и св. Макрины (*St. Gregory and St. Macrina House)*, а также строительство православного храма на улице Кентербери в 1973 году. На службу в этот храм приходили и приходят по сей день православные верующие русского, греческого, сербского, грузинского, польского, румынского, английского происхождения. Женой Николая Михайловича была Милица Владимировна Зёрнова (1899–1994), иконописец и автор теологических статей. Супруги похоронены в православной части Вулверкотского кладбища на севере Оксфорда.

С Оксфордом тесно связана история семьи знаменитого поэта, лауреата Нобелевской премии, Бориса Пастернака. Его отец, художник Леонид Осипович Пастернак (1862–1945), поселился в Оксфорде в 1938 году, где жил до конца своих дней. Леонид Осипович, его жена и другие члены семьи похоронены на Вулверкотском кладбище. В Оксфорде существует небольшой частный дом-музей

художника, а внучка Леонида Осиповича, Энн (Лиза) Пастернак-Слейтер, работает преподавателем в колледже Святой Анны в Оксфордском университете.

В 1957 году, после публикации романа «Доктор Живаго» в Италии, советский литературный истэблишмент всячески пытался предотвратить публикацию романа в Англии и выдвижение автора на Нобелевскую премию. Приехавший в Оксфорд на лечение Ф. Панферов (1896–1960), редактор журнала «Октябрь», завязал знакомство с сестрами Пастернака. Он предупреждал о тяжелых последствиях, которые будет иметь для их брата публикация «доктора Живаго» в Великобритании. А как известно, Пастернак постоянно поддерживал переписку со своей сестрой, Лидией Пастернак-Слейтер[13].

В Оксфорде длительное время преподавал русскую филологию Сергей Александрович Коновалов (1899–1982), сын министра промышленности и торговли во Временном правительстве. Он стал создателем журнала «*Oxford Slavonic Papers*». Именно он помог эмигрировать в Великобританию Николаю Бахтину (1894–1950), брату знаменитого литературоведа Михаила Бахтина[14]. В Оксфорде в течение длительного времени училась, жила, преподавала и скончалась Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985). Она была профессором славистики и в последние годы жизни занималась биографией княгини Зинаиды Волконской, побывавшей в Оксфорде в свите царя Александра I в 1814 году[15].

***

В послевоенное время, особенно после смерти Сталина, в Оксфорд начинают приезжать из Советского Союза крупные политики и люди искусства. В апреле 1956 года, практически сразу после своего знаменитого антисталинистского доклада на XX съезде, Англию посетил Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев вместе с председателем Совмина Николаем Булганиным. Английские газеты пестрели заголовками «Би энд Кей визит ЮКей» (*B & K Visit UK*). Советские лидеры были восторженно приняты оксфордским студенчеством, скандировавшим на английском «Бедный дядюшка Джо» (прозвище Сталина), что не слишком понравилось ни Хрущеву, ни Булганину. Хрущев посетил тогда колледж Св. Магдалины, Нью колледж, Бодлеянскую библиотеку и некоторые другие достопримечательности. С визитом Хрущева в Оксфорд связано несколько забавных моментов. Так, при виде часовни в колледже Св. Магдалины Никита Сергеевич поинтересовался, для каких целей колледжу нужна часовня. По его собственным словам, статуя Лазаря (работа Джейкоба Эпштейна), увиденная им в

часовне Нью колледжа, будила его в ночных кошмарах[16]. Хрущев был единственным советским лидером, посетившим Оксфорд. Михаил Горбачев приезжал в Оксфорд уже после распада Советского Союза.

В это время Оксфорд стал награждать почетной докторской степенью не только российских эмигрантов, но и советских деятелей культуры и искусства. Так, после окончания войны этой степенью были награждены: К. Чуковский, Д. Шостакович, А. Ахматова, Д. Лихачев, И. Гельфанд, А. Гершенкрон, М. Ростропович, А. Сахаров, И. Бродский и другие. В общей сложности более 50 русских и советских деятелей удостоились вручения почетной степени Оксфордского университета.

В 1962 году детский писатель, критик, переводчик Корней Иванович Чуковский (1882–1969) приехал в Оксфорд для получения почетной степени. Корней Чуковский прочитал в Оксфорде две лекции на русском и английском языках, посетил множество колледжей и «многодетных семей английских преподавателей», а также прокатился на лодке по реке Айзис маршрутом Льюиса Кэрролла и его Алисы. Писателя позабавила торжественная речь в его честь на латыни, произнесенная в Шелдонианском театре во время вручения степени, где Чуковского именовали «*Kornelius, filius Jogannius*», а его известное стихотворение для детей «Крокодил» – «*Crocodylus*». Оксфордская мантия и шапочка сопровождали гроб писателя во время похорон в Советском Союзе[17].

В 1965 году уже на склоне лет, всего за год до смерти, на получение почетной степени доктора литературы в Оксфорд приехала Анна Андреевна Ахматова (1889 –1966). Ее приезд стал важным событием в литературной жизни Великобритании. Об этом писали и советские газеты. На встречу с Ахматовой приехали представители русской эмиграции: художник Юрий Павлович Анненков (1889–1974), некогда делавший портрет поэтессы, Глеб Струве, Исайя Бéрлин и многие другие. По словам Бéрлина, как и Ахматова приглашенному в Оксфорд на получение почетной степени доктора[18], особый интерес у Анны Андреевны вызвала находящаяся в Мертон колледже «великолепная купель», та самая, упоминавшаяся выше яшмовая ваза, подаренная колледжу Александром I. Забавно, что присуждение поэтессе этой степени казалось чем-то нереальным и ей, и ее родственникам. В период послереволюционной разрухи второй муж Ахматовой с иронией сказал ей: «Когда Вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах». Что ж, история сама расставила все на свои места.

***

Русский след можно найти также и в оксфордских библиотеках, музеях, архивах и картинных галереях, таких как Крайст Черч и Ашмолеан, где хранится значительное собрание русских икон, самые древние и редкие из которых датируются XVI веком. В собрании картин Ашмолейского музея в Оксфорде находится множество гравюр, рисунков и полотен таких русских художников, как Бакст, Серов, Сомов, Бенуа, Добужинский и Пастернак[19]. Хранительницей русского наследия в Ашмолеане, самом известном музее Оксфорда, долгие годы служила Лариса Николаевна Салмина-Хаскелл[20].

В послевоенное время в Оксфорде учился Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (род. 1935), российский аристократ из династии Рюриковичей, уехавший в Англию из социалистической Болгарии в качестве политического беженца[21]. Именно во время учебы в Оксфорде Лобанов-Ростовский увидел в Лондоне выставку российского искусства и решил заняться коллекционированием. Ныне Лобанов-Ростовский – крупный финансист и меценат, сохранивший сотни произведений российского искусства, пожизненный член Союза благотворителей музея Метрополитен в Нью-Йорке, член Совета директоров Международного фонда искусства и просвещения в Вашингтоне, участник Бюро фонда Кирилла и Мефодия в Софии[22].

В 1958 году Н. Лобанов-Ростовский был студентом Оксфорда (фото из архива Лобанова-Ростовского)

Недалеко от Оксфорда проживает дальний родственник Л. Толстого граф Николай Дмитриевич Толстой-Милославский, известный историк и писатель[23].

Новая эпоха в русской жизни Оксфорда наступила после падения «железного занавеса» в конце 80-х. После 1991 года все больше и больше русских и русскоязычных студентов стало прибывать в Оксфорд. Для многих высокая стоимость оксфордского образо-

вания была не по карману – и большинство первых постсоветских студентов были стипендиатами различных фондов и благотворительных организаций. В это же время Оксфорд стал престижным местом для обучения детей крупных российских финансистов и предпринимателей. С приездом «постсоветских» студентов жизнь русской общины Оксфорда, ранее состоявшей преимущественно из представителей эмигрантских кругов, стала более многоликой. Активизировалась деятельность существующего еще со времен князя Юсупова Русского общества Оксфордского университета. Сегодня Общество насчитывает около 900 членов, значительную часть которых составляют россияне. Общество открыто для всех, его рабочими языками являются английский и русский. Среди гостей общества бывают как представители официального Кремля, бизнес-элиты, так и лидеры политической оппозиции.

Сегодня в каждом из оксфордских колледжей без труда можно найти русских и русскоязычных студентов, а также преподавателей из бывшего Советского Союза и эмигрантской России. Бóльшая часть русскоязычных студентов занимается точными науками, экономикой и международными отношениями, в меньшей степени – гуманитарными дисциплинами. По окончании обучения некоторые остаются в Великобритании, в то время как другие предпочитают вернуться и найти свое место в родной стране. Бывшие студенты Оксфордского университета недавно организовали Московское общество – факт, который сам по себе свидетельствует о том, как много российских выпускников Оксфорда возвращается на родину[24]. Однако русское присутствие в Оксфорде, уходящее корнями еще в петровские времена, становится ощутимее, а русская речь все чаще слышна на улицах города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная статья не могла бы быть написана без помощи моих многочисленных оксфордских друзей, коллег и преподавателей: Роберта Эванса, Роджера Хайфилда, Джулиана Рида, Макса Конземиуса, Екатерины Андреевой, Дарьи Протопоповой, Дениса Меньшикова и Никиты Лоика.
2. *Cross A.* Peter the Great through British Eyes; Perceptions and Representations of the Tsar since 1698, Cambridge University Press, 2000, chapter II «Peter in England, January-April 1698».
3. Подробно об истории пребывания россиян в Британии в XVIII веке см.: *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996.

4 Подр. о судьбе этих студентов см.: *Cross A.G.* Russian Students in Eighteenth-Century Oxford (1766—75)//Journal of European Studies. № 5. 1975. *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб.: Академический проект, 1996.

5 *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии/Предисл. Н.П. Барышникова, примеч. А.Б. Лобанова-Ростовского//Русская старина. 1878. Т. 23. № 11. С. 399—440.

6 *Симмонс Дж.* Русские почетные доктора Оксфорда//Энергия. № 8. 2001. С. 36—39.

7 См. также: An Account of the Visit of His Royal Highness the Prince Regent and Their Imperial and Royal Majesties the Emperor of Russia and the King of Prussia to the University of Oxford in June MDCCCXIV. Oxford: Clarendon, 1815.

8 *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах/Письма. Т. 12. Кн. 2. Л., 1967. С. 91; *Чивилев Б.А.* Письма из Парижа. Иван Сергеевич в Оксфорде//Правда (Одесса). № 139. 26.06.1879; Ivan Turgenev and Britain. Ed. Patrick Waddington. Oxford, 1995.

9 Книга «Русский Оксфорд» *(Russian Oxford)* готовится к публикации Русским обществом Оксфордского университета в честь столетнего юбилея Общества (1909—2009).

10 *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары/Пер. с франц. Е. Кассировой. М., 2003.

11 *Набоков В.* Письма к Глебу Струве/Публикация Е.Б. Белодубровского//Звезда. 1999. № 4; *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы/Авт. перевод Г. Лапиной. СПб, 2001.

12 *Найман А.Г.* Сэр//Октябрь. 2000. № 11. См. также: *Мондри Г.* Сэр Исайя Бéрлин (1909–1997)//Русские евреи в Великобритании: статьи, публикации, мемуары и эссе/Ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. С. 14—23.

13 См. о семье Пастернак в Оксфорде: *Зальцберг Э.* Сестры Пастернак//Русские евреи в Великобритании: статьи, публикации, мемуары и эссе/Ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. С. 41–65; *Соколов Б.* Кто вы, доктор Живаго? М., 2006.

14 *Кандыба-Фокскрофт Е.* Памяти ушедших: профессор С.А. Коновалов, 1899–1982// Новый журнал. 1982. № 149. С. 276–279; *Тиханов Г.* Миша и Коля: брат-другой/Пер. с англ. Е. Канищевой и А. Полякова//Независимый филологический журнал. 2002. № 57.

15 *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Оксфорд, Исайя Бéрлин и я (мемуарная заметка)//Русские евреи в Великобритании: статьи, публикации, мемуары и эссе/Ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. С. 36–40.

16 The Rough Guide to Britain. London: The Rough Guide, 2004. P. 295.

17 *Чуковская М.* В жизни и в труде //Воспоминания о Корнее Чуковском/Сост. К.И. Лозовская, З.С. Паперный, Е.Ц. Чуковская. 2-е изд. М., 1983.

18 *Бéрлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг./Пер. А. Наймана//*Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 285. См. также: Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова/Сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб., 2001. С. 76–91; *Анненков Ю.* Последняя встреча//Нева. 1989. № 6. С. 197.

19 Большая их часть была приобретена и передана музею бывшим городским головой города Одессы Михаилом Васильевичем Брайкевичем. (*Прим. ред.*).

20 Лариса Николаевна Салмина-Хаскелл – блокадница, дочь известного военного, внучка офицера, воевавшего в Экспедиционном корпусе во Франции в годы Первой мировой войны. Лариса Николаевна, специалист по эпохе Возрождения, работала в Эрмитаже, а в 1965 году вышла замуж за талантливого искусствоведа Френсиса Хаскелла, кстати,

сына известного балетного критика, подготовившего к изданию книгу воспоминаний Матильды Кшесинской. Именно усилиями Салминой-Хаскелл подготовлен и издан каталог, посвященный русскому собранию Ашмолеана.

21 Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (отец Никиты Дмитриевича) был расстрелян болгарскими органами госбезопасности в 1948 году.

22 *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Оксфорд, Исайя Бéрлин и я (мемуарная заметка)//Русские евреи в Великобритании: статьи, публикации, мемуары и эссе/Ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. С. 36–40.

23 *Tolstoy N.* The Coming of the King. Bantam, 1988; *Tolstoy N.* Victims of Yalta. London, 1977.

24 См. сайт общества: www.russianoxford.ru.

ОЧЕРКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КЕМБРИДЖА: РУССКИЕ УЧЕНЫЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Вячеслав Шестаков

В результате послереволюционной эмиграции немало выдающихся русских ученых и мыслителей оказалось в Оксфорде, Кембридже, Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Эдинбурге, в том числе биохимик Л. Пастернак-Слейтер, физиологи Г. Анреп и Б. Бабкин, энтомолог Б. Уваров, гистолог Н. Кульчицкий, экономисты С. Тюрин и Ю. Павловский, историки П. Виноградов, С. Коновалов, М. Ростовцев, литературные критики Н. Бахтин и Д. Святополк-Мирский, писатель В. Набоков, художники Л. Пастернак, Б. Анреп, Н. Бенуа-Устинова, режиссер Ф. Комиссаржевский. Этот список можно было бы продолжить, если бы не бояться, что наш обзор может превратиться в адресную книгу.

Вынужденные покинуть родину или высланные из России, эмигранты становились сотрудниками и преподавателями английских университетов, а некоторые – студентами. И раньше, на рубеже XIX – начале XX веков многие русские приезжали учиться в Кембридж, однако этот поток усилился в связи с эмиграцией после революции. В это время на учебу в Англию приезжают люди разных сословий, но чаще всего представители русской аристократии. Например, из Германии в Кембридж, в Тринити колледж приезжает учиться барон Анатолий фон Пален, сюда же из Франции приезжает граф Николай Соллогуб, который получает здесь степень бакалавра и магистра. Граф Дмитрий Толстой-Милославский также поступает в Тринити колледж для изучения юриспруденции. Некоторые становились, как Г. Анреп, А. Бесикович, М. Ростовцев и Б. Уваров, членами Лондонского Королевского общества. Однако

большинство русских студентов и преподавателей с трудом сводили концы с концами. Некоторые из них, как Глеб Струве, уезжали в Америку, где преподавание оплачивалось выше. Другие переезжали из города в город в поисках работы и возможности оплатить учебу. Например, Н. Городецкая, впоследствии профессор Ливерпульского университета, зарабатывала на учебу частными уроками и пением в кафе.

В XX веке Кембриджский университет превратился в ведущий международный научный центр в области естественных наук. В это время русская научная мысль сыграла здесь роль катализатора и во многом содействовала расцвету одного из старейших университетов Европы. Об этом свидетельствует, в частности, судьба таких ученых, как А. Бесикович и П. Капица.

Петр Леонидович Капица родился в 1894 году в Кронштадте в семье военного инженера. Английский язык учил в том числе в городе Глазго (Шотландия). В Физико-техническом институте под руководством Йоффе он начал заниматься проблемами магнетизма.

В начале 1921 года советское правительство приняло решение закупить на иностранную валюту научное оборудование. Для этой цели Йоффе и Капица отправились в Англию и в июне того же года посетили Резерфорда в Кембридже. Капица воспользовался случаем, чтобы попросить у Резерфорда разрешения поработать в лаборатории Кавендиша[1]. Резерфорд сначала отказался, ссылаясь на то, что в лаборатории было тесновато. Но Капица проявил находчивость: он спросил, какой процент погрешности допускается в лаборатории Кавендиша при научных исследованиях. «Три процента», – ответил Резерфорд. «Но я также не составляю более трех процентов всего состава лаборатории», – сказал Капица. Восхищенный его находчивостью Резерфорд согласился. В результате в июле Капица приехал в Кембридж, рассчитывая поработать здесь до весны, но его работа затянулась на 13 лет до 1934 года, когда он покинул лабораторию отнюдь не по собственному желанию.

Капица избрал темой своего исследования отклонение α-частиц в магнитном поле и с этого момента имел все возможности для самостоятельной работы. Как пишет Марк Олипант, один из сотрудников лаборатории, «наиболее колоритной фигурой в Кавендише, когда я туда прибыл, был Петр Капица... Он был настолько энергичен, так начинен плодотворными идеями, что очень скоро добился впечатляющего успеха»[2].

Между Капицей и Резерфордом, который руководил лабораторией и был старше Капицы на 23 года, сложились доверительные и неформальные отношения. Капица придумал Резерфорду прозвище, назвав его «Крокодилом», и это прозвище скоро утвердилось

среди сотрудников лаборатории. Существует несколько объяснений тому, откуда оно возникло. Как объяснял сам Капица, в России крокодил связан с чувством благоговейного страха и поклонения. Крокодил имеет негнущийся затылок и не может повернуться назад. «Он движется только вперед с распахнутыми челюстями, и так же движется наука, так движется Резерфорд». Другие ассоциации связаны с приключениями Питера Пена[3], в которых крокодил проглатывает часы, и поэтому все знают о его приближении. В лаборатории все узнавали о приближении Резерфорда по звуку его шагов и голосу. Капица, куривший трубку, успевал ее спрятать, избегая возможного скандала. Так или иначе, но со временем все стали называть Резерфорда «Крокодилом».

При подготовке экспериментов Капице большую техническую помощь оказывал эстонец Эмиль Янович Лаурманн, который был специалистом в работе с электричеством и тонкими приборами. С его помощью ученый провел несколько удачных экспериментов и в результате получил средства для новых исследований. Положение Капицы в Кембридже становилось все более стабильным. В 1923 году он защитил докторскую диссертацию и в том же году получил стипендию Максвелла, которая обеспечила возможность его дальнейшей работы в лаборатории. С 1924 по 1933 год он опубликовал более 20 научных работ в различных физических журналах мира. В 1925 году он получил постоянную работу в Кембриджском университете, а позднее, в 1929 году был избран членом Королевского общества.

Николай Семенов и Петр Капица, 1921 год (фрагмент портрета Кустодиева)

Вместе с Капицей в лаборатории Кавендиша работали выдающиеся ученые. Лаборатория была международным центром по изучению физических проблем и, прежде всего, по расщеплению

атома. Капицу отличала способность к верной и долгой дружбе. Среди англичан, с которыми он дружил, помимо Резерфорда, были физики П. Дирак, Д. Кокрофт, Д. Шенберг. Все они впоследствии побывали у него в гостях в Москве. Капица приглашал российских коллег и учеников на работу в Кембридж. В 1926 году в Кавендишскую лабораторию приезжает работать Юлий Борисович Харитон, будущий руководитель Российского центра по атомной энергии. В том же году Харитон становится членом Тринити колледж в качестве студента-исследователя, а в 1928 году защищает в университете докторскую диссертацию. С 1928 по 1930 год возможность работать в Кавендишской лаборатории получил Кирилл Дмитриевич Синельников, будущий академик из Украины. Он тоже стал студентом-исследователем Тринити колледжа. Первый аспирант Капицы, англичанин, родившийся в Петербурге, – Дэвид Шенберг, защитив докторскую диссертацию в Кембриджском университете, стал в 1947 году директором лаборатории Монда, продолжая исследовать ту же тематику, что и его научный руководитель.

Как отмечал Дэвид Шенберг, Капица «был один из первых, кто начал переводить Кавендишскую лабораторию из века сургуча и веревочки в век машин. Он был зачинателем физики твердого тела и физики низких температур в Кембридже. И последнее, но немаловажное: он начал традицию живого, неформального семинара, получившего название “Клуб Капицы”, внесшего что-то от русского темперамента в более флегматичную английскую жизнь»[4]. Капица имел привычку после завершения рабочего дня пить чай с сотрудниками лаборатории и подводить итоги дня. Постепенно это чаепитие превратилось в семинар, получивший название «Клуб Капицы». В него входили студенты и молодые сотрудники, которые обсуждали любые вопросы, даже те, что не были связаны с физикой.

Капице нравилось преподавать. Он прочитал серию лекций по магнетизму, которые привлекли слушателей, хотя, по признанию некоторых очевидцев, не все в этих лекциях было до конца понятно. Но Капица полагал, что если 95% лекций будет абсолютно понятными, то остальные 5% заинтригуют слушателей и заставят их думать.

Капица обладал чувством юмора, которое отличалось от традиционного английского юмора. Он любил анекдоты, умел хорошо рассказывать истории, любил розыгрыши и был остр на слово. За обедом в Тринити колледже, когда священник спросил его о сидящем напротив астрономе А.С. Эдисоне, Капица ответил – «это астроном, он знает о небесах больше, чем вы». Премьер-министру

Болдуину он не постеснялся сказать: «Верьте нам, мы не обманываем, здесь ученые, а не политики».

Огромным событием в деятельности лаборатории Кавендиша было строительство магнитной лаборатории. О необходимости такой лаборатории Капица стал разговаривать с Резерфордом еще в 1930 году, и Резерфорд обратился к Королевскому обществу с просьбой выделить средства, необходимые для ее строительства[5]. Капица отдавал отчет, что строительство лаборатории – это заслуга Резерфорда, результат его инициативы и организаторского таланта и хотел подчеркнуть это при оформлении здания. Он обратился за помощью к известному художнику и скульптору Эрику Гиллу[6]. По просьбе Капицы Гилл изображает на стене лаборатории Монда рельеф крокодила, выполненный в экспрессионистической манере. Крокодил стоит на задних лапах, подняв вверх раскрытую пасть. Это изображение должно было символизировать Резерфорда. Оно и поныне красуется на стене здания, хотя лаборатория Кавендиша в 1972 году перебралась в другое, более просторное помещение. Этот рельеф – ироничное и символическое изображение Резерфорда – был принят университетской общественностью. По-иному обстояло дело с другим рельефом, изображавшим Резерфорда в профиль. Эрик Гилл не стремился к точному, фотографическому изображению ученого, и неожиданно этот портрет вызвал острую дискуссию. Некоторые влиятельные в университете персоны, в том числе физик Ф. Астон, утверждали, что портрет не похож на оригинал. Более того, они утверждали, что Эрик Гилл изобразил Резерфорда с «еврейским носом», что было отзвуком тогдашних антисемитских настроений в Германии. Характерно, что сам Резерфорд не был против рельефа Гилла. Ученый пошутил, сказав, что если он выглядит таким образом, то его имя должно быть не Резерфорд, а «Резермонд», обыгрывая имя спонсора лаборатории – Монда.

Страсти разгорелись не на шутку. Наиболее консервативные члены университета требовали, чтобы портрет Резерфорда был снят. В этих обстоятельствах Капица должен был проявить все свои дипломатические способности, чтобы спасти произведение Эрика Гилла. Капица послал Нильсу Бору в Копенгаген фотографию рельефа и объяснил в письме ситуацию, которая создалась вокруг работы Гилла. В ответ Бор написал, что портрет кажется ему «чрезвычайно глубокомысленным и сильным». В результате рельеф остался на месте. Капица признавался, что и не надеялся, что сможет заставить некоторых влиятельных людей в университете думать по-новому, но гордился тем, что ему удалось спасти произведение искусства. Только благодаря Капице рельеф не был снят

и не затерялся навсегда. Эта история свидетельствует о непримиримости Капицы ко всякого рода консерватизму, где бы ученый с ним не сталкивался. В письме к матери, описывая историю с портретом Резерфорда, Капица отмечает: «Забавный народ англичане – то, что я построил модернистское здание среди старинной готики и ее подражаний, им очень понравилось, а то, что я *модернисто* изобразил Резерфорда, их бесит».

Работая в Кембридже, Капица несколько раз приезжал в Россию и вновь возвращался в лабораторию. В 1934 году он приехал в Москву на конференцию, посвященную Менделееву. Когда он собрался возвращаться в Кембридж, то ему сообщили, что он должен остаться и работать в Москве. Иными словами, Капице больше не позволялось вернуться на работу в Кембридж и вообще выезжать за границу.

Знаменитый «Крокодил» Эрика Гилла на стене оксфордской лаборатории

Научный мир был потрясен. 9 апреля 1934 года в газете «Таймс» появилась статья Резерфорда, который писал: «И хотя никто не оспаривает законного права Советских властей претендовать на услуги профессора Капицы, их внезапная акция по реквизиции этих услуг, без всякого предварительного уведомления, потрясла университет и весь научный мир. Капице даже не было позволено вернуться в Англию для обсуждения с руководством университета и Королевским обществом вопросов, касающихся дальнейшей работы лаборатории, директором которой он является.

Не нужно большого воображения, чтобы понять, насколько мучительно для профессора Капицы его нынешнее положение: в Кембридже его ждали решающие эксперименты, которые он так долго готовил и от которых с полным основанием ожидал результатов, способных пролить новый свет на свойства материи... Можем ли мы надеяться, что Советское правительство, столько раз уже доказывавшее свою заинтересованность в развитии науки, будет проводить великодушную и дальновидную политику и найдет возможным пойти навстречу желаниям ученых не только Великобритании, но и всего мира, предоставив Капице самому выбирать среду, в которой он полнее всего реализует творческие задатки, которыми одарила его природа?».

Однако никакие письма Резерфорда и других английских ученых в защиту свободы Капицы не помогли. Мнения самого ученого никто не спрашивал. Новая лаборатория, директором которой он должен был стать, новое, дорогостоящее оборудование, которое он годами доставал, люди, с которыми он работал, наконец, дом, который он построил для своей семьи, и двое сыновей – все осталось в Кембридже. То, как работал и жил Капица в СССР, – это уже другая история, которая выходит за пределы данной статьи.

Только после смерти Сталина, в хрущевскую оттепель Капица вновь приехал в Кембридж в 1966 году для получения памятной медали Резерфорда в институте физики. Капица рассказал о своей поездке в статье «Тридцать два года спустя», и лучше всего послушать его самого: «Говорить об Англии трудно, потому что это страна не совсем обычная. Только прожив в ней, как я, 13 лет, можно действительно понять, что это совсем необычная страна... Эта страна примечательна своим внешним консерватизмом и внутреннней прогрессивностью». В этой статье он писал, что за 32 года в Кембридже ничего не изменилось, и даже его университетская мантия осталась висеть на своем месте в гардеробе Тринити колледж. По приезде в Кембридж, он «сразу же пошел в Кавендишскую лабораторию, посмотрел, что там делается. Надо сказать, что эта лаборатория вместе с Мондовской перестали быть центром физики в Англии»[7], – заключил он. В 1974 году Капица был избран почетным членом Черчилль колледжа. А в 1978 году он был награжден Нобелевской премией за работы по физике низких температур.

В Кембридже жива память о Петре Капице. Напоминанием о нем остается крокодил на стене бывшей магнитной лаборатории, директором которой он был назначен, но так и не смог ею руководить. У этого изображения Резерфорда обычно останавливаются группы туристов, которым объясняют, почему хищное животное

стало символом великого ученого. Сохранился «Дом Капицы» за номером 173 по Хантингдон роуд. Он был построен в 1929 году по проекту архитектора Х. Хьюза, который спроектировал и лабораторию Монда. Сюда – в это двухэтажное строение с большим фруктовым садом – семья переехала со съемной квартиры, здесь родился младший сын Капицы Андрей, ныне профессор МГУ. После вынужденного отъезда Капицы в Россию этот дом пришлось «подарить» Академии наук, поскольку советским людям не разрешалось иметь собственность за границей. Дом был заброшен и опустошен. Остались только два стула, подаренные Капице Резерфордом. Когда я впервые побывал в Кембридже, мне сказали, как найти дом Капицы: надо идти вдоль по Хантигдон роуд и первый же заросший и неухоженный дом будет домом Капицы. Так оказалось на самом деле, дом выделялся своей заброшенностью. Сегодня за домом следят сыновья Петра Капицы – Андрей и Сергей, которые привели дом в порядок, хотя юридически это здание до сих пор принадлежит Академии наук.

Петр Капица в Англии

Память о русском ученом, его вкладе в развитие физической науки сохранилась в Кембридже. Англичане вспоминают о Капице как о необычайно энергичном, обаятельном человеке. Он, очевидно, обладал талантом привлекать к себе людей, заставлять их думать, искать новые идеи и новые решения. Об этом свидетельствуют многочисленные издания книг о Капице, написанные русскими и английскими учеными и историками[8]. Как заметил Дэвид Шенберг, Капица был и остается легендой Кембриджа.

Драматична и любопытна биография другого выдающегося ученого из России, математика Абрама Самойловича Бесиковича (1891–1970). Он родился в Бердянске, в семье караимов, где помимо него было еще трое сыновей и две дочери. Его отец был ювелиром, но после того, как их магазин был ограблен, отказался от торговли драгоценностями и служил кассиром. Отец дал всем своим детям прекрасное образование, все они окончили Петербургский университет. Один из братьев стал математиком и автором книг по математике, другой – доктором медицины.

Абрам был младшим сыном в семье. Он рано проявил математические способности, еще в детстве он увлекался решением математических задач. В 1912 году он окончил Петербургский университет и опубликовал свою первую статью по теории ве-

роятности. В 1916 году в городе Пермь открылось отделение Петербургского университета, и Бесикович получил должность профессора математики. Новый университет стал быстро развиваться, и здесь стал печататься журнал по физике и математике. В 1920 году Бесикович вернулся в Петербург, ставший теперь Петроградом, и стал преподавать математику в университете и в Педагогическом институте. В первые послереволюционные годы студенты не имели достаточных школьных знаний и с трудом понимали лекции математика. Тем не менее молодой профессор не отказывался от своих обязанностей.

Математик Абрам Бесикович (1891–1970)

В начале 20-х годов Бесикович послал документы на получение Рокфеллеровской стипендии для учебы за границей, но, не дожидаясь ответа фонда, советская власть отказала молодому ученому в выезде за границу. Тогда Бесикович решился на бегство из страны. Вместе со своим коллегой, математиком Ю. Тамаркиным они ночью перешли финскую границу[9]. В конце 1924 года Бесикович оказался в Копенгагене, где Рокфеллеровский фонд предоставил ему возможность поработать один год с датским ученым, специалистом по периодическим функциям Гаральдом Бором. Когда стипендия закончилась, надо было искать новое место работы. В 1925 году Бесикович приехал на несколько месяцев в Оксфорд, где встретился с математиком Г. Харди, который, распознав в Бесиковиче незаурядный математический талант, рекомендовал его в университет Ливерпуля. Бесикович работал там в 1926–27 годах, а затем приехал в Кембридж и остался здесь на всю жизнь. Сначала он получил должность университетского лектора, а с 1930 года открытый для многих иностранцев Тринити колледж избрал его своим феллоу (старшим членом колледжа). С этим колледжем была связана вся жизнь Бесиковича в Кембридже.

Абрам Бесикович был талантливым математиком и не менее талантливым преподавателем. О его лекциях в Кембридже до сих пор существуют легенды. Он задавал свом студентам парадоксальные задачи, требуя их решения математическим путем. Например, задача такого рода: «В закрытом цирке с одинаковой скоростью движутся голодный лев и христианин, которые обладают одинаковой максимальной скоростью. Какую тактику нужно избрать христиа-

нину, чтобы лев его не поймал? И как нужно двигаться льву, чтобы позавтракать?» Бесикович вычислял путь, по которому лев никогда не поймает христианина, хотя они будут в непосредственной близости. Бесикович предпочитал общаться со своими студентами не только на лекциях, но и на прогулках. У него было много аспирантов и учеников, некоторые из которых стали известными учеными. Среди них был, например, Герман Бонди, выдающийся математик и физик. Он рассказывал о Бесиковиче в своей автобиографической

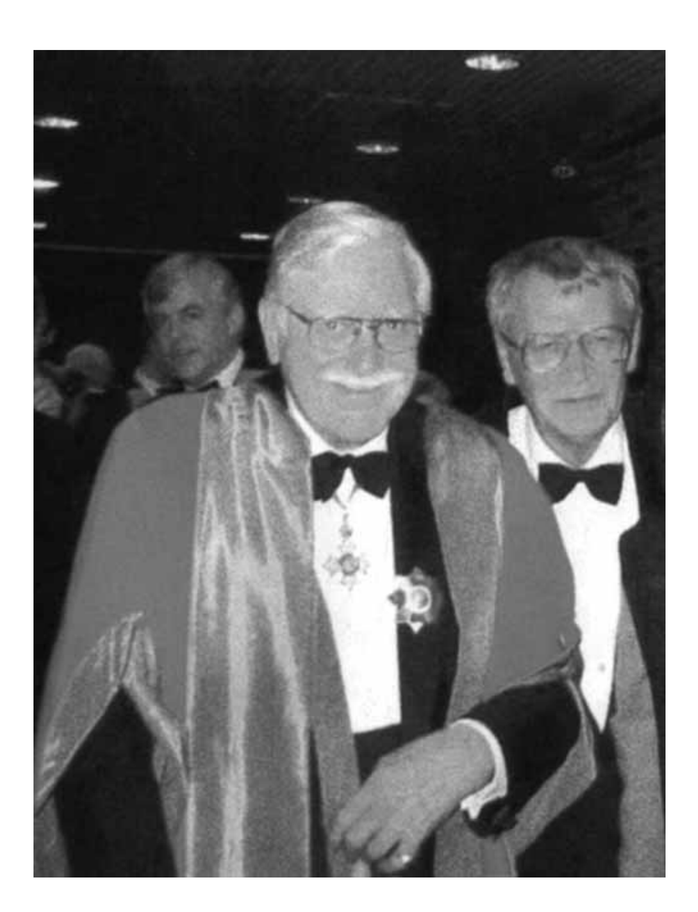

Тринити колледж и сегодня выглядит также, как на этой открытке конца XIX века

книге «Наука, Черчилль и я». Черчиллем Бонди, естественно, называет не сэра Уинстона, а колледж его имени. В этой живой и эмоциональной книге Бонди удалось передать духовную атмосферу довоенного и послевоенного Кембриджа.

Когда в 1937 году 18-летним юношей Герман Бонди прибыл из Вены в Кембридж и поступил в Тринити колледж, вступительные экзамены у него принимал Бесикович, который произвел на

юношу большое впечатление своими знаниями и нестандартным стилем преподавания. Бонди признавался, что «индивидуальный подход руководителя давал значительно больше, чем лекции, решение примеров – больше, чем чтение учебников, а открытие теорем было более увлекательным, чем знакомство с уже готовыми теоремами»[10]. Бонди вспоминает, что сначала не мог ответить ни на один из вопросов знаменитого математика, но через несколько месяцев вновь пришел к Бесиковичу и с успехом ответил на все его вопросы. В конце концов Бесикович, как рассказывает Бонди, сказал: «Я вижу, вы все хорошо знаете, давайте покончим с этим, и я вам лучше расскажу о своих приключениях в революционной России». Герман Бонди с большим уважением относился к своему учителю и писал о нем: «В своих лекциях <...> он вежливо и без всякого злорадства приводил аргументы студентов к абсурдным выводам, чтобы показать, что решения оказываются, порой, иными, чем предполагалось <...> В результате все, кто учился у него, становились настоящими математиками, и никто из них не забывал его лекций и его личности. В то время его английский был весьма своеобразным, в нем полностью отсутствовали артикли. Но Бесикович умел прекрасно общаться и учить, несмотря на несовешенство его языка».

Автор статьи и профессор Кейнс в Кембридже

Бесикович регулярно читал курсы по математике, которые были популярными, но он не избавился (да он и не стремился к этому) от русского акцента. Бонди вспоминает, что леции Бесиковича в шутку называли «*Basic English*», пародируя имя Бесиковича и его необыч-

ный английский язык. Некоторые из студентов посмеивались над тем, как говорил Бесикович, но при всех недостатках этот язык был понятен. На это Бесикович однажды сказал: «Джентльмены, 50 миллионов англичан говорят по-английски так, как говорите вы, но 500 миллионов русских говорят по-английски так, как говорю я». Ничто не убеждает математиков так, как цифры. Смешки прекратились...

Абрам Бесикович написал большое количество статей и книгу по теории периодических функций (1950), которая явилась результатом его работы с Бором. Ученый получал награды за вклад в развитие математики и был избран членом Королевского общества (1934). После выхода в отставку в 1958 году Бесикович совершает несколько поездок в США и с успехом читает лекции в ряде университетов. Но каждый раз он возвращается в Кембридж, который стал его родным домом.

«Насколько я помню, в Кембридже всегда присутствовали русские, которые придавали университету особую атмосферу», – так говорил в своих воспоминаниях профессор Ричард Кейнс, праправнук Чарльза Дарвина и племянник известного экономиста Джона Кейнса. Он записал по моей просьбе свои воспоминания в 2003 году и разрешил опубликовать их. Ричард Кейнс встречался с некоторыми из тех русских, которых до сих пор вспоминают в Кембридже. Прежде всего, это русская балерина Лидия Лопокова[11], на которой дядя Ричарда, экономист Джон Мейнард Кейнс женился в 1925 году. Через несколько лет после смерти мужа, последовавшей в 1946 году, она переехала из Кембриджа в Сассекс. Ричард Кейнс постоянно навещал ее там, до самой ее смерти в 1981 году. Лидия была окружена в Кембридже широким кругом близких друзей, которые получали удовольствие от ее откровенных и остроумных замечаний, касающихся не только театральных и художественных предметов, но других тем. Хотя в ее своеобразном английском языке было много ошибок, ее комментарии всегда обладали очарованием.

Мейнард Кейнс, вероятно, не был близко знаком с русским физиком Петром Капицей, но Ричард Кейнс вспоминает несколько курьезное письмо дяди к Лидии: «Сегодня в полдень я видел атом. Меня привели в лабораторию Кавендиша, в которой физики производят удивительные опыты, и двое из них сопровождали меня и рассказывали об этих опытах. Было очень интересно. Один из этих двух – молодой русский по имени Петр Капица. У него замечательное оборудование и мне показалось, что он очень умный».

Ричард Кейнс встречался и с Абрамом Самойловичем Бесиковичем. Он вспоминал взволнованную речь Бесиковича в 1949 году

на собрании членов Тринити колледжа. Математик выступил в защиту лип, когда кто-то из молодых членов колледжа предложил их пересадить. Он всегда очень заботился о состоянии парка в колледже, и в течении всего военного времени, когда было мало садовников, его можно было видеть, помогающим стричь траву с помощью маленькой ручной косилки. Характерно было и то, что после своей смерти в 1970 году математик завещал часть своего состояния тем, кто убирал его комнату в колледже.

В 1938 году, будучи студентом, Кейнс встретил в Тринити колледже еще одного русского – Дмитрия Дмитриевича Оболенского, который получил образование отчасти во Франции, отчасти в Англии. В отличии от многих русских, с которыми встречался Кейнс, Оболенский говорил на прекрасном английском языке, без всяких ошибок. Дмитрий Оболенский был ведущим специалистом в области средневековой истории. Деятельность Оболенского была связана как с Кембриджем, так и с Оксфордом: после блестящего окончания университета он короткое время преподавал русский язык и литературу в Кембридже, но в 1950 году ему предложили преподавательское место в Оксфорде, где он получил должность и звание профессора. Кейнс с удовольствием вспоминал, что в 1991 году кембриджский Тринити колледж сделал Оболенского своим почетным феллоу (старшим членом колледжа). По словам Кейнса: «Нет необходимости напоминать о том выдающемся вкладе, который эти русские внесли в кембриджскую науку. Их всех в моей памяти объединяет исключительное дружелюбие и личное очарование. Я надеюсь, что в будущем еще встречу подобных людей, представляющих Россию». 90-летний юбилей профессора Ричарда Кейнса праздновался в Черчилль колледже в 2009 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Лаборатория Кавендиша была основана в 1871 году на средства канцлера университета, землевладельца и промышленника Уилльяма Кавендиша, графа Девонширского. В 1918 году лабораторию Кавендиша возглавил Эрнест Резерфорд. «Лаборатория Кавендиша, – пишет Джеффри Хьюдж, – (....) приобрела в XX веке международную репутацию как лучшее место для преподавания и исследования в области физики. За последние сто лет здесь произведены самые новейшие научные работы, включая открытие электрона (1897), протона (1920), нейтрона (1932), изотопов в световых элементах (1919), искусственное расщепление атома (1932), выяснение структуры ДНК (1953) и открытие пульсаров (1967). С учреждения Нобелевской премии в 1901 году, около

двадцати физиков, работавших в лаборатории Кавендиша, стали ее лауреатами. Среди них Д. Томсон в 1906 году, Эрнест Резерфорд в 1908, У. Брегг в 1915, Ф. Астон в 1922, Джеймс Чедвик в 1935, И. Апплетон в 1947, П. Блескетт в 1948, Крик и Уотсон в 1962, Хевиш и Райл в 1974, Петр Капица в 1978 году. Действительно, престиж и слава лаборатории Кавендиша позволяет назвать ее «рассадником гениев».

2 *Oliphant M.* Rutherford. Recollections of the Cambridge Days. Amsterdam. London. New York. 1972. P. 90–91

3 Питер Пен – персонаж нескольких книг Дж. Барри.

4 Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах, М. 1998. С. 73.

5 Сумма в размере 150 тыс. фунтов была получена из средств, подаренных Королевскому обществу индустриальным магнатом Людвигом Мондом, и поэтому магнитная лаборатория получила название лаборатории Монда.

6 Эрик Гилл известен, прежде всего, как график. Однако художественное образование он получил как скульптор у Эдварда Джонстона в Центральной школе искусств. В известной мере Гилл был продолжателем Уильяма Морриса. Темы, почерпнутые из средневекового искусства, составляли главный интерес его графических работ по дереву. Это сцены из жизни Иисуса Христа, картины библейской истории. Большое место в его графике занимают эмблемы и символы. Эти работы, выполненные в черно-белой манере, отличались выразительной, четкой линией, простотой и лаконизмом раннехристианского искусства. Из его скульптурных работ известно «Установление креста» в Вестминстерском соборе.

7 Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 100–102.

8 *Boag J. W., Rubinin P. E., Shoeneberg D.* Kapitza in Cambridge and Moscow. North-Holland-Amsterdam-Oxford-New York. 1990; *Badash L.* Kapitza, Rutherford and the Kremlin. New Haven and London, 1985.

9 Позднее Тамаркин натурализовался в США.

10 *Bondi H.* Science, Churchill and Me. Oxford, 1990. P. 17.

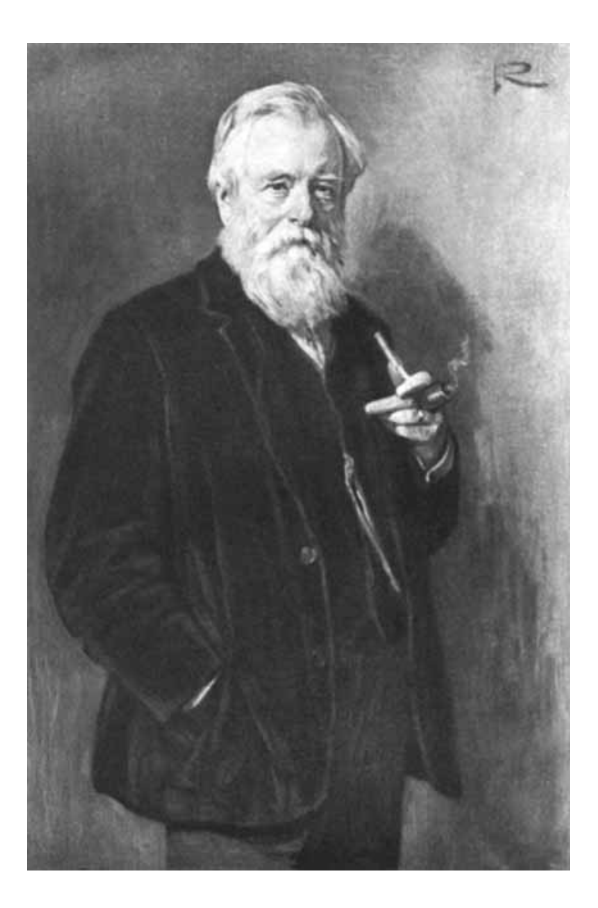
11 Известная русская балерина Лидия Лопухова, будучи артисткой дягилевской труппы, стала использовать другое имя, которое придумал ей в 1914 году Сергей Дягилев, – Лопокова. Очевидно, ее фамилия плохо произносилась и транскрибировалась на французском и английском языке. *(Прим. ред.)*

ОТЗВУКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА НА БЕРЕГАХ ТАЙНА

Дэвид Сондерс

Через четыре дня после Кровавого воскресенья[1] на берегу реки Тайн в северо-восточной Англии, в западном округе Ньюкасла «у входа на Элсуикские заводы со стороны Уотер стрит в обеденный перерыв состоялся митинг рабочих <...> протестующих против бойни в Санкт-Петербурге»[2]. Представители и привилегированных, и непривилегированных слоев населения сходились на том, что русскую революцию 1905 года необходимо продолжать. Большинство откликов на берегах реки Тайн на северо-востоке Англии (и в Великобритании в целом) принадлежало либо либералам (в том числе Роберту Спенсу Уотсону и его Обществу друзей российской свободы), либо социалистам (таким как рабочие Чарльз Флинн и Генрих Маттеус Фишер). Различия в этих откликах отражали многообразие взглядов в самой России и в Западной Европе. И Роберт Спенс Уотсон, старый либерал, и Чарльз Флинн, сторонник Независимой рабочей партии, боролись за падение царского режима, но придерживались разных мнений о том, что должно прийти ему на смену. А русский немецкого происхождения Генрих Маттеус Фишер (Матвей Фишер) – человек еще более левых, чем Флинн, взглядов – ради скорейших перемен в России выступал за еще более решительные методы. В целом складывалось впечатление, что северо-восточная Англия готова в очередной раз оказать такую же горячую поддержку иностранному освободительному движению, которую Великобритания проявляла во время греческого движения за независимость в 1820-х годах, борьбы венгров с Австрией в 1848–1849 годах, попыток объединения Италии в 1850–1860-х и восстания сербов и болгар против турок в середине 1870-х годов.

В XIX веке британцы испытывали глубочайшую антипатию к царскому режиму в России. В основе враждебности лежали два фактора: соперничество Британии с Российской империей и идеологическая несовместимость российской и британской политических систем. Это соперничество уходит своими корнями по меньшей мере к «вооруженному нейтралитету» Екатерины Великой 1780 года. Хотя Англия и Россия сражались на одной стороне во время наполеоновских войн, после 1815 года оба государства почти непрерывно пребывали во враждебных или натянутых отношениях. Их соперничество было особенно заметным на Балканах и в Центральной Азии. Одновременно предметом соперничества стал еще и Китай: Великобритания заключила в 1902 году союз с Японией, в частности, для того, чтобы иметь бастион, охраняющий ее восточные интересы от посягательств со стороны России. Когда в начале 1904 года разразилась русско-японская война, англо-российские отношения заметно ухудшились и совсем испортились после того, как русский флот 21 октября того же года обстрелял британские траулеры в Северном море у Доггер-Банки[3].

Роберт Спенс Уотсон (1837–1911) (портрет опубликован в книге П. Кордера «Жизнь Роберта Спенса Уотсона», Лондон, 1914)

Геополитические трения двух стран усиливали их идеологическую антипатию. Британские обозреватели XIX века делали упор на фундаментальную непримиримость российской и британской политических систем, считая первую агрессивной, а последнюю – терпимой и уступчивой. Рассказы изгнанников из царских земель как будто подтверждали их выводы. Официальные британские лица полагали, что право жителей Британских островов на свободу слова распространяется также и на не-британцев, находящихся в стране. Например,

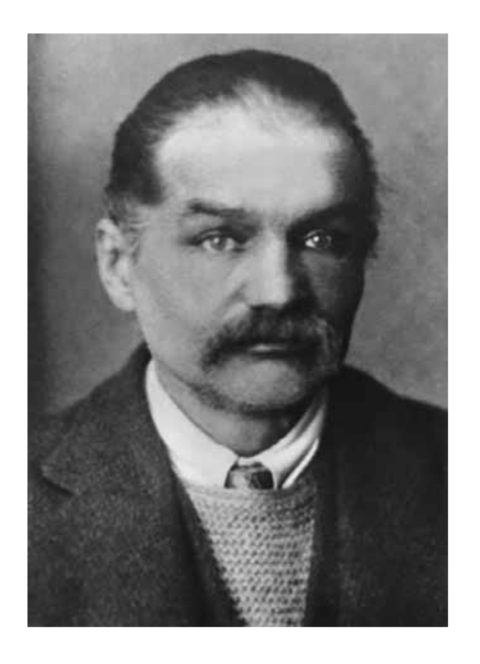
в январе 1897 года Уругвай обратился в британское министерство иностранных дел с запросом: как оно относится к «анархистской» деятельности в пределах Великобритании. Чиновник из министерства ответил, что «быть анархистом – по английским законам не преступление, как не преступление – придерживаться любой другой теории по социальным или политическим вопросам»[4].

В то время, когда революционные движения, похоже, крепли не только в Российской империи, но и во многих частях Европы, отношение британцев к правам иностранцев на британской земле стало для царского режима малоприемлемым. Совместно с другими европейскими континентальными державами Россия еще до 1905 года пыталась добиться международных соглашений по контролю за революционной деятельностью. Однако, когда она пыталась заручиться согласием Британии, та не спешила с ответом. Во время римской антианархистской конференции 1898 года лорд Солсбери, британский премьер-министр (1895–1902), так выразил отношение своей страны к революционным движениям: «Наша, а возможно, и другие страны с крайним неодобрением отнесутся к любой попытке устранить угрозу анархистских заговоров путем покушения на свободу остальной части общества»[5].

Два года спустя, после убийства итальянского короля Умберто, чиновник британского МИДа отмечал, что российское правительство пытается убедить другие правительства «ввести наказание за приверженность анархистским учениям даже в тех случаях, когда те не подстрекают к преступлениям». «Подобное законодательство, – пишет он дальше, – по мнению лорда Солсбери, совершенно невозможно в Великобритании»[6]. Когда Германия и Россия в мае 1904 года пригласили Великобританию подписать международный «Секретный протокол» по преступлениям анархистов, британский комиссар полиции выдвинул многочисленные возражения. Британская полицейская система, заявил он, слишком децентрализована, чтобы позволить создание некоего Центрального бюро, предусматриваемого протоколом; Британия не может ввести у себя политический надзор наподобие того, что существует на континенте, поскольку у нее нет внутренней паспортной системы; британская полиция не имеет полномочий для «домашних обысков»; сведения о революционерах она может добыть лишь с помощью осведомителей, которые не станут ей помогать, если будут знать, что добытая ими информация передается в другие страны. Министр иностранных дел уведомил обо всем этом русского посла[7]. В ноябре 1906 года Великобритания отклонила просьбу санкт-петербургской полиции установить прямые связи с аналогичным учреждением в Лондоне, вместо существовавших связей через

российское посольство в Британии: «Опрометчивый полицейский способен поставить нас в крайне неудобное положение»[8].

Жители берегов Тайна разделяли общие британские настроения. По словам Фишера, местные рабочие – его соратники – были «неплохо осведомлены о состоянии дел в России». По их рассказам, источником их сведений послужила «агитация, которую Петр Кропоткин в свое время проводил по всей Англии» и что в этой агитации «князю-анархисту» помогал некто Роберт Коуэн. Соединив фамилию богатого владельца газеты, радикального деятеля из Ньюкасла Джозефа Коуэна с именем Роберта Спенса Уотсона, Фишер неумышленно признает, что эти два человека организовали не меньше пяти выступлений Кропоткина в Ньюкасле в конце XIX века[9].

Генрих Маттеус Фишер (Матвей Фишер) (1871–1935) (снимок приблизительно 1922 года из РГАСПИ)

Разные слои британского общества в начале XX столетия выступали как безусловные противники деспотического царизма. Но у этой медали имелась и другая сторона. С 1880-х годов в Британии росла озабоченность размахом иммиграции из Российской империи[10]. Хотя Особый отдел (британская политическая полиция) появился в конце XIX века для борьбы с ирландской подрывной деятельностью, вскоре он начал интересоваться политическими активистами других направлений. В 1897–1898 годах политическая полиция сыграла ключевую роль в аресте в Лондоне Владимира Бурцева и суде над ним[11].

Хотя официально Британия продолжала утверждать, что люди не могут оказаться в английском суде лишь за свои убеждения, некоторые ответственные лица готовы были пересмотреть эту либеральную политику. В 1898 году, через месяц после заявления лорда Солсбери о невозможности урезать свободу британского народа с целью «устранить угрозу анархистских заговоров», чиновник из министерства внутренних дел высказался по поводу дела Бурцева в том смысле, что этот процесс не уникален: «Не стоит ли напомнить МИДу, – отмечал он, – что английские законы позволяют выносить приговор подсудимым, которые участвовали в заговорах и подстрекали к убийствам за границей, как из политических, так и из иных

побуждений, что этот закон применяется без всяких колебаний, и что недавно был осужден и приговорен к заключению российский экстремист, в нарушение этого закона издававший газету для распространения за границей»[12]. Несмотря на то, что в 1904 году британский комиссар полиции возражал против участия Великобритании в антианархистском «Секретном протоколе», «в то же самое время правительство Его Величества дало понять, что окажет все возможное содействие предполагаемому соглашению и что столичная полиция взяла на себя обязательство уведомлять об отбытии за границу опасных анархистов и старается получать максимальную достоверную информацию о планирующихся преступлениях за рубежом с целью передачи этой информации соответствующим иностранным властям»[13]. Именно Лондон, а не Санкт-Петербург, выступил главным инициатором длительных переговоров, которые в итоге привели к созданию англо-российской Антанты в 1907 году[14]. Очевидно, «официальная» Англия была не так уж единодушна в своей оппозиции Российской империи.

Признаки британской симпатии к царскому режиму в пору революции 1905 года заметны не только среди английских должностных лиц. Хотя большинство британских журналистов, освещавших жизнь в России, – Гарольд Уильямс, Бернард Пэрс, Роберт Уилтон – как правило, поддерживали движение за реформы, сэр Дональд Маккензи Уоллес, самый выдающийся из их числа, полагал, «что в революционный период 1905–1907 годов действия царского режима были оправданными»[15].

Однако Роберт Спенс Уотсон продолжал выступать за коренные перемены в России. После ареста Бурцева в Лондоне в 1897 году он писал министру внутренних дел от партии тори сэру М. У. Ридли, предупреждая о негативных последствиях того, что «документы, попавшие в руки английской полиции, будут переданы ею российской полиции»[16]. Шесть лет спустя он по-прежнему возмущался тем, что британские власти «фактически наказали [Бурцева] за то, что он подстрекал русских убить своего царя»[17]. Тогда же он обращал внимание на «невероятный Билль об иностранцах, представленный в Палату общин», который «дает госсекретарю почти абсолютную власть над свободой, а практически и над жизнью политических изгнанников». Он полагал, что «ни одного человека нельзя наделять такой властью»[18]. Он с еще большим, чем прежде, рвением занялся этой проблемой и в лице юного Дэвида Соскиса нашел нового и энергичного редактора «Свободной России» – журнала Общества друзей российской свободы, председателем которого являлся[19]. Так, в конце октября 1905 года он отправил Соскису длинное письмо о кровопролитии в Баку[20].

Спенс Уотсон, вероятно, был самым заметным либералом с Тайна из тех, кто высказывался в это время по российским вопросам, но он был не одинок. Социализм становился заметным явлением на берегах Тайна. Хотя северо-восточная Англия превратилась в оплот лейборизма лишь после Первой мировой войны[21], ветер перемен ощущался вовсю. Через год на всеобщих парламентских выборах победу в Ньюкасле одержит лейборист, а «Кроникл» – главная ежедневная газета Ньюкасла – в течение всего 1905 года уделяла самое пристальное внимание возможности демократических реформ в России[22]. Пиком либеральных откликов на русскую революцию стал на Тайне, вероятно, митинг в поддержку российских евреев, состоявшийся 22 ноября 1905 года в Ловейн-Холле в центральной части Ньюкасла.

Современная фотография дома 113 по Хамстед Роуд в Ньюкасле, где Фишер жил в 1906–1907 годах (предоставлена автором статьи)

Интересно, что об этом митинге критически отозвался Маттеус Фишер. Несколько слов об этом человеке[23]: Матвей Фишер работал слесарем в Петербурге в первой половине 1890-х годов. Там он стал социал-демократом, познакомился с Лениным. Был выслан из России в 1901 году и осел в Ньюкасле, где работал на заводе в течение следующих 12 лет. Фишер принял британское подданство, но вернулся в Россию в конце Гражданской войны. Следует упомянуть, что второй сын Матвея Фишера, англичанин немецко-русского происхождения, стал знаменитым советским разведчиком Рудольфом Абелем.

По мнению Фишера, недовольство либералов было недостаточным ответом на события 1905 года в России. Он готов был включить в свои методы борьбы «организованное и вооруженное сопротивление». Петербургское Кровавое воскресенье словно наэлектризова-

ло Фишера. Кроме выступления на элсуикском митинге, он собирал деньги для российских забастовщиков. Он покупал конверты и марки, чтобы пересылать в Россию журналы Ленина «Вперед» и «Пролетарий». С целью сбора денег он нередко выступал на митингах своего профсоюза – Объединенного общества инженеров. Он принимал русских эмигрантов, приезжавших в Ньюкасл, и с удовлетворением узнал, что большевики собираются провести съезд в Лондоне. Совместно с группой единомышленников из числа русских, обосновавшихся в Ньюкасле, Фишер основал официальную ячейку большевистской фракции РСДРП. Он лично организовал митинг в поддержку российских евреев при Ньюкаслском социалистическом институте и устроил приезд из Лондона помощника Ленина Николая Алексеева, который выступил на этом митинге. Он вел агитацию среди матросов русских кораблей «Ермак» и «Смоленск», стоявших на ремонте в доке на Тайне, и, по его собственным словам, на втором из них добился большего успеха[24]. Хотя Фишер порой действовал вполне в духе Спенса Уотсона, он был готов прибегнуть к более решительным действиям, не ограничиваясь выступлениями, митингами, сбором денег и распространением литературы. В середине 1906 года он лично участвовал в переправке в Российскую империю оружия и боеприпасов.

Спенс Уотсон, будучи квакером, в принципе отвергал насильственные методы. В письме Дэвиду Соскису сразу же после Кровавого воскресенья он говорил: «Я являюсь председателем Общества мира и не могу участвовать в покупке оружия и подобных вещах». Три дня спустя он писал: «Может быть, вы ... намереваетесь создать фонд для закупок, так сказать, “военных материалов”. Очень сильно сомневаюсь, чтобы подобный фонд получил серьезную поддержку. Вполне может быть, что в него внесут деньги богатые люди, придерживающиеся иного, чем мой, взгляда на этот вопрос; но вам придется искать их самому, я таких людей не знаю»[25].

Разумеется, в 1905 году Фишер не был единственным в Англии, кто полагал, что настало время бороться с царским режимом силовыми методами. И его единомышленники находились не только среди русских изгнанников: поздней зимой 1904 года некий бизнесмен С. Дж. Гобсон начал переправлять в Ригу револьверы в бочонках с жиром от имени эсера Николая Чайковского. Когда адресат в Риге неожиданно замолчал, Гобсон даже отправился в прибалтийские провинции, действуя именем Чайковского, чтобы узнать, что случилось. По возвращении «детектив из Скотланд-Ярда» предупредил его, что лорд Лэнсдаун, британский министр иностранных дел, получил относительно него письмо от российского генерального консула. «Очевидно, – рассказывал Гобсон, – моя безумная и голо-

вокружительная карьера торговца оружием и экспортера жира подошла к бесславному концу»[26].

Однако контрабанда оружия на этом вовсе не прекратилась. Англия оставалась подходящим пунктом для отправки оружия, ибо в конечном счете британские власти больше заботились о прибылях английских оружейников, чем о внутренней безопасности Российской империи. Пусть они остудили рвение Гобсона, но не реагировали на требования российских дипломатов о более систематическом вмешательстве в деятельность британского оружейного бизнеса, когда она касалась России. В конце января 1906 года Сергей Сазонов писал из посольства России в Лондоне сэру Эдуарду Грею, новому британскому министру иностранных дел в либеральном правительстве, указывая, что Дания сотрудничает с Санкт-Петербургом в попытках последнего пресечь ввоз оружия в польские, прибалтийские и финские провинции империи. Но Грей оказался менее склонен к сотрудничеству, чем датчане. Все, что он готов был сделать, – это опубликовать в «Лондон Газетт» ноту по поводу действий русского правительства. По мнению Грея, «обстоятельства дела не оправдывают наложения правительством Его Величества запрета на вывоз оружия и боеприпасов из нашей страны». Когда Сазонов написал ему во второй раз, британские власти затратили больше усилий для оправдания своей позиции. МИД завел переписку с министерством внутренних дел, а оно – с таможенным управлением. Таможенные власти полагали, что британские экспортеры после запрета поставлять оружие в Россию будут отправлять свой товар через промежуточные порты. Чиновник из министерства внутренних дел привел экономические причины отказать требованиям России. «Трудно предсказывать, – писал он, – какое влияние на торговлю взрывчатыми веществами окажут подобные меры [запрет, которого добивался Санкт-Петербург]. Однако я, если будет позволено, могу сослаться на похожий случай, когда очень значительная торговля взрывчатыми веществами была совершенно уничтожена из уважения к требованию иностранного правительства, – и эту торговлю немедленно перехватила и *взяла в свои руки* другая европейская держава, отказавшаяся прислушаться к этим требованиям». В конце 1906-го и в 1907 году Великобритания отказалась удовлетворить российское требование применять к нелегальным торговцам оружием экстрадицию согласно англо-российскому договору об экстрадиции 1886 года[27].

Берега Тайна представляли собой особенно удобное место для осуществления тайной доставки оружия в Российскую империю. Безусловно, этот регион был весьма заинтересован в торговле оружием, поскольку самый знаменитый в XIX веке местный производи-

тель оружия, лорд Армстронг (основатель Элсуикских заводов, где выступал Чарльз Флинн), был своего рода «английским Круппом»[28]. На многочисленных угольных рудниках широко применялась взрывчатка, поэтому для местных жителей она практически была предметом ежедневного обихода. Из портов северо-восточной Англии регулярно отправлялись корабли в Прибалтику. А вот полицейский надзор в этом регионе был минимальным, поскольку британское правительство предпочитало не следить за деятельностью «анархистов» за пределами столицы, считая, что большинство подозрительных лиц «проживало в столичном округе». «За немногими исключениями, – писал британский чиновник, – они иностранцы, и находят в столице условия для пользования родным языком и общения с друзьями и соотечественниками, которых нет в других местах»[29].

Два рассказа Фишера о том, как он перевозил оружие, в целом сводятся к следующему. По просьбе латыша по имени Альфред Нагель, который нашел Фишера через газету британской Социал-демократической федерации, он согласился организовать переправку оружия и боеприпасов в Российскую империю. Фишеру помогали британские социалисты. Доставку груза осуществляли латыши-кочегары на кораблях, курсировавших между северо-восточной Англией и Прибалтикой. Эта цепочка работала несколько месяцев, пока британская полиция не перехватила партию оружия в Сандерленде, а затем и письмо Нагеля, которое привело ее к Фишеру в Ньюкасл. В Сандерленде, Ньюкасле, Эдинбурге и Глазго прошли судебные процессы, но сам Фишер не был осужден, поскольку у него дома оружия не нашли, а Нагель скрылся. Британские архивы и газеты дают более ясное, чем мемуары Фишера, представление о налаженных им в 1906–1907 годах связях в северо-восточной Англии и Шотландии, с помощью которых он мог предпринять более энергичные шаги для воздействия на царский режим, чем те, на которые был готов Роберт Спенс Уотсон.

Очевидно, весь диапазон мнений о России в северо-восточной Англии (и Шотландии) отнюдь не сводился к политкорректности либералов-центристов. Английских граждан, попавших в результате деятельности Фишера под суд в Сандерленде и Ньюкасле, защищал адвокат Эдвард Кларк, который вполне разделял их убеждения. А на слушании того же дела в городе Глазго один из свидетелей Ричард Норкросс Таэрс (адвокат по профессии) дал показания, сводившиеся к тому, что хоть он и был официальным британским торговым агентом гамбургского производителя оружия, поставлявшего товар для данного кружка, но не видел в этой деятельности ничего предосудительного[30]. Таким образом, создается впечатление, что

идея о необходимости прямых действий против русского режима получала поддержку во многих слоях тайнского общества[31].

Фишер не утратил интереса к русскому революционному движению после того, как попался на оружейной контрабанде в середине 1907 года. Когда закончились суды над его товарищами в Ньюкасле, он отправился в Лондон, на Пятый съезд РСДРП. Там он беседовал с Лениным по поводу британской политики и обсуждал возможность вернуться в Россию. Судя по всему, часть боеприпасов, которые он переправлял в 1906–1907 годах, была обнаружена на пляже у Блита в северо-восточной Англии в августе 1914 года, и все, естественно, решили, что они припасены для германского вторжения[32]. Что касается других героев нашей статьи, то Роберт Спенс Уотсон оставался врагом царизма до самой смерти в 1911 году, обвиняя царя в применении «грубой силы». По призыву Кропоткина Уотсон откликнулся на арест Николая Чайковского в России. Латыши продолжали действовать в Англии; русский посол в Лондоне был вынужден писать о них в 1907 и 1908 годах в английский МИД. Они совершили ограбление в Тоттенхеме в 1909 году, а в декабре 1910-го – налет на ювелирный магазин, который закончился знаменитой «осадой на Сидни-Стрит» в Лондоне[33]. Возможно, что латвийский знакомец Фишера Альфред Нагель в конце концов предложил свои услуги британской контрразведке, так как латыш, носивший такое имя, был арестован за шпионаж в Москве в 1924 году и казнен в следующем году[34].

Однако еще большее значение для нас имеют политические - течения, представителями которых выступали Спенс Уотсон и Маттеус Фишер. В своем видении будущего России мировоззрение Спенса Уотсона совпадало с идеями русских кадетов, а Фишер представлял собой большевика с эсеровскими замашками. Таким образом, многообразие политических идеологий в Великобритании в начале XX века перекликалось с расстановкой политических сил в России в это же время[35].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Расстрел массовой мирной демонстрации 9 (22) января 1905 года. *(Прим. ред.)*

2 Evening Chronicle (Newcastle), 26 January1905.

3 Британские документы об инциденте на Доггер-Банке см.: *Gooch G.P.* and *Temperley H.* (eds.). British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (11 vols in 13, London, 1928–36). Vol. 4. P. 5–41. Об истоках недоверия Британии к России см.: *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and

Opinion (Cambridge, MA, 1950). Об англо-российских отношениях в Центральной Азии и Китае в конце XIX и начале XX вв. см.: *Keith N.* Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia 1894–1917. Oxford. 1995. P. 178–264.

4 London, National Archives (Public Record Office), HO144/545/A55176.

5 HO45/10254/X36450, sub-file 31, Salisbury to F. R. St John, 12 October 1898 (copy).

6 Ibid., sub. 116.

7 HO144/757/118516, sub. 1, 3, 15.

8 Ibid., sub. 47, 51.

9 *Фишер А.* В России и в Англии: наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890–1921 гг.). М., 1922. С. 57. Впервые Кропоткин выступал в Ньюкасле по приглашению Джозефа Коуэна в 1882 году (*Saunders D.* Tyneside and the Making of the Russian Revolution//Northern History. Vol. 21. 1985. P. 267). В 1886–1896 годах он четыре раза выступал в основанном Спенсом Уотсоном Тайнсайдском обществе воскресных лекций (Tyneside Sunday Lecture Society, Annual Report (1916–17) [Newcastle upon Tyne, 1917], p. 13–14, 17).

10 *Garrard J. A.* The English and Immigration 1880–1910. London, 1971. P. 23–27.

11 *Porter B.* The Origins of the Vigilant State: The London Metropolitan Police Special Branch Before the First World War. London, 1987. P. 116.

12 HO45/10254/X36450, sub. 58 (23 November 1898).

13 HO144/757/118516.

14 Neilson, Britain and the Last Tsar. P. 237, 267.

15 *Harrison W.* Mackenzie Wallace's View of the Russian Revolution of 1905–1907//Oxford Slavonic Papers, New Series. Vol. 4. 1971. P. 82; см. также: *Harrison.* The British Press and the Russian Revolution of 1905–1907//Oxford Slavonic Papers, New Series. Vol. 7. 1974. P. 75–95.

16 HO144/272/A59222B, sub. 2, Spence Watson to Sir Matthew White Ridley, Bensham, 17 December 1897.

17 *Watson R. S.* England as the Refuge of the Oppressed//Free Russia. Vol. 15. № 7–9. 1904. P. 70.

18 Ibid.

19 Соскис сменил Феликса Волховского на посту редактора «Свободной России» 2 июня 1904 г. («Free Russia». Vol. 15. 1904. №. 6. P. 68).

20 HLRO, SH/DS/1/Box 10/Wat, item 18, Spence Watson to Soskice, Bensham, 24 October 1905 (опубликовано: «Free Russia». Vol. 16 1905. № 11. P. 110–111).

21 McCord and Thompson, The Northern Counties, p. 339.

22 В число передовиц «Кроникл» за 1905 год, посвященных России, входят *«The Russian People»* (2 мая), *«The Baku Horrors»* (8 сентября), *«The Tsar and Peace»* (20 сентября), *«The Russian Revolution»* (30 октября и 31 октября), «*A Free Russia*» (1 ноября), «*The Russian Atrocities*» (22 ноября) и «*The State of Russia*» (21 декабря и 29 декабря).

23 *Saunders D.* A Russian Rebel Revisited: The Individuality of Heinrich Matthäus Fischer (1871–1935)//Slavonic and East European Review. Vol. 82. 2004.

24 Большая часть сведений в этом абзаце почерпнута из писем Фишера 1905 года в Комитет заграничной организации большевиков, см.: Переписка В.И. Ленина... Т. 1. Кн. 1. С. 108–109, 161–162, 203–205; Т. 2. Кн. 2. С. 253; Т. 3. Кн. 1. С. 6, 101, 296–297. Письмо Алексеева к Н.К. Крупской, в котором он описывает свой визит в Ньюкасл, см. там же: Т. 3. Кн. 2. С. 287–289. Свидетельство об официальном признании большевиками нью-

каслской ячейки Фишера см.: Пролетарий. № 8. 1905. 4/17 июля. О митинге, организованном Фишером в поддержку российских евреев при Ньюкаслском социалистическом институте и пребывании «Ермака» и «Смоленска» на Тайне, см.: Newcastle Daily Chronicle, 28 августа, 23 октября, 11 ноября 1905. См. также: *Фишер Г.* В России... С. 71–73, 88–89.

25 HLRO, SH/DS/1/Box 10/Wat/items 7 and 8, Spence Watson to Soskice, Newcastle, 24 and 27 January 1905.

26 *Hobson S.G.* Pilgrim to the Left: Memoirs of a Modern Revolutionist. London, 1938. P. 126–128. Гобсона и Чайковского, возможно, финансировал Акаши, японский военный атташе в Стокгольме; его официальный отчет о подрывной деятельности во время Русско-японской войны, написан почти в то же время.

27 HO45/10349/147444.

28 *McNeill W. H.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Forces, and Society since A.D.1000. Chicago. 1982. P. 238, 262–263, 271.

29 HO144/757/118516, sub. 3.

30 «Richard Norcross Tyres, Summerhill, Newcastle-on-Tyne... said he was the representative in this country of Max Rahm, who carried on business in Hamburg and Algiers. On July 1, 1906, witness was appointed agent for the sale of cartridges in this country for that firm» (*«Glasgow Herald»*. 10 июля 1907. С. 13).

31 *«Evening Chronicle»* (Newcastle), 1 мая 1907; *«Glasgow Herald»*, 10 июля 1907.

32 *«Newcastle Daily Chronicle»*, 24 August 1914. Последние слушания по делу 1907 г. о контрабанде оружия в Ньюкасле состоялись 9 мая, в четверг. Четыре дня спустя лондонская «Таймс» сообщала о «прибытии российских социалистов в Англию с целью проведения партийного съезда». Рассказ Фишера о его пребывании на Пятом съезде см.: В России... С. 91–92; Об Ильиче//Старый большевик. 1930. № 1. С. 124–125.

33 FO371/326, ff. 172–90; *Rumbelow D.* The Houndsditch Murders and the Siege of Sidney Street. London. 1988 [1st published 1973]).

34 Первая боевая организация... С. 207, сн. 3; *King D.* Ordinary Citizens: The Victims of Stalin. London, 2003. P. 26.

35 Более полно изложенные события описаны в: *Сондер Д.* «Русская революция 1905 года на берегах Тайна»//Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 3. М.: Модест Колеров, 2006. С. 108–27.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ[1]

Светлана Зверева

Идея «расширения православной церкви и церковной церемонии» за пределами России ради «вящия славы российския» сопровождала отечественную историю с петровских времен. Возникновение греко-российской церкви в Лондоне восходит к началу XVIII века, а русские церковные песнопения в британской столице, по всей видимости, впервые зазвучали в 1739 году, когда по распоряжению Св. Синода в Лондон прибыли иеромонах Иоанн Ястрембский и два дьячка-студента Московской славяно-греко-латинской академии Алексей Каминский-Парчикалов и Стефан Ивановский[2].

Именно на дьячков (в то время их называли церковниками, позже – псаломщиками) и возлагалась обязанность пения и чтения за богослужениями. Дьячки, как правило, выбирались из числа студентов духовных учебных заведений. Однако были и исключения, например, появившийся в Лондоне в 1769 году певчий Придворной капеллы Василий Базилевич и приехавший вслед за ним его товарищ Федор Григорьевский. Псаломщик заграничного храма должен был обладать «потребными качествами» и «хорошим поведением», быть по преимуществу холостым, а если женатым, то не иметь родни[3]. Именно с дьячками было связано русское церковное пение в британской столице вплоть до конца XIX века. Эти скромные церковные труженики в одиночку пели за всеми богослужениями, выполняли многие другие поручения, получали нищенские оклады и порой весьма плачевно оканчивали свои дни.

В 1867 году в Лондоне освятили вновь построенный русский храм Успения Божией Матери, спроектированный в «византийском» стиле. Он был весьма небольшим по размерам[4] и предназначался для духовного окормления служащих посольства, сотрудников правительственных и торговых агентств, а также временно проживавших в Англии русских, среди которых были весьма высокопоставленные особы. Приведем строки из письма, полученного настоятелем Смирновым в июне 1913 года: «В четверг на этой неделе прибывает в Лондон великая княгиня Елисавета Феодоровна. В удовлетворение желания Ея Императорского Высочества, никакой официальной встречи со стороны посольства сделано не будет, но Ея Высочеству благоугодно иметь список богослужений, которые имеют быть совершены в Посольской церкви во время пребывания Ея здесь. Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Высокопреподобия, позволю себе утруждать Вас покорнейшею просьбою благоволить доставить желаемый список для представления Ея Императорскому Высочеству. Первый секретарь посольства В. Томановский»[5].

Появление в храме квартета певцов явилось следствием визита одного из таких титулованных богомольцев. В июне 1893 года посольскую церковь посетил наследник цесаревич Николай Александрович, который нашел положение дел «невероятным», о чем и писал обер-прокурору Св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву: «В ней дряхлый дьякон, сиплый псаломщик и нет хора. При ней нужно образовать небольшой хор певчих и сменить дьякона и псаломщика»[6]. После такой жалобы обер-прокурор потребовал от настоятеля самым пристальным образом следить за благолепием церковных служб.

Отметим, что в период правления Александра III и Николая II внимание властей к устроению церковной жизни за пределами России было особо пристальным. Победоносцев лично следил за постройкой заграничных храмов и организацией церковных учебных заведений, за назначением священнослужителей, за поставкой утвари и богослужебных книг, за переводом последних на местные языки и т.д.[7] Эта забота распространялась и на церковное пение, которое, как известно, в предреволюционные десятилетия не без поддержки властей переживало яркий расцвет[8].

Необходимо пояснить, что хоровое пение – самый общедоступный и укорененный в широких слоях русского общества вид музицирования – в эпоху «западной ориентации» отечественной культуры переживало серьезный кризис. В течение XIX столетия, по мере усиления национальных настроений, это искусство становится все более и более престижным видом музыкальной деятельности. Хор начинает рассматриваться как «оркестр» человеческих голосов,

способный воплощать самый широкий спектр художественных задач, и привлекает внимание крупных композиторов. Чайковский, Римский-Корсаков, Танеев, Рахманинов, Кастальский, Гречанинов чрезвычайно обогатили хоровой репертуар, как церковный, так и светский. Выступления хоровых коллективов, некогда выполнявших лишь прикладную роль в оперных спектаклях, церковных богослужениях, общественных церемониях, становятся таким же обычным явлением, как и концерты оркестров.

Интенсивность хоровой жизни в России и высокий исполнительский уровень многих хоров не могли не сказаться на состоянии хорового пения в российских диаспорах. В известном смысле улучшение певческих дел в лондонском храме в 1897 году стало отблеском тех ярких событий, которые освещали художественный небосвод России.

***

Итак, через четыре года после жалобы наследника-цесаревича (с 1896 года – российского императора Николая II) на клиросе русского храма в Лондоне начал петь первый квартет певчих в составе В. Соколова, К. Фаминского, Ф. Волковского и Е. Афонского. Все они были кандидатами богословия, выпускниками Петербургской духовной академии, которым с 1 января 1898 года из казны отпускалось на содержание 6000 рублей ежегодно[9]. Певчие долго на своих местах не задерживались: в 1899 году выбыли Орлов и Афонский, и в 1902 году им на замену были присланы два других выпускника Петербургской духовной академии – В. Ярцев и В. Тимофеев. Но уже в 1908 году Ярцев уехал из Лондона, а на его место прибыл из Франции недавний выпускник Пензенской духовной семинарии, ученик известного регента А. Касторского псаломщик В. Феокритов[10]. По всей видимости, служба в посольском храме была довольно обременительной: на четырех человек возлагалось пение за всеми богослужениями и требами. Во всяком случае известно, что двое из клирошан, приступивших к службе в 1897 году, – баритон Тимофеев и 2-й тенор Волковский – после пятнадцати лет исполнения своих обязанностей лишились голосов.

Однако чаще всего уход певцов с клироса был связан с новыми назначениями – зачастую в псаломщики, после чего начиналось дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Так, упомянутый выше Владимир Феокритов через три года покинул Лондон, став псаломщиком церкви императорского посольства в Париже. Обладавший красивым басом, он в 1914 году был произведен в дьяконы и вновь послан в лондонский храм. Круг обязанностей отца Владимира простирался еще шире: определением Св. Синода от 10/26 ав-

густа 1916 года он был назначен представителем центрального комитета по делам епархиальных свечных заводов при Хозяйственном управлении Синода, а в 1917 году – членом Русско-Британской торговой палаты.

Многочисленные письма протоиерея Евгения Смирнова показывают, что он предельно внимательно относился к назначению причетников в свой храм. Например, запрашивая 7 марта 1914 года в Петербурге нового дьякона, отец Евгений писал митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию: «Считаю своим долгом почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство соблаговолить милостиво определить к Лондонской посольской церкви новым дьяконом человека молодого, обладающего хорошим басовым голосом, имеющего симпатичную наружность и владеющего приличными манерами, так как наши богослужения постоянно посещаются, с одной стороны, Ея Величеством Государынею Императрицею Мариею Феодоровной и другими особами Императорской фамилии, и, с другой, духовными и светскими представителями англиканства, знакомящимися с нашими богослужениями, обрядностью и вообще с религиозностью ввиду все более и более назревающего вопроса о сближении церквей»[11]. Упомянутая в письме о. Евгения императрица Мария Феодоровна посещала богослужения в посольском храме и приглашала его причт во дворец для совершения треб.

Таким образом, в 1910-е годы отец настоятель взял в свои руки контроль за назначением к нему в храм певчих. При этом на первое место он ставил хороший голос кандидата, хотя внешность и манеры также играли не последнюю роль. В документах имеются упоминания о том, что настоятель просил певчих заручиться характеристиками от известных петербургских регентов – А. Архангельского или И. Тернова, а не только рекомендациями церковного начальства.

В 1912 году о. Евгений заполучил в хор обладавшего прекрасным басом П. Одинцова – бывшего певчего хора А. Архангельского. Одинцов не имел законченного семинарского образования: он вышел из пятого класса Вологодской семинарии в епархиальное ведомство, а затем отбывал воинскую повинность в лейб-гвардии Семеновском полку, откуда был уволен в запас в звании прапорщика.

Годом позже в Лондон приехал певчий Б. Выдра. Сын почтового чиновника Черниговской губернии, он дошел до шестого класса Стародубской уездной гимназии и в 1902 году был определен почтово-телеграфным служащим в Кременчуг, затем служил в том же ведомстве в Полтаве и Екатеринбургской губернии. Обладая великолепным тенором, в 1906 году Выдра поступил в класс пения Петербургской консерватории. Проучившись четыре года и не закончив курса, он с 1907 года стал певчим в хоре А. Архангельского, а затем его помощ-

ником в должности регента. Одновременно с Выдрой о месте певчего в Лондоне ходатайствовал выпускник Петербургской духовной академии В. Хотьковский, получивший хорошую характеристику от петербургского митрополита. В конце концов выбор настоятеля Смирнова пал на Выдру – опытного певца и регента.

О том, каков был репертуар квартета лондонского храма, можно лишь догадываться. Вероятно, в нем преобладали сочинения композиторов «петербургской школы» (Бортнянского, Турчанинова, Львова, Бахметева, Архангельского и др.), к которым привыкла великосветская знать, посещавшая богослужения в Петербурге с участием Придворной певческой капеллы. Ноты, по которым до революции пели в лондонской православной церкви, нами пока не обнаружены, как и известия о концертах, которые бы квартет храма давал перед публикой. По всей видимости, задачи певчих были сугубо богослужебными.

В 1913 году в журнале «Церковная правда», выпускавшемся в Берлине, была помещена статья, из которой следовало, что квартет лондонского храма в сравнении с клиросами других русских заграничных церквей был весьма необычным явлением [12]. Дело в том, что содержание за казенный счет певцов из России, даже при низких окладах, было обременительным для казны. Русские же заграничные диаспоры далеко не всегда имели возможность обеспечивать храмы певчими. Поэтому весьма распространенной практикой стало пение в русских церквах нерусских музыкантов – зачастую не православных, не знавших русского языка и не читавших кириллицу. Для таких певчих регент был вынужден транскрибировать текст в нотах латинскими буквами[13].

Известно, что в России церковные хоры поддерживались меценатами. Подобные прецеденты случались и за границей. Примечательный случай произошел в США, где благотворителем выступил американский промышленник, дипломат и филантроп Ч. Р. Крейн, неоднократно посещавший Россию и страстно увлекшийся народным и церковным пением[14]. В 1911 году по инициативе Крейна и на его средства из Москвы в Нью-Йорк прибыли регент Иван Горохов и шесть певцов. Дополненный местными православными мальчиками, этот хор не только пел во время богослужений в посольском храме, но и широко концертировал, создавая «славу Православной Церкви Русской и всему Русскому хоровому искусству» [15]. Деятельность хора стимулировала интерес американцев к русскому православию и ее искусству, в том числе и со стороны издательств, стремившихся удовлетворить возникший спрос на ноты[16].

Нужно отметить, что пристрастие слушателей, исполнителей и издателей к духовной музыке было частью общего интереса к рус-

ской музыке на Западе[17]. В Великобритании интерес к православию и его искусству развивался в русле тесных взаимоотношений между Русской православной и Англиканской церквами. Именно в разгар православно-англиканского диалога, в 1901 году, лондонской фирмой «Новелло энд Ко» (*Novello & Co*) и была опубликована первая русская православная композиция – сочинение Чайковского «Блажени яже избрал». Годом позже та же фирма издала кондак «Со святыми упокой». Именно он был выбран для исполнения на похоронах королевы Виктории в 1901 году и затем, вместе с икосом «Сам Един», вошел в сборник гимнов англиканской Церкви (*English Hymnal*)[18]. Переводчиком текстов песнопений на английский язык и инициатором их публикации стал английский аристократ Уильям Джон Биркбек – ревностный приверженец идеи объединения православных и англикан[19]. Биркбек проникся этой идеей в 1888 году, когда в роли полномочного представителя архиепископа Кентерберийского посетил Россию по случаю торжеств, посвященных 900-летию крещения Руси. В последующие годы он совершил множество путешествий в Россию, объездил самые отдаленные ее губернии, посетил крупнейшие монастыри Синодальной церкви, а также старообрядческие центры. Узы дружбы связывали его с царской семьей, К. Победоносцевым, св. Иоанном Кронштадским. О своих поездках в Россию, о русских контактах, а также о своем видении православия Биркбек подробно рассказывал на страницах печати и в докладах на церковных конгрессах, посылал отчеты архиепископу Кентерберийскому. В 1895 и 1912 годах он читал курсы лекций о русской церкви в Оксфорде, а в 1914–1916 годах – в Кембридже. Поддерживал он отношения и с настоятелем русской церкви в Лондоне о. Евгением Смирновым[20].

Уильям Джон Биркбек (1859–1916)

Во время поездок в Россию Биркбек изучал ее историю и современную жизнь, культуру и церковную музыку. В последнем ему помогал большой знаток музыкальной старины С. Смоленский[21]. Результаты своих изысканий Биркбек изложил в опубликованном впоследствии пространном докладе, посвященном древней и новой русской церков-

ной музыке, который он прочел в 1891 году на заседании Музыкального общества в Лондоне[22]. Эта публикация стала самым первым печатным изданием на английском языке, посвященным данной теме.

В деле распространения в Великобритании знаний о русской музыке очень активно проявил себя и другой житель британских островов – шотландский органист и хоровой дирижер Арчибальд Мартин Хендерсон. Он увлекся русской церковной музыкой в молодые годы в православной церкви Парижа, где учился у пианиста Пуньо и органиста Ш. Видора. Посещение России и знакомство с пением знаменитого Синодального хора на богослужениях в Успенском соборе Московского Кремля привели к тому, что Хендерсон стал рьяным приверженцем Нового направления в духовной композиции, провозгласившем опору на русское церковно-музыкальное наследие. В это направление входили А. Кастальский, С. Рахманинов, А. Гречанинов, А. Никольский и другие композиторы. Хендерсон полагал, что их музыка была «настолько ярко характерна, настолько национальна, настолько своеобразна, что не могла быть написанной нигде, как только в России»[23]. Особенно импонировало ему духовно-музыкальное творчество А. Никольского, которого он считал одним из самых оригинальных авторов Нового направления.

Church Music by Russian Composers
Edited by A. M. HENDERSON
(Organist to the University of Glasgow).

The numbers already issued from the press, or in course of completion, are comprised in the following, but other examples are under preparation, and will shortly be issued:

No.	Title	Price	Composer
1076	Our Father which art in Heaven, -		*Tschaikowsky*
	God of Mercy, - - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1205	Hear, Lord our God, have mercy, -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1207	O blest are they, - - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1210	Holy, Blessed Trinity, - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1212	To Thee we call, - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1213	From all that dwell, - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1214	Come, O blessed Lord, - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1217	Lord, I cry unto Thee, - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1222	To Thee, O Lord, do I lift up, -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1223	I believe in one God, - - -	Staff, 3d.: Sol-fa, 1d.	*Tschaikowsky*
1224	The Lord's Prayer, - - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1225	Praise the Lord from the Heavens, -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1226	We praise Thee, - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1227	Hymn of the Cherubim, - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1229	Glory to God the Father, - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Rachmaninoff*
1230	To Thee, O Lord, do I lift up, -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Kalinnikoff*
1233	Lord, I cry unto Thee, - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Kalinnikoff*
1234	Come and let us return, - - -		*Kalinnikoff*
	O loving Saviour, - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Kalinnikoff*
1235	Rejoice in the Lord, - - - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Balakireff*
1236	We worship Thee, - - - -	Staff, 2d.; Sol-fa, 1d.	*Kalinnikoff*
1238	I will love Thee, O Lord, - -	Staff, 3d.; Sol-fa, 1d.	*Kalinnikoff*

BAYLEY & FERGUSON: LONDON: 2 Great Marlborough Street. — GLASGOW: 54 Queen Street. —

Каталог изданий Мартина Хендерсона

Увлечение русской музыкой повлекло за собой интенсивное изучение русского языка, и уже к 1915 году, благодаря усилиям Хендерсона, шотландская фирма Бэйли энд Фергюсон (*Bayley & Ferguson*), основанная в Глазго в 1884 году, издала целый ряд русских духовно-музыкальных произведений. В течение 1915–1917 годов, если опираться на каталог изданий, хранящихся в Британской библиотеке, было выпущено по меньшей мере 22 хора следующих композиторов: Вик. Калинникова, Чайковского, Рахманинова, Балакирева, Гречанинова, Ипполитова-Иванова, Никольского, Римского-Корсакова.

Работа Хендерсона, помимо организации изданий, заключалась в подтекстовке песнопений старинными текстами из англиканских богослужений, а также в редактировании нот. Будучи долгие годы органистом и руководителем хора церкви университета Глазго, Хендерсон исполнял за богослужениями в этом храме, а также в концертах русскую духовную музыку. После 1917 года он сосредоточил усилия на издании светских произведений, однако время от времени публиковал и сочинения духовные, например, в 1930–50-е годы, песнопения Гречанинова и Рахманинова. С последним, кстати, Хендерсон был хорошо знаком, состоял в личной переписке и со временем написал о нем воспоминания[24]. Русские духовно-музыкальные ноты, изданные в Глазго, были переизданы в Нью-Йорке фирмой-партнером Фишер энд Бразэ (*Fischer & Brother*).

***

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для жителей Британских островов, в том числе для русской диаспоры, представители которой приняли участие в военных действиях. Так, с началом войны в Россию уехал певчий-бас Павел Одинцов, который вскоре погиб на фронте. После его отъезда настоятель храма о. Евгений Смирнов долгие месяцы тщетно пытался получить ему замену: «Ныне пение у нас до такой степени плохо, – писал отец Евгений в посольство, – что им недовольны абсолютно все наши богомольцы. Его Высочество великий Князь Михаил Михайлович после богослужения в Новый год изволил сказать: “Противно ходить в церковь, пение в ней отвратительное”. Оно, действительно, отвратительное, а иначе и быть не может, так как на место выбывшего у нас баса (Павла Одинцова) мы не можем получить баса вот уже 15 месяцев, а помимо сего из оставшихся трех певчих двое – Фока Волковский, прослуживший у нас 18 лет, и Василий Тимофеев, прослуживший 15 лет, – почти совсем лишились голосов. Требовать от них хорошего пения абсолютно невозможно; по безголосию своему они дать его положительно не в силах»[25].

Однако русскую церковь в Лондоне ждали еще более трудные времена. Октябрьская революция повлекла за собой кризис всех сфер церковной жизни не только в России, но и за ее пределами. Трудно найти какой-либо заграничный храм, которого бы не коснулись последствия российских событий, в частности, прекращение синодального финансирования, церковные смуты. Из-за нехватки средств резко сократилось количество старых, некогда входивших в штат певчих, которые были вынуждены искать светскую работу. В то же самое время храмы наполнялись священнослужителями и хористами из числа многочисленных беженцев.

По сведениям о. Евгения, в Лондон и окрестности в результате Первой мировой войны, революции и Гражданской войны прибыло большое количество жителей бывшей Российской империи, многие из которых потеряли свои состояния и находились в бедственном положении. Маленький посольский храм не мог вместить всех желающих попасть на богослужения. Церковь потеряла посольский статус, и вокруг нее образовался приход, учрежденный решением общего собрания в октябре 1919 года. Лондонская церковь некоторое время продолжала существовать за счет ежемесячной помощи британского правительства в размере 100 фунтов стерлингов. Этой суммы не хватало для содержания церковного здания и шести причетников (протоиерея Смирнова, дьякона Феокритова, псаломщиков Веселовского и Тимофеева, певчих Волковского и Выдры), которые оказались на грани нищеты. Осенью 1919 года лондонской церкви было предложено сократить штаты, что вызвало резкий протест настоятеля, писавшего поверенному в делах России в Англии Е. Саблину:

«В ответ на запрос относительно содержания телеграммы из Омска[26] о предположенном сокращении штатов посольских церквей за границей, настоятель Лондонской посольской церкви совместно с приходским организационным комитетом полагал бы необходимым ходатайствовать о сохранении в прежнем размере отпускаемых сумм на содержание храма и духовенства при нем по следующим основаниям:

1. Образующийся ныне приход при Лондонской посольской церкви является еще зарождающимся учреждением, которому потребуется время на то, чтобы окрепнуть и развиться, средств у него в распоряжении еще нет, и могут они явиться только впоследствии, по мере развития и укрепления духовной жизни прихода; в настоящее же время приход содержать храм на свои средства еще не может.

2. При всем этом, однако, численность прихожан храма, чрезвычайно увеличившаяся с 1914 года с прибытием беженцев из России, все продолжает расти, и наличного состава причта часто уже оказывается недостаточно для удовлетворения церковных и духовных

потребностей прихожан; число богослужений и требоисполнений возросло; при этих условиях сокращение причта вредно отзовется как на храме, на благолепии служения, так и на прихожанах, объединяющихся ныне в приход» [27].

В ноябре 1920 года финансирование церкви полностью прекратилось. Пытавшийся изыскать средства настоятель о. Евгений Смирнов в 1921 году писал в Объединенный совет Красного Креста и русских благотворительных учреждений в Великобритании, что русская церковь терпит бедствие. В результате приход не сумел оплатить аренду храма и потерял церковное здание, переехав в выделенную местными властями бывшую англиканскую церковь Св. апостола Филиппа. Митрополит Евлогий (Георгиевский), управлявший патриаршими приходами в Западной Европе до середины 1920-х годов, так описал свой визит в Лондон в 1921 году: «К празднику Воздвижения Креста (14 сентября) я приехал в Лондон. Меня сопровождали протодиакон о. Н. Тихомиров и диакон о. Вдовенко. <...> В Лондоне меня ожидали тяжелые впечатления. Настоятель посольской церкви, престарелый протоиерей Евгений Смирнов, революции не испытал, привык иметь дело с важными, знатными людьми, служить послам, в домашнем укладе придерживался великосветского тона и, гордый и надменный по натуре, не мог разобраться в психологии эмигрантской массы, нахлынувшей в Лондон (главным образом с северного, “белого”, фронта), не понимал ее и только раздражался. <...> Возмущение и страдание его были искренние: он не понимал, что в России произошло и что русские люди испытали... На заседаниях Приходского совета он горячо спорил, возражал, а ему кричали: “Вы наемник! Вы не учитываете постановлений Всероссийского Церковного Собора!..” – словом, атмосфера вокруг лондонской церкви сгустилась, и было ясно, что старцу-настоятелю с новой церковной общественностью не совла-

Михаил Феокритов и о. Михаил Фортунато, 1960 годы (фото предоставлено автором статьи)

дать. Старые и новые взгляды противостояли друг другу непримиримо. О. Смирнов, не привыкший считаться с какими бы то ни было заявлениями псаломщиков, теперь был вынужден выслушивать заявления и требования каких-то пришлых русских людей, столь не похожих на его прежних, чопорных, благовоспитанных прихожан. Я пытался его уговаривать: "Будьте снисходительны, приласкайте их...". Но о. Евгения переубедить было трудно. Бедный старик не выдержал этого натиска новых людей, скоро захирел и скончался. В общем Лондонский приход оставил впечатление какого-то тяжелого кризиса: новая жизнь врывалась бурно и беспорядочно»[28].

В 1926 году часть клириков и прихожан примкнула к учрежденному за пределами России, в Сремских Карловцах, Заграничному архиерейскому Синоду, возглавляемому митрополитом Антонием (Храповицким). Как пишет М. Сарни, «оба прихода служили в одном храме попеременно (одну субботу и воскресенье – евлогианский приход, следующие – зарубежный). Отношения, впрочем, были вполне теплые, ибо ведь выбор прихода очень часто диктовался политическими симпатиями; нередко было так, что в одной семье сторонники монархии ходили в зарубежный приход, а люди либеральные – в евлогианский. Благотворительный предрождественский *bazaar* (распродажу) устраивали совместно, как и ежегодную кампанию по сбору средств на текущие расходы. Хор оставался один на два прихода»[29].

Имена регентов и хористов в 1920-е годы пока не выявлены. Имеются лишь сведения о судьбах некоторых певчих посольской церкви. Так, потерявший в свое время голос В. Тимофеев в 1916 году был определен в псаломщики; в 1919–21 годах он являлся лектором истории русского языка и литературы в лондонском университете Кингс колледж. В 1922 году Тимофеев был положен митрополитом Евлогием в дьяконы и затем в священники, а годом позже избран управляющим делами Ассоциации Англиканской и Восточных церквей. Певчий Б. Выдра в 1920-е годы переехал во Францию, где до конца 1940-х годов пел в церквах. Долгое время он являлся псаломщиком, певчим и регентом мужского квартета Свято-Александро-Невского собора в Париже[30]. Некоторое время управлял там и хором. Сохранилось известие, что 11 апреля 1948 года хор собора под руководством Б. Выдры пел во время торжественной панихиды по случаю десятой годовщины смерти Федора Ивановича Шаляпина. В современной нотной библиотеке собора сохранились ноты, содержавшие владельческие записи Выдры. Из певчих, прибывших в Лондон до революции, более всех для лондонской церкви Успения Божией Матери потрудился В. Феокритов, который прослужил в ней до конца своей жизни в 1950 году. Последние десять лет о. Владимир являлся настоятелем этого храма[31]. Необходимо отметить

факт службы в лондонской церкви в 1935–36 годах весьма примечательной личности – протоиерея Симеона Солодовникова, с именем которого связана нотоиздательская деятельность в 1930-е годы во Франции и Германии[32].

Что касается хора лондонской церкви межвоенного периода, образовавшегося из певцов-любителей, то он не оставил столь же яркого следа, как хоры русских церквей других очагов эмиграции – Парижа, Праги, Белграда, Нью-Йорка, Харбина и др. Слава русского хорового искусства, в том числе и церковного исполнительства, на Британских островах в 1920–30-е годы преумножалась, главным образом, благодаря блистательным гастролям концертных коллективов, разъезжавших по всему миру.

Нужно пояснить, что в период императорской России диаспоры являлись своего рода периферями своей родины, заграничными форпостами ее веры и культуры. После 1917 года, лишившись опоры, в них отмечается стремление к созданию некой альтернативной России за пределами СССР. Тенденции, направленные на автокефальное, независимое от Москвы устройство охватывают и русские церковные организации. В отношении музыкального искусства наблюдается стремление к воссозданию форм дореволюционной музыкальной жизни – хоров, оркестров, оперных и балетных антреприз, музыкальных учебных заведений, обществ и т.д. В 1920-е годы в ряде стран возникают хоры и вокальные ансамбли, не приписанные к какому-либо храму и созданные в концертных целях, однако непременно включающие в свой репертуар церковную музыку, а при случае и поющие в храмах. Яркий след в Великобритании оставили гастроли Хора донских казаков под управлением Сергея Жарова, мужского квартета Кедровых, мужского ансамбля Свято-Сергиевского богословского института

Сергей Жаров с казаками в Лондоне 1930-е годы (фото предоставлено автором статьи)

под управлением И. Денисова. 12 октября 1930 года Е. Саблин писал атаману Всевеликого войска Донского А. Богаевскому: «Доношу Вашему Превосходительству, что сего числа Донской Казачий хор под начальством С.А. Жарова приступом взял город Лондон и своим пением покорил навсегда все английские сердца. О чем счастлив донести Новочеркасской станицы казак и б. российский поверенный в делах в Великой Британии Е. Саблин»[33].

Участвовали гастролеры и в богослужениях в русском храме Лондона. Так, 15 октября 1926 года Сергей Жаров писал атаману А. Богаевскому: «Ваше Высокопревосходительство! Прошу принять мой и всего хора привет из Лондона, куда мы прибыли благополучно. Сегодня в день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы мы пели Божественную Литургию в сослужении митрополита Евлогия, двух архиепископов и представителей объединения восточно-православных и англиканских церквей. Служба была очень торжественна при громадном стечении русских, англичан и греков. Завтра мы выезжаем в г. *Bristol*, где и начинаем наше турне»[34].

Сергей Жаров возлагает цветы к могиле неизвестного солдата, Лондон, середина 1920-х годов

Литературные и документальные материалы сохранили немало ярких описаний концертов русских ансамблей и того горячего приема, которые оказывали им слушатели Великобритании. Эта тема достойна отдельного освещения, как и история православного пения в Лондоне после Второй мировой войны, когда была образована Сурожская епархия Московского Патриархата по главе с митрополитом Антонием (Блумом).

Стараниями регентов-подвижников Михаила Феокритова и о. Михаила Фортунато во второй половине XX столетия лондонский храм Успения Божией Матери и Всех Святых приобрел известность в русском церковно-музыкальном мире[35]. Преемником отца Михаила, вышедшего в недавние годы на пенсию, стал известный московский дирижер Евгений Тугаринов[36]. Интересно отметить, что именно в Великобритании получили устойчивое развитие традиции

Нового направления в русской духовной музыке, репертуар которого, благодаря трудам целого ряда энтузиастов русской музыки, начиная с Биркбека и Хендерсона, обрел новую исполнительскую жизнь на Британских островах[37].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Исследование русской музыкальной православной эмиграции проводится автором статьи при поддержке «Российского гуманитарного научного фонда», номер проекта 08–04–00336а.

2 Дореволюционная история лондонского храма подробно описана в работе Михаила Сарни «Русская церковь в Лондоне. Очерк истории» в журнале «Альфа и Омега», 2003, № 38 (4), с. 297–324. Значительная часть архива русского храма в Лондоне находится в Национальном архиве (*Public Record Office*) в Лондоне. Некоторые источники из этой коллекции использованы в данной статье.

3 *Мальцев А.П., прот.* Православные церкви и русские учреждения за границей. Берлин, 1911. С. 4.

4 Настоятель о. Евгений Смирнов сообщал в 1916 году в российское посольство, что в мирное время на пасхальное богослужение приходили до 120–130 богомольцев, причем «и в церкви и в ведущем к ней очень узком коридоре образовывалась давка, и от духоты со многими богомольцами становилось дурно» (The National Archives (далее – NA), RG8/213, л. 170).

5 NA, RG8/212, л. 68–69.

6 NA, RG8/213, л. 109.

7 Следы такой опеки – многочисленные письма К.П. Победоносцева в целом ряде архивных фондов за границей, в частности в *New York Public Library*, в *Lambeth Palace Library* и *The National Archives* в Лондоне.

8 История и предыстория русской духовной музыки рубежа XIX–XX веков отражена в продолжающемся до настоящего времени многотомном издании «Русская духовная музыка в документах и материалах».

9 NA, RG8/168, л. 47.

10 NA, RG8/169, л. 71.

11 NA, RG8/222, л. 9.

12 *Регент.* Нотный обиход для заграничных церквей//Церковная правда. Богословский и церковно-общественный заграничный вестник. Двухнедельное обозрение. 1913, [Берлин]. № 7. С. 200.

13 Старые церковные ноты, в которых церковно-славянский текст записан латиницей, были обнаружены нами в русских храмах Рима, Флоренции и Парижа.

14 Имя Ч.Р. Крейна в недавнее время стало широко известно в России в связи с возвращением в Москву звонницы Данилова монастыря: именно Крейн купил их и перевез в Гарвард в 1930 году. Подробнее о благотворительной деятельности Крейна в отношении русской музыки можно читать в издании: Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. V/Александр Кастальский: статьи, материалы, воспоминания, переписка. Сост., вступ. ст. и коммент. С.Г. Зверева. М., 2006. С. 757–758.

Более подробно о регенте и хоре Свято-Николаевского собора см. в нашей статье: Горохов Иван Тимофеевич. Т. XII. М., 2006. С. 142–143.

15 *Дьяченко Антоний, прот.* Свято-Николаевский кафедральный собор в годы святительства митрополита Платона//Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. Часть первая. Нью-Йорк, 1944. С. 219.

16 До Второй мировой войны русская духовная музыка с английскими текстами выходила в следующих издательствах: *Neil A. Kjos Co. и Hall & McCreary Co.* в Чикаго, *The Boston Music Co., E. C. Schirmer Music Co.* в Бостоне, *H. W. Gray & Co., Fischer & Bro., M. Witmark & Sons Co., G. Schirmer Co., Galaxy Music Co.* в Нью-Йорке.

17 См. посвященную этой теме статью Стюарта Кэмпбелла в настоящем сборнике.

18 Сборник вышел в свет в 1906 году в Оксфорде под редакцией знаменитого британского композитора Воана Вильямса.

19 См. в работах: Birkbeck and the Russian Church. L.; N. Y., 1917; *Помазанский М., прот.* Друг Святой Руси: Вильям Биркбек, 1859–1916//О жизни, о вере, о Церкви. Джорданвилль, [США], 1976. Вып. 2. С. 251–275; *Августин (Никитин), архим.* «Экуменические встречи» св. Иоанна Кронштадтского//Русская мысль. 1999. № 4297. 16–22 дек.; *Dixon G.* Some English Impressions of the Russian Church and Its Music//Гимнология: Материалы Междунар. науч. конф. «Памяти прот. Д. Разумовского». М., 2000. С. 587–593; *Зверева С.Г., Соловьева Т.С.* Биркбек Вильям Джон//Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 224–225.

20 Письма последнего к Биркбеку, как и письма К. Победоносцева и многих других представителей русской церкви, находятся в архиве Биркбека, хранящемся в библиотеке Ламбетского дворца в Лондоне.

21 Письма У.Д. Биркбека к С.В. Смоленскому подготовлены к публикации М.П. Рахмановой во 2-й книге 6-го тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах».

22 *Birkbeck W.J.* Some notes upon Russian Ecclesiastical Music, ancient and Modern// Proceedings of the Musical Association for the investigation and discussion of subjects connected with the art and science of Music. Seventeenth Session, 1890–91. London, 1891. P. 137–158. (Discussion: 158–162).

23 *Henderson A.M.* Russian Church Music//Proceedings of the Musical Association, 1919–1920; paper read 4 November 1919. P. 7.

24 Появлению на страницах англоязычной музыкальной периодики в конце 1920-х – начале 1930-х годов целого ряда работ о русской музыке и о церковном пении содействовал другой житель Глазго – переводчик С.В. Принг, состоявший в переписке с проживавшими в СССР музыковедами Б. Асафьевым и В. Беляевым. Совсем недавно в США вышел в свет переведенный Прингом известный двухтомный труд Н.Ф. Финдейзена: History of music in Russia from antiquity to 1800/Nikolai Findeizen; translation by Samuel William Pring; edited and annotated by Miloš Velimirović and Claudia R. Jensen... [et al.]. Bloomington: Indiana University Press, 2008.

25 NA, RG8/213, л. 166.

26 Речь идет о Всероссийском правительстве («Омском правительстве»), созданном в Омске в ноябре 1918 года адмиралом А.В. Колчаком. Министерство иностранных дел этого правительства взяло под свою формальную юрисдикцию российские дипломатические представительства.

27 NA, RG8/213, л. 201–202.

28 *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 358. [В серии: Материалы по истории церкви. Кн. 3.]

29 *Сарни М*. Русская церковь в Лондоне. Историческая справка//Церковный вестник. 2006. № 19 (344). С. 12–13.

30 От знатока истории церковного пения русской эмиграции Ивана Дробота, проживающего близ Парижа, автор этих строк узнал историю о пропаже нотной библиотеки Выдры. Она была сообщена И.Г. Дроботу его отцом, священником Георгием Дроботом, знавшим Выдру. Уезжая из Англии, последний не смог взять с собой в поезд сундук с нотами и был вынужден оставить его на хранение на лондонском вокзале, предполагая в скором времени за ним вернуться. Однако этого не произошло, и сундук с нотами пропал. В русской диаспоре Парижа сохранились и другие истории о Борисе Выдре, который был очень колоритной личностью.

31 Отец Владимир Феокритов возглавлял евлогианский приход храма Успения Божией Матери, в 1945 году вновь перешедший в лоно Московской Патриархии. Другая часть старого прихода во имя Успения Божией Матери отошла в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей.

32 Протоиерей Симеон Павлович Солодовников (1883–1939) попал в Европу в 1930 году, бежав из СССР через финскую границу. До революции он жил в Петербурге, где в 1908–1912 годах служил регентом духовного училища; с 1912 года священствовал в ряде петербургских (ленинградских) храмов (Успенской церкви на Сенной (1912–1920), Исаакиевском соборе (1920–1924), церкви Вознесения Господня (1924–1926), церкви иконы Божией Матери «Скоропослушница» (1926–1930). В эмиграции о. Симеон первоначально был приписан к причту Свято-Александро-Невского собора в Париже, а затем, в 1931 году, перешел в РПЦЗ и служил в нескольких подведомственных ей храмах, в частности, с 1931 по 1933 год в Знаменской церкви в Париже. (См.: *Нивьер А*. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М., Париж. [Русский путь – UMCA-]. 2007. С. 462–463.) В эти годы регентом храма являлся получивший впоследствии большую известносить в эмиграции дирижер и духовный композитор Б.М. Ледковский. Во Франции о. Симеон собственноручно переписывал ноты и затем размножал их на линотипе. В недавнее время в Париже обнаружился фрагмент его библиотеки и архива, любезно предоставленные для ознакомления И.Г. Дроботом.

33 Государственный архив Российской Федерации [ГАРФ], ф. 6461, оп. 1, № 86, л. 12.

34 Там же, № 44, л. 79–79 об.

35 М.И. Феокритов приехал в Лондон в 1946 году из Германии. В 1964 году он передал управление хором своему зятю, Михаилу Фортунато, впоследствии принявшему священный сан. Деятельность о. Михаила подробно освещена в кандидатской диссертации Н.В. Балуевой «Регент Русской Православной Церкви протоиерей Михаил Фортунато: жизнь и литургическое творчество» (М., 2007).

36 Евгений Тугаринов является автором книги «Великий русский регент В.С. Орлов» (М., 2004), посвященной знаменитому хоровому дирижеру конца XIX – начала XX веков, с именем которого связана исполнительская история многих сочинений, написанных авторами Нового направления.

37 Об интересе к русской музыке свидетельствует исполнение композиции А. Гречанинова «Верую» на недавнем бракосочетании принца Уэльского Чарльза. Одним из любимых духовно-музыкальных сочинений архиепископа Кентерберийского Роана Вильямса является, по его признанию, рождественское песнопение А. Кастальского «С нами Бог», с которым он познакомился в исполнении хора храма Успения Божией Матери и Всех Святых в Лондоне.

«СЕНСАЦИЯ ЗА СЕНСАЦИЕЙ»: БРИТАНСКИЕ ЖУРНАЛЫ О ПЕРВЫХ ВСТРЕЧАХ С РУССКОЙ МУЗЫКОЙ И КОМПОЗИТОРАМИ

Стюарт Кэмпбел

Главным центром Великобритании в деле публикации нот, книг по музыке и музыкальных журналов всегда был (и до сих пор остается) Лондон. В XIX веке там выходили основные музыкальные издания, содержавшие сведения о русской музыке и русских композиторах. Наиболее представительным из них являлся ежемесячный журнал «Мьюзикал Таймс» (*The Musical Times),* который издается уже свыше 150 лет[1]. Журнал был основан в 1844 году А. Новелло, старшим сыном В. Новелло, среди разнообразной музыкальной деятельности которого значительную роль играла публикация нот[2]. Первоначальное название журнала «Музыкальные новости и вестник вокальных классов» (*The Musical Times and Singing Class Circular*) говорит о том, что это издание специализировалось главным образом на хоровой музыке, которая в викторианской Британии являлась наиболее «ходовым товаром» на нотном рынке. Впоследствии тематика журнала существенно расширилась: он предлагал развернутую панораму британской музыкальной жизни, а также разные материалы о музыке за рубежом. При этом в большей части номеров в качестве приложения публиковались какие-нибудь хоровые сочинения. Первые материалы о русской музыке, появившиеся в журнале в середине XIX века, показывают, что Россия в то время была для Британии *terra incognita.* В одной из наиболее ранних статей журнала, посвященной музыке русских, неизвестный автор отмечал своеобразие православного церковного пения и писал о сказочных богатствах императорского двора, который способен приглашать из-за границы в Петербург самых доро-

гих певцов-звезд для итальянской оперной труппы. В 1854 году на страницах «Мьюзикал Таймс» о русской музыке высказался французский музыкальный журналист М. Эскудье, который под рубрикой «Национальности в музыке» писал: «С уверенностью можно считать русских одной из наций, которая интересуется музыкой и располагает национальными песнями. Моряк, марширующий солдат, крестьянин в поле, форейтер, кучер – все поют, пока заняты своими делами. Петр Великий дал толчок к развитию музыки среди своего народа, и впоследствии вкусы императоров способствовали заимствованию зарубежного искусства»[3]. Примечательно, что этот материал о русской музыке был помещен среди обзоров музыки Турции, Абиссинии, Китая, Центральной Африки, диких племен Южного моря и т.п.

В последней трети XIX столетия информация о музыке в России на страницах журнала стала не столь редким явлением. Читатели могли узнать о сооружении памятника Глинке в Смоленске в 1883 году, об исполнении произведений британских композиторов Э. Праута, А. Маккензи и А. Салливана в российской столице в 1886 году, прочесть репортаж о разрушительном пожаре на фортепианной фабрике «Беккер» в Петербурге в 1889 году и некрологи по случаю смерти российских музыкантов. Порой обстоятельность некролога свидетельствовала о степени известности того или иного музыканта за границей. Самым обширным из всех материалов об умерших русских композиторах был некролог Антона Григорьевича Рубинштейна, о котором прежде не раз писали в «Мьюзикал Таймс» как о композиторе, пианисте и музыкальном деятеле. На страницах журнала в разделе новостей из Парижа, Петербурга или Москвы часто появлялись сообщения об «Исторических концертах» Рубинштейна, а Ф. Никс опубликовал статью о Рубинштейне, вошедшую в цикл работ о современных авторах романсов...[4]

Английская публика была знакома с творчеством А. Рубинштейна не только по публикациям в периодике. Первый приезд двенадцатилетнего виртуоза в Великобританию состоялся в 1842 году. Во время визита 1857 года пианист исполнил собственный Фортепианный концерт соль мажор. Рубинштейн посетил Британию восемь раз, и с каждым приездом популярность пианиста, не знавшего соперников в воодушевлении публики, возрастала. Однако нередко в прессе раздавались и голоса рецензентов, считавших, что полет духа порой уносит импульсивного маэстро очень далеко от намерений авторов сочинений. Еще большей критике подвергались произведения самого Рубинштейна, которые нередко звучали в Британии. Так, симфония «Океан» была сыграна в Лондоне в 1861 году (дирижер К. Клиндворт); в 1881 году в Хрустальном дворце[5] под управлением

автора была исполнена оратория «Вавилонская башня»; в 1881 году, через шесть лет после премьеры в Петербурге, состоялось первое исполнение оперы Рубинштейна «Демон» на лондонской сцене на итальянском языке[6] – видимо, это единственная опера Рубинштейна, которая была поставлена в Великобритании. В 1886 году музыка Рубинштейна, наряду с сочинениями других русских композиторов – Глинки, Балакирева, Кюи, Римского-Корсакова, Лядова, Чайковского и Н. Рубинштейна, прозвучала во время лондонского турне пианиста в седьмом из серии «Исторических концертов».

Среди русских фортепианных исполнителей того времени британцам была также хорошо известна Анна Есипова, которая в период с 1871 по 1892 год жила преимущественно за пределами России и играла главным образом западноевропейскую музыку.

На исходе столетия на страницах журнала *The Musical Times* довольно часто стало появляться имя Чайковского – первого русского композитора (после композитора и исполнителя Рубинштейна), сочинения которого заняли прочное место в репертуаре британских концертных залов и театров. Однако следует отметить, что в течение всего рассматриваемого периода А. Рубинштейну в журнале уделялось намного больше места, чем Чайковскому. Это впечатление подтверждается предисловием к английскому изданию книги А. Хабетса «Бородин и Лист», которое было написано переводчиком книги Р. Ньюмарч: Рубинштейн там называется «более известным соотечественником» Чайковского[7].

Впервые английская публика познакомилась с сочинением Чайковского в 1876 году, когда в Хрустальном дворце Э. Даннройтер исполнил Фортепианный концерт Чайковского, повторенный затем в апреле 1877 года. В 1888 году, когда во время гастрольной поездки по Западной Европе композитор посетил Британию, он дирижировал некоторыми своими сочинениями; во время второй поездки на Британские острова, по случаю получения почетной степени доктора музыки в Кембридже, Чайковский на концерте Филармонического общества в Лондоне дирижировал своей Четвертой симфонией. После смерти композитора его симфонические сочинения звучали в Англии почти ежегодно. Так, в 1894 году оркестром Филармонического общества под управлением А. Маккензи была исполнена Шестая симфония; годом позже – Пятая симфония (дирижер А. Никиш); и в том же 1895 году – сюита из балета «Щелкунчик» под управлением Генри Вуда. В течение одиннадцати концертных сезонов (начиная с 1895 года) Вуд продирижировал двадцати одним сочинением Чайковского.

Потребовалось тринадцать лет для того, чтобы до лондонской сцены дошел «Евгений Онегин», впервые прозвучавший на англий-

ском языке 17 октября 1892 года; оркестром управлял Г. Вуд. Лондонская премьера этой оперы послужила поводом для появления в журнале передовой статьи, в которой содержался отзыв на спектакль, а также краткие биографические данные о композиторе[8]. Любопытно, что опера «Евгений Онегин» была возобновлена здесь в 1906 году и исполнялась по-итальянски! В «Мьюзикал Таймс» была также опубликована рецензия на 24 романса Чайковского (1983). Романсы были изданы в Лондоне издательской фирмой Новелло с текстом, переведенным на английский язык Наталией Макфаррен[9].

Другими русскими композиторами, чьи имена встречаются на страницах журнала «Мьюзикал Таймс», являлись:

Балакирев, о котором сообщали как об инициаторе реставрации дома Шопена в Желязовой Воле (1891);

Аренский – упоминается как автор оперы «Воевода», поставленной в Москве в 1891 году, и Квартета для скрипки, альта и двух виолончелей ля минор, ор. 35 (1894);

Глазунов – о нем сообщалось как об авторе Струнного квартета, который был исполнен в России при содействии М. Беляева в 1892 году. В Британии сочинения Глазунова впервые прозвучали летом 1897 года: под управлением Г. Вуда была исполнена Пятая симфония композитора, который в этом же году продирижировал в Лондоне своей Четвертой симфонией;

Кюи – некоторые из его опер готовились к показу в 1897 году в Германии и Австрии, о чем и сообщалось в журнале;

Рахманинов – его краткая биография была опубликована в 1899 году в связи с приездом композитора в Британию; в том же году появилась рецензия на вновь изданную Прелюдию до-диез минор.

В 1887 году в серии «Великие композиторы. Биографические зарисовки» впервые была издана статья Д. Беннетта (1831–1911) о М. Глинке[10], основанная на воспоминаниях самого композитора и книге французского автора О. Фука. Хотя публикация была по сути компилятивной, обращение к теме Глинки известного английского критика свидетельствовало об усилении интереса к русской музыке[11]. Глинка называется Беннеттом самым «национальным» композитором России, «основателем русской композиторской школы, которая, может быть, окажет влияние на развитие музыки всего мира».

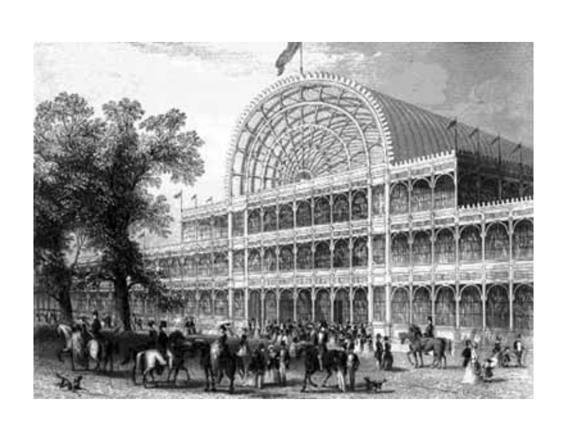
12 июля 1887 года, по данным А. Левенберга, в Ковент-гардене в исполнении итальянской оперной труппы состоялось первое представление «Жизни за царя» на итальянском языке, что не было исключением в тогдашней Европе. В Германии опера впервые прозвучала по-немецки в Ганновере 12 декабря 1878 года. Во Франции премьера «Жизни за царя» состоялась в Ницце 8 марта 1881 года по-итальянски

и 30 января 1890 года по-французски; первое исполнение оперы в Париже прошло 19 октября 1896 года на французском языке.

Годом позже британцы познакомились с музыкой Глинки в исполнении «Русской национальной оперной компании» под управлением В. Спачека (певцы М. Инсарова, О. Пускова, П. Богатырев, М. Виноградов, А. Ляров, В. Любимов, И. Тартаков и др.), которая представила в Альберт-холле на суд публики отрывки из двух опер и оркестровые произведения композитора. Затем фрагменты из «Жизни за царя» были повторены труппой в Манчестере[12].

Вторая опера Глинки дошла до Лондона и Парижа значительно позже. Так, лондонская премьера «Руслана и Людмилы» состоялась 4 июня 1931 года и исполнялась на русском языке; в Париже оперу услышали годом раньше, 24 мая 1930 года, хотя дягилевская версия первого акта была показана уже 4 июня 1909 года.

«Мьюзикал Таймс» был не единственным британским периодическим музыкальным изданием. Другими влиятельными журналами являлись «Музыкальный мир» (*The Musical World*), носивший подзаголовок «Еженедельная летопись музыкальной науки, литературы и информации», издававшийся с 1836 по 1891 год, и «Ежемесячная музыкальная летопись» (*The Monthly Musical Record*), который существовал с 1871 по 1960 год. Первый из журналов выделяется тем, что в нем в 1840 году был опубликован английский перевод статьи Адольфа Адана «О современном положении музыки в России»[13], первоначально написанной по-французски для журнала «Музыкальное обозрение» (*La Revue Musicale*). Возникшая под впечатлением от посещения России статья Адана была одной из наиболее ранних публикаций о русской музыке в англоязычной периодике. В центре внимания автора находятся церковное пение, опера, камерная и военная музыка.

Хрустальный Дворец в Лондоне (из Дж. Таллис и Ко «История и описание Хрустального Дворца», 1852)

К концу века в связи с распространением русской музыки в Британии увеличивается количество материалов о ней не только в музыкальной периодике, но и в обычных газетах и журналах. Так, пространный комментарий о русской музыке содержится в статье «Недавние исполнения русской музыки в Англии» (*Recent Russian Music in England*), которая была опубликована в журнале «Один-

бургское обозрение» *(The Edinburgh Review)*. Этот журнал (1802–1929) являлся наиболее престижным и авторитетным британским ежеквартальным периодическим изданием того времени, посвященным литературе и политике. В 1901 году на его страницах был опубликован следующий материал о русской музыке: «Неоспоримым фактом является то, что в течение последних пяти или шести лет русская музыка производила сенсацию за сенсацией в Лондоне, особенно в концертном зале Куинз-холл. Найти объяснение этому неожиданному явлению практически невозможно. Вероятно, это было данью моде, объявленной во Франции и Бельгии. Во Франции господин М. Беляев, богатый русский музыкальный меценат, организовал русские концерты на Парижской выставке 1878 года[14], а в 1885 году открыл музыкальное издательство в Лейпциге для оказания поддержки своим соотечественникам-музыкантам. С другой стороны, возможно, что господин Беляев как музыкальный издатель положительно повлиял на распространение сведений о русской музыке и в Англии. Также вполне вероятно, что такому неожиданному успеху русской музыки в Великобритании поспособствовал и тот факт, что женой мистера Г. Вуда, дирижера оркестра Куинз-холла, была талантливая русская певица»[15].

Многие годы до этого включение русских произведений в концертные программы случалось крайне редко. В период с 1813 года до настоящего времени главными барометрами всех музыкальных событий в Англии служили концертный зал Филармонического общества и Хрустальный дворец, использовавшийся как концертный зал с 1885 года. Просматривая программы концертов за тот период, когда существовали оба эти зала, можно прийти к следующим выводам. Первым русским композитором, сочинения которого появились в программах Филармонического общества, был Антон Рубинштейн (1857). Чайковский следовал за ним – в 1888 году; Бородин – в 1896 году; Глазунов – в 1897 году и Рахманинов – в 1898 году. Рубинштейн и Чайковский выступали здесь неоднократно, Бородин – дважды, Глазунов и Рахманинов – по одному разу. В «Эдинбургском обозрении» рассказывалось: «В Хрустальном дворце увертюра к опере Глинки “Жизнь за царя”, а также оркестровые пьесы “Блестящее каприччо” и “Арагонская хота”[16] были представлены публике господином Маннсом[17] в 1860 году, а увертюра к опере “Руслан и Людмила” и “Камаринская” – в 1874 году. В 1876 году впервые в Англии прозвучали Концерт Чайковского си-бемоль минор для фортепиано с оркестром (партию фортепиано исполнял господин Э. Даннройтер) и его же увертюра “Ромео и Джульетта”. Вскоре после этого тогдашнее правление директоров Хрустального дворца вежливо попросило господина Маннса не подвергать публику суб-

ботних концертов в Хрустальном дворце необходимости произносить такие “зубодробительные” иностранные фамилии, как Чайковский и Шарвенка...[18] И если бы не это обстоятельство, то русский бум в Великобритании начался бы еще раньше. Возражение, выдвинутое дирекцией Хрустального дворца, с течением времени было, естественно, отменено, а господин Маннс в последнее время взял на себя обязанности по представлению нам современной русской музыки. И нельзя игнорировать тот факт, что доктор Рихтер делал то же самое как в Лондоне, так и в провинции»[19].

Французская публика имела возможность прочесть нечто о русской музыке ранее, чем британская. Политические и экономические связи между Россией и Францией были особенно тесными на рубеже веков, поэтому неудивительны контакты и в других областях, а также живой интерес к развитию русского искусства в предыдущие десятилетия. Только после 1900 года британские авторы начали «догонять» своих французских коллег. Особенно активной была деятельность двух исследовательниц – Констанс Бейч и Розы Ньюмарч[20], которые читали лекции и писали о русской музыке. Широкое распространение получили работы Ньюмарч, в том числе статьи на русскую тематику во втором издании (Лондон, 1904) энциклопедии «Музыкальный словарь Грова» (*Grove Dictionary of Music and Musicians*[21]), а также ее книга «Русская опера» (*The Russian Opera*), изданная в Лондоне в 1914 году. В начале XX века Великобритания практически догнала своих соседей по количеству публикаций, однако переезд Дягилева в Париж позволил Франции опять вырваться вперед. Благодаря деятельности Дягилева и его «Русских балетов» русская музыка смогла прочно закрепиться в сознании западноевропейских слушателей как неотъемлемая часть европейской музыкальной традиции.

Примечания

1 На основе материалов журнала *«The Musical Times»* написана следующая книга, освещающая многие стороны музыкальной жизни Великобритании: *Scholes P. A.* The Mirror of Music 1844–1944. A Century of Musical Life in Britain as reflected in the pages of the «Musical Times», London, 1947.

2 Семья Новелло в XIX веке оказывала большое влияние на музыкальную жизнь Великобритании. Будучи сыном итальянского эмигранта, Винсент Новелло (1781–1861) в разные периоды жизни работал органистом, регентом, дирижером, редактором, издателем и композитором. Нотоиздательскую деятельность В. Новелло начал в 1811 году, в 1829 году его сыном Альфредом (1810–1896) был открыт нотный магазин. Впоследствии в Великобритании развилось крупнейшее нотное издательство Новелло, опубликовавшее полные собрания сочинений Перселла, Элгара и др.

3 The Musical Times, 1854. P. 355. (Далее название журнала дается сокращенно: MT.)

4 *Niecks F.* Modern Song-Writers. III. Anton Rubinstein//MT. 1885. P. 67. Фредерик Никс (1845–1924) – британский музыковед немецкого происхождения; с 1901 года профессор музыки Эдинбургского университета (Шотландия). Автор книг о Шопене, Шумане, об истории программной музыки.

5 Хрустальный дворец, построенный в Гайд-парке в 1851 году как выставочный зал, был колоссальным зданием из железа и стекла. В 1854 году здание было перенесено в Сиденхам (недалеко от центра Лондона), где стало с 1855 года использоваться как концертный зал. В 1936 году постройка была уничтожена пожаром. (*Прим. ред.*)

6 *Loewenberg A.* Annals of Opera. Geneva. 1955. P. 1041–1042.

7 *Habets A.* Borodin and Liszt. London. 1895.

8 MT. 1892. P. 585–586.

9 Наталия Макфаррен (настоящее имя Кларина Талия Андрей) родилась в Любеке в 1828 году и до замужества выступала как певица-контральто. В 1844 году она вышла замуж за английского композитора сэра Джорджа Макфаррена и впоследствии перевела на английский язык многие оперные либретто. Умерла в 1916 году.

10 MT. 1887. P. 12 – 14, 78–80, 143 –146 и 207–209.

11 Публикация Беннетта явилась откликом на изданную в предшествующем номере журнала передовую статью «Национализм в музыке»//MT. 1887. № 1. P. 9–12.

12 Далее труппа направилась в Ливерпуль, где под управлением Дж. Труффи были исполнены оперы «Демон», «Риголетто» и «Мазепа». По данным Левенберга, ливерпульская премьера «Мазепы» 6 августа 1888 года была первым исполнением этой оперы вне России.

13 *Adam A.* On the Present State of Music in Russia//The Musical World, 1840. Vol. XIV/New series. Vol. VII. 2 July. P. 2–4; 9 July. P. 19–20; 16 July. P. 34–35; 6 August. P. 88–89.

14 Автором статьи допущена ошибка: концерты русской музыки на Парижской выставке были организованы М. Беляевым не в 1878, а в 1889 году.

15 Жена Г. Вуда Ольга Вуд (урожденная Урусова) была певицей-сопрано. Она вышла замуж за Вуда в 1898 году.

16 Автор публикации говорит как о разных сочинениях об одном и том же произведении Глинки: «Арагонская хота (Блестящее каприччио на тему Арагонской хоты)». Возможно, он имел в виду другую оркестровую пьесу «Ночь в Мадриде».

17 Аугуст Маннс (1825–1907) – английский дирижер немецкого происхождения; с 1854 работал в Лондоне, где управлял оркестром в Хрустальном дворце. С 1883 по 1890 год руководил генделевскими фестивалями.

18 Ксавер Шарвенка (1850–1924) – немецкий композитор, пианист, педагог; основатель консерваторий в Берлине и Нью-Йорке.

19 *The Edinburgh Review.* 1901. July – October. P. 363–364.

20 Констанс Бейч родилась в 1846 году в семье известных английских музыкантов. Она выпустила ряд книг и переводов по вопросам музыки; умерла в 1903 году. О Розе Ньюмарч см.: Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. Стлб. 1059.

21 *The Grove Dictionary of Music and Musicians* – один из самых больших энциклопедических словарей западной музыки. Впервые был опубликован в четырех томах (1878–1899) под редакцией сэра Дж. Грова. (*Прим. ред.*)

ДОРИЧ-ХАУС: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ ИЗ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Розалинд П. Блэйксли

Этот дом сравнивали с электроподстанцией в Бухаресте, а в одном из фильмов Би-би-си он послужил для съемок мрачной сцены из жизни Восточной Европы. В действительности же Дорич-хаус, недавно отреставрированный и по достоинству получивший в 2004 году статус музея, – один из самых необычных домов-студий Великобритании. Этот дом является подтверждением не только авангардного мышления его владельцев-проектировщиков, но и тонкой смеси культурных влияний Великобритании, России, а также Франции и Азии. Возник Дорич-хаус в результате удивительного союза талантливого скульптора-эмигрантки, родившейся в Российской империи, и британского аристократа-русофила. Дом стал[1] совместным творением Доры Гордин(ой) и достопочтенного Ричарда Хейра, а свое необычное название он получил по первым слогам имен его владельцев[2].

Художница Гордин родилась в городе Либава (Лиепая), где ее отец, российский инженер, занимался реконструкцией порта и превращением его в основную базу русского Балтийского флота на рубеже веков. Впоследствии семья переехала в Ревель (ныне Таллинн). К 1920 году Гордин иммигрировала в Париж, собираясь заняться музыкой, но вскоре полностью отдала предпочтение другому призванию – скульптуре[3]. Очевидно, сам Аристид Майоль посоветовал Доре учиться самостоятельно, а не в мастерской. Неясно, было ли это продиктовано верой знаменитого французского скульптора в ее талант или же, напротив, сомнением в шансах Гордин стать профессиональным скульптором. Гордин упорно трудилась, и в 1925 году получила заказ на роспись части Британского павильона для Международной выставки современных декоративных и промышленных

искусств (*Exposition Internationale des Arts Décoratifs*) – этого впечатляющего торжества роскошного дизайна, откуда и получил свое название стиль ар-деко. Заговорили же о Гордин после того как на Парижском салоне она представила бронзовый торс, отлитый на собственные средства, заработанные за оформление Британского павильона. В 1928 году состоялась ее совместная выставка с К.Р.У. Невинсоном[4] в «Лестер-гэллери» на Лестер-сквер в Лондоне. На этой выставке студент Оксфорда был очарован экзотической девушкой с балтийских берегов. Звали студента Ричард Хейр, был ему двадцать один год и, вероятно, он был на несколько лет младше самой Гордин (Дора никогда не раскрывала своего истинного возраста)

История Хейра до этой встречи была достаточно обычной. Второй сын четвертого графа Листауэла, он не слишком успешно учился в колледже Рагби, однако оксфордский Байллиол колледж закончил в 1929 году по философии, экономике и политическим наукам с отличием. Затем стал на год стипендиатом «Ламинг тревеллинг феллоушип» при Куинз колледже в Оксфорде. «Ламинг тревеллинг феллоушип» вскормила многих будущих дипломатов, а время от времени и шпионов. Хейр избрал первый путь и получил пост третьего секретаря в британском посольстве в Париже, но после смерти отца в 1932 году решил, воспользовавшись оставленным ему наследством, оставить дипломатическую службу и сосредоточиться на путешествиях и научной деятельности. Именно тогда пути Гордин и Хейра вновь пересеклись и с тех пор уже переплелись навсегда. Гордин к тому времени работала в Сингапуре, получив престижный заказ на создание шести бюстов для нового здания муниципалитета. Хейр, отдавшись наконец-то своей страсти к путешествиям, тоже отправился в Юго-Восточную Азию и остановился погостить у Гордин и ее первого мужа, врача при дворе султана Джохора. Брак

Дорич-Хаус (из архива музея)

был явно несчастливым, и уже в 1934 году Хейр переписывается с лондонским архитектором Сэмюэлом Годфри по поводу дома для Гордин в Хэмпстеде (Лондон). Ричард вместе с Дорой, вернувшиеся в Европу в 1935 году, в конечном итоге поженились в октябре 1936.

К этому времени у супругов уже сложилось некоторое представление об идеальном месте для жизни и работы. Гордин, оформлявшая Британский павильон в 1925, не могла не познакомиться с работой российского архитектора Мельникова[5], получившей международное признание. Специально для этой выставки Константин Мельников спроектировал павильон СССР, применив поразительно смелые для того времени архитектурные решения геометрического дизайна. Можно предположить, что четкие линии, ясность пространственных решений и искусное расположение и форма окон будущего Дорич-хаус были навеяны дерзкими новациями конструктивистов, в частности, изощренным сочетанием геометрических форм в работе Мельникова.

Профессор Ричард Хейр (фото предоставлено журналом «Славоник и Сентрал-Юропеан Стадиз»)

В 1929 году Гордин заказала проект дома в Париже архитектору Огюсту Перре[6]. Он получил образование в парижской Школе изящных искусств, передовой в своих взглядах и архитектурной практике. Перре спроектировал модернистский дом-студию из железобетона. Применение железобетона этим французским архитектором получило широкое признание. Несомненно, работа Перре подала Хейру и Гордин отправные идеи для проекта их дома на окраине Хэмпстед-Хита, для которого британский архитектор Годфри Сэмюэл создал первоначальный проект. Задача перед Сэмюэлом стояла непростая: взыскательные клиенты без конца вносили изменения. Так, предложенный им проект превратился из постройки с двумя флигелями в большое здание кубической формы из крашеного бетона. Несмотря на все усилия Сэмюэла, в 1935 году Гордин и Хейр забросили проект из-за все возраставших затрат и возражений землевладельца по поводу модернистского облика дома. Супруги переключили свое внимание на Кингстон-Вейл вблизи Ричмонд-

парка, место не менее зеленое, однако не такое модное, а следовательно, не столь дорогое. Опыт сотрудничества с Сэмюэлом придал им уверенности, и они решили отказаться от услуг архитектора и самостоятельно спроектировать это здание, ставшее их домом на всю жизнь. Пара приняла мудрое решение нанять Генри Айвора Коула, чья фирма, именовавшая себя архитектурно-строительной, помимо собственно строительства выполняла и другие работы. Но идеи Перре и Сэмюэла все же наложили существенный отпечаток на окончательный проект Хейра и Гордин. Действительно, тот факт, что Коул смог представить чертежи местным властям уже в 1935 году, том же самом, когда пара отказалась от места в Хэмпстеде, наводит на мысль об использовании его клиентами идей архитекторов, ранее трудившихся над проектом.

Дора Гордин в своем доме (из архива музея Дорич-хаус)

Дорич-хаус, как и последний сэмюэловский вариант дома в Хэмпстеде, представляет собой большое здание кубической формы, однако каждый фасад имеет свое лицо, различаясь необычным расположением и формой окон, включая круглые и полукруглые эркеры, и очень широкое окно с северной стороны, в мастерской второго этажа. Как и в парижском проекте Перре, обрамления окон металлические и так же, как было предусмотрено Перре, используется железобетон для межэтажных перекрытий и крыши. Отступив от проектов Сэмюэла и Перре, Хейр и Гордин решили использовать для облицовки фасада красный уэльский кирпич, придающий безусловно модернистскому зданию необычайно теплый и фактурный облик. В Дорич-хаус существует вероятность и другого важного, но до сих пор не выявленного русского влияния – конструктивизма в архитектуре, расцветшего в Советском Союзе за несколько лет до постройки Дорич-хаус. После своей эмиграции в Париж Гордин, по ее собственному признанию, никогда больше не посещала ни Россию, ни Прибалтику. Однако у супругов было достаточно оснований

следить за развитием советского искусства, а позже Хейр бывал в России для дальнейшего изучения русской культуры. До 1934 года, когда Сталин назвал соцреализм главным для советского искусства, развитие конструктивизма активно пропагандировалось и изучалось также и за границей. Плодотворными были выставка российского конструктивизма в Берлине в 1922 году и Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств в Париже в 1925 году. О существовании документов, подтверждающих влияние российской советской архитектурной мысли на Дорич-хаус, пока неизвестно, но если такое предположение верно – перед нами яркий пример того, как самые авангардные советские архитектурные идеи были усвоены и перенесены на британскую землю.

Дверь «Китайская луна» – как объектив фотоаппарата (фото Б. Мартин, куратора музея)

Внутренняя планировка Дорич-хаус во многом заимствована у Перре. Предложенное им решение было нестандартным, но хорошо продуманным. На первом этаже была спроектирована гипсовая мастерская и специальное оборудование, позволявшее доставлять материалы для изготовления скульптур наверх, минуя лестницу. Более темные комнаты были отданы прислуге. Главная мастерская и просторная галерея должны были находиться этажом выше – в помещении с большими квадратными окнами, дававшими много света. Комнаты Гордин должны были находиться на самом верхнем этаже, а на крыше планировалась летняя терраса, с которой Дора могла бы любоваться видами окружающего парижского предместья Булонь-Бьянкур. В лондонском Дорич-хаус гипсовая мастерская и технические помещения, как и в проекте Перре, располагаются на первом этаже (включая встроенный гараж, наличие которого подчеркивало современный образ жизни), галерея и главная мастерская этажом выше, на верхнем этаже – жилые

помещения, а над ними, на крыше – терраса. В двойных по высоте стенах галереи и ее полукруглом эркере прорезаны высокие арочные окна, создающие особые световые условия для демонстрации щедро покрытой патиной бронзовой скульптуры, на которой Гордин специализировалась в то время.

Интереснее всего оформлено жилое пространство на верхнем этаже. Столовая и гостиная с низкими полукруглыми окнами отделены друг от друга раздвижной дверью «Китайская луна», великолепно выполненные панели которой бесшумно убираются в стены. При взгляде в обе стороны через эту дверь, как в объектив фотоаппарата, завораживает мастерски продуманное сочетание в интерьере изгибов и прямых линий, а мебель и аксессуары, подобранные Гордин и Хейром, перекликаются с непривычно круглым дверным проемом. Дорич-хаус наполнен идеями и артефактами, привезенными его владельцами из заграничных путешествий. Форма и конструкция панелей двери «Китайская луна» имеют азиатское происхождение, они предположительно изготовлены из малайского дерева. Наряду с китайской мебелью XVII века пара также коллекционировала современную французскую мебель. Камин в гостиной представляет собой почти точную копию того камина, который Перре спроектировал для дома Гордин в Париже, а камин в спальне облицован плиткой, привезенной Ричардом из Испании. Элегантные и холеные, супруги прекрасно сознавали, какое впечатление они производят в этих утонченно шикарных, сродни театральным декорациям помещениях, о чем свидетельствуют фотографии того периода.

Гордин и Хейр за работой (предоставлено Инглиш Херитадж)

Самой значительной коллекцией Дорич-хаус является выдающееся собрание русского имперского искусства, созданное Хейром в те годы, когда, расставшись с карьерой дипломата и государственного служащего, он занимался переводами и изучал русскую литературу. Коллекция Хейра включает различные предметы искусства: от стеклянных бокалов и палехских коробочек до яиц Фаберже. Это одно из лучших государственных собраний произведений русского имперского искусства в Великобритании. Коллекция также является свидетельством англо-русских влияний в области культуры: мы находим в коллекции фарфоровые фигурки из известной фабрики Гарднера, которую англичанин Франсис Гарднер получил разрешение основать в 1766 году к северу от Москвы. Кроме произведений декоративного искусства Хейр покупал для коллекции жанровую живопись, портреты, иконы и графику, среди которой особенно хороши графические работы Константина Ухтомского с картин пейзажиста Михаила Воровьева. О коллекции Хейра много написано. Она легла в основу его последней книги «Искусство и художники России»[7], выпущенной в 1965 году.

В 1962 году труды Ричарда Хейра увенчались его назначением на пост первого руководителя кафедры русской литературы на факультете славистики и стран Восточной Европы Лондонского университета. Занимая этот пост, он написал несколько книг, в том числе «Русская литература от Пушкина до наших дней», «Пионеры российской социальной мысли» и «Русские портреты в период между Реформой и революцией»[8]. Он также читал лекции по русскому искусству и архитектуре в таких престижных аудиториях, как музей Виктории и Альберта, а также в Королевском обществе Искусств *(Royal Society of Arts, Manufactures and Commerce)*.

В 1966 году Хейр скоропостижно скончался от сердечного приступа, положив тем самым конец золотому веку Дорич-хаус. Гордая и все более своенравная Гордин продолжала жить и работать в доме на протяжении еще двадцати пяти лет, но, несмотря на видимость порядка и контроля, той безукоризненности, как при муже, в доме уже не было. Попытки Гордин спасти будущее дома на благо нации также оказались безуспешными. Настойчивая и непреклонная, Дора не понимала, что подобные переговоры нужно вести деликатно, и не сознавала, какое тяжелое финансовое бремя ляжет на любого, кто возьмет на себя ответственность по сохранению этого дома. Поэтому когда в 1991 году она умерла, не оставив завещания, Банк Ллойдз оказался душеприказчиком поместья, включавшего в себя обветшалый, протекающий памятник архитектуры, окруженный запущенным садом.

По счастью, университет Кингстона, расположенный по соседству с Дорич-хаус, решил приобрести и отреставрировать дом, однако половину коллекции Хейра, к сожалению, пришлось продать, чтобы выручить средства на ремонт. После десяти лет восстановительных работ и заботливой опеки о доме и сохранившейся коллекции скульптуры, рисунков, живописи, графики и мебели, Дорич-хаус вернул себе звание одного из самых замечательных домов-студий, существовавших на территории Великобритании в межвоенный период. Имеющий британские, французские, азиатские, русские, а возможно, и советские архитектурные корни Дорич-хаус является свидетельством уникального видения архитектуры современного дома и жизни этой супружеской четы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Благодарим Дорич-хаус (www.dorichhouse.com) за предоставленные фотографии. Английская версия этой статьи была опубликована в журнале «Кантри Лайф».

2 О Доре Гордин и Дорич-хаус см.: *Black J.* Collecting connoisseurs and building to house a collection: the intriguing case of Dora Gordine (1895–1991)//Journal of the History of Collections. Vol. 21. 2009. № 2. P. 253–261.

3 О работах Гордин см.: *Black J.* and *Martin B.* Dora Gordine: sculptor, artist, designer. London: Dorich House Museum, Kingston University, in association with Philip Wilson Publishers. 2008; *Martin B.* Dora Gordine Sculpture Collection. London: Dorich House Museum, Kingston University, in association with Bond and Coyne Associates Ltd., 2005; and *Black J.* and *Lloyd F.* Subtlety and Strength. The Drawings of Dora Gordine. London: Dorich House Museum, Kingston University, in association with Philip Wilson Publishers, 2009.

4 Кристофер Ричард Уэйнн Невинсон (1889–1946) – британский художник, был близок футуристам. Известен также своими работами, сделанными на фронте во время Первой мировой войны, в том числе он был первым художником, который делал зарисовки сражений с воздуха. (*Прим. ред.*)

5 Константин Степанович Мельников (1890–1974) – русский и советский архитектор и педагог, один из лидеров конструктивизма. Был обвинен в формализме и не имел возможности проектировать и строить после 1936 года. В честь столетия со дня рождения Мельникова ЮНЕСКО объявила 1990 год – годом Константина Мельникова. (*Прим. ред.*)

6 Огюст Перре (1874–1954) – архитектор, сделавший железобетон материалом зодчества, но работавший в классической французской традиции, учитель Корбюзье. Профессор Специальной школы архитектуры в Париже, почетный президент Международного союза архитекторов. В послевоенное время занимался крупными градостроительными проектами. (*Прим. ред.*)

7 *Hare R. T*he Art and Artists of Russia. London: Methuen & Co. Ltd., 1965.

8 *Hare R.* Russian Literature from Pushkin to the Present Day. London: Methuen & Co. Ltd., 1947; *Hare R.* Pioneers of Russian Social Thought. London: Oxford University Press, 1951; *Hare R.* Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. London: Oxford University Press, 1959.

КОРОТКАЯ ОТТЕПЕЛЬ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ – ВИЗИТ ЮРИЯ ГАГАРИНА В ГОРОД МАНЧЕСТЕР

Джон Келлоу

12 июля 1961 года, ровно через три месяца после того, как полет человека на корабле «Восток-1» открыл новую эру в исследовании космоса, Юрий Гагарин решительно сошел по трапу британского авиалайнера Вайкаунт и быстро направился к морю светящихся ожиданием лиц и вспышек фотографов. Небо закрывали тяжелые облака, сильный ливень обрушился на летное поле и промочил цилиндры и фраки встречающих официальных лиц. Однако дождю не удалось остудить ни теплоту гагаринской улыбки, ни подлинный энтузиазм людей, которые переполняли здание аэропорта, напирали на заградительные барьеры, стремясь хотя бы мельком увидеть своего героя.

Интерес публики к визиту, который проходил в разгар холодной войны, был беспрецедентным. Поездка Гагарина в Британию была задумана и организована Британским конгрессом профсоюзов как способствующая развитию экономического сотрудничества между Востоком и Западом. Правительство Макмиллана сначала не выразило желания приглашать космонавта в Великобританию, но затем не только санкционировало этот визит, но и поспешно добавило еще один день к его программе. Несмотря на то, что Уайтхолл предпочитал выдерживать нейтралитет, в стране настроение было совсем иным.

Визит Гагарина в Манчестер получил одобрение городских властей, которые с удовольствием организовали роскошный прием в городской ратуше в честь космонавта. Над площадью Альберта, носящей имя мужа королевы Виктории, рядом с британским флагом взвился красный флаг, и духовой оркестр грянул национальный гимн СССР в честь прибытия первого космонавта. Маленькие де-

ти, одетые в самодельные костюмы космонавтов, пропускали уроки, чтобы помахать Гагарину на улицах и перекрестках. Девочки-подростки пытались прорваться сквозь полицейские ряды в надежде получить автограф, подарить букет цветов или сорвать поцелуй. Рабочие фабрик бросались пожать ему руку или похлопать по спине, чтобы как-то выразить свое восхищение, а знаменитая «Манчестер Юнайтед» прервала свои тренировки, чтобы поприветствовать «Магеллана космоса».

Британия встречает первого космонавта (снимок предоставлен Маркс Мемориал Лайбрари, Лондон)

По словам очевидицы Мэри Макклеллан, которая приехала тем утром на митинг завода Метровикерс, Гагарин в своем ярко-зеленом мундире – по контрасту с серыми костюмами бизнесменов и темными спецовками заводских рабочих – представлял «неправдоподобную» фигуру. Он выглядел так, как будто его сняли на цветную пленку, что создавало поразительный контраст с той монохромностью, которая окружала его. В череде унылых послевоенных лет, полных лишений и напряженности, казалось, что-то почти магическое было в человеке, который первым разорвал цепи земного притяжения и увидел «через иллюминаторы своего космического корабля... алмазную россыпь сияющих ярких холодных звезд». Корреспондент газеты «Таймс» в своей статье передал чувства многих, для кого «космонавты были самой необуздан-

ной фантастикой», материалом популярных романов, комиксов и радиопрограмм, пока вдруг «одним утром этот художественный вымысел не стал научным фактом». «Кто, – спрашивал он, – не прошел бы несколько сотен ярдов, чтобы увидеть этого необыкновенного человека, который приехал к нам и говорил с нами?» Пер-

«Каждый хотел коснуться человека, побывавшего в космосе» (снимок предоставлен Маркс Мемориал Лайбрари, Лондон)

вому человеку, побывавшему в космосе, в Манчестере был обеспечен прием, оказываемый только членам королевской семьи и звездам Голливуда. В эпоху, предшествовавшую «Битлз», когда рок-музыка еще не завоевала свои позиции, как писала газета, молодой британец Мартин Кеттл оклеил стены своей спальни плакатами с изображением Гагарина.

На фоне берлинского кризиса, нарастающего конфликта во Вьетнаме и Карибского кризиса стихийное излияние чувств британ-

цев в честь советского летчика, на первый взгляд, могло показаться неуместным. Однако нетрудно понять, почему с такой теплотой встречали молодого, энергичного и обаятельного Гагарина: он поразительно отличался от престарелых советских руководителей, обладал неподдельным обаянием и общительностью. Космонавт был симпатичен как мужчинам, так и женщинам, как молодым, так и старикам. Его всемирная известность была результатом личной храбрости, профессионализма и атлетизма. Крестьянский сын, он

Гагарин и британские полицейские: дружеские рукопожатия (снимок предоставлен Маркс Мемориал Лайбрари, Лондон)

стал учеником литейщика, а прославился как космонавт благодаря своим собственным усилиям и постоянному упорному труду. В штаб-квартире профсоюза литейщиков Юрий Гагарин приятно поразил собравшихся признанием, что он все еще «литейщик в сердце». Награжденный почетным членством профсоюза и медалью с обнадеживающей надписью «Вместе выплавим новый мир», Гага-

рин отдал дань «профсоюзу, который стоит в ряду старейших в мире и имеет такие прекрасные традиции», а затем пожелал его членам «успехов в... защите прав и интересов рабочего класса и борьбе за мир во всем мире».

Эти чувства он выразил и позднее в тот же день в своем обращении к рабочим завода Метровикерс[1], в то время самого большого промышленного предприятия в Западной Европе. Умело обходя проблемы, порожденные холодной войной, Юрий подчеркнул необходимость сокращения вооружений и мирного сотрудничества для развития науки и техники. Он объяснил, что только один человек был на борту космического корабля, однако понадобились десятки тысяч людей, чтобы сделать полет успешным: «Свыше 7000 ученых, рабочих и инженеров, подобных вам, были награждены за их вклад в этот успешный полет». И под громкие аплодисменты он добавил: «В космосе хватит места для всех... Я представляю себе тот великий день, когда советский космический корабль доставит на Луну группу ученых, которые присоединятся к британским и американским ученым, работающим в обсерваториях в духе мирного сотрудничества и состязательности, а не в военных целях».

Юрий Гагарин встречается с премьер-министром Великобритании Морисом Г. Макмилланом (снимок предоставлен Маркс Мемориал Лайбрари, Лондон)

Гагарин нашел отклик у рабочих, которые жили под постоянным страхом термоядерной войны и теперь пытались уловить дух хрущевского, нового, более открытого и динамичного СССР. Если популярность Гагарина у жителей Манчестера была бесспорной, то долгосрочное политическое значение его визита горячо обсуждалось в течение следующих недель

на страницах местной и национальной прессы. Комментаторы, как слева, так и справа, согласились, что этот визит не мог сильно изменить местный политический климат, устранить глубоко укоренившиеся предрассудки или подтолкнуть к переоценке внешней политики Великобритании в условиях холодной войны. Тем не менее престиж рабочего движения в целом и профсоюза литейщиков в частности значительно возрос благодаря визиту молодого космонавта.

Разумная организация визита Гагарина в Британию (в отличие от неуклюжего проведения его последующей поездки в гомулковскую[2] Польшу) способствовала тому, что репутация СССР среди населения Великобритании достигла самого высокого уровня с мая 1945 года, а советские фирмы, выставлявшиеся на промышленной выставке в Эрлс Корт[3], были популярны как никогда. Однако мечтам о сближении стран и продвижении социализма, которые лелеяли советский лидер и Гагарин как неофициальный посол СССР, не суждено было сбыться в условиях Карибского кризиса и возвращения к гонке вооружений, – чего нельзя было предвидеть летом 1961 года.

Хрущеву «удалось набрать очки» в создании благоприятного образа Советского Союза на Западе, а для самого Гагарина визит был настоящим триумфом: он подтвердил дипломатические способности космонавта и позволил ему сыграть политическую роль, которая не была для него пока еще обременительной. Однако долговременным результатом его визита в Великобританию – и Гагарин мог бы быть особенно доволен этим – было чувство идеализма и надежды, которое космонавт пробудил в сердцах и умах британцев. Визит преодолел суровые реальности эпохи холодной войны и наметил перспективы на будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Метровикерс (*Metro-Vickers factory, Metropolitan Vickers Electrical Company Ltd*) – машиностроительная компания, выпускавшая широкий спектр продукции, включая генераторы, паровые и газовые турбины, трансформаторы, электронику, высокотехнологичное оборудование и железнодорожное оборудование. В послевоенный период на предприятии работало более 20 тысяч человек. См. также: *Scott J.D.* Vickers: A History. London: George Weidenfeld and Nicolson Ltd., 1963; *Gillham J.C.* The Age of the Electric Train: Electric trains in Britain since 1883. London: Ian Allan Ltd., 1988. (*Прим. ред.*)

2 Владислав Гомулка (*Gomulka*) (1905–1982) – польский политический деятель. В 1956–1970 – перый секретарь ПОРП, известен либеральными реформами, в том числе прекратил преследование Римско-католической церкви, смягчил цензуру. (*Прим. ред.*)

3 Эрлс Корт (*Earls Court Exhibition Centre*) – крупный центр для проведения выставок и конференций. Открыт в 1937 году, находится в центральном Лондоне. (*Прим. ред.*)

ПОРТРЕТЫ: СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТИХОТВОРЕЦ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ЛОНДОНЕ В 1770-Е ГОДЫ

Энтони Кросс

Василий Петров (1736–1799) впервые привлек внимание Екатерины и ее вельмож своей «Одой на великолепный карусель» (1766), написанной в то время, когда он был учителем в Славяно-греко-латинской академии. Вызванный в 1769 году в Петербург, Петров был назначен переводчиком кабинета ее величества и чтецом императрицы. По-видимому, Петров еще в Москве страстно желал отправиться в заграничное путешествие, и в 1771 году в конце-концов ему это было императрицей разрешено. Он отправился в Англию в качестве воспитателя молодого Галактиона Силова, где им было суждено прожить три с лишним года. По возвращении Петров был назначен библиотекарем императрицы и оставался при екатерининском дворе до 1780 года, после чего удалился в свое имение, а зимы до самой смерти проводил в Москве. Жалование сохранялось за ним и в отставке, и он продолжал писать оды на всякие события общественного или военного значения. Однако сразу же после смерти императрицы Павел I прекратил выплаты пенсии, и Петров умер в крайней бедности.

Годы, проведенные Петровым в Англии, были важным и интересным временем его жизни, но до сих пор все комментарии по этому поводу носили самый поверхностный характер. Источником сведений для литературоведов явились записки сына поэта, Язона (1818). Я. Петров писал: «При отправлении в 1772 году Силова в Англию <Екатерина> соблаговолила послать и Петрова,

определяя ему достаточное содержание. Здесь, скоро обучась английскому языку, он перевел поэму Мильтона “Потеряный рай”. Здесь сочинил он многие шутливые и поучительные письма и снискал дружбу ученых британцев, которые тогда сняли портрет его. <...>» [1]. В общем, все что было известно о пребывании Петрова в Англии сводится к рассказу его сына, нескольким письмам Петрова и его товарища Силова да нескольким поэтическим произведениям, бесспорно написанным в Лондоне[2]. Были еще беглые упоминания[3] о двух людях, англичанине и русском, которых Петров знал в Лондоне. Имеется также интересное упоминание о герцогине Кингстонской, с которой, как предполагалось, Петров и Силов ездили во Францию перед возвращением в Россию, и о неназванном посольском священнике[4].

Поэт Василий Петрович Петров

Священник этот – Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815) – был, пожалуй, одной из главных фигур русской общины в Лондоне в конце 60-х и в 70-е годы XVIII века. Сын украинского священника, он обучался в Харьковской духовной академии, откуда прибыл в Лондон, чтобы служить в посольской церкви и одновременно изучать английские методы сельского хозяйства. После возвращения священника о. Ефима Дьяковского в 1768 году в Россию Самборский стал настоятелем посольской церкви и был им до 1779 года, когда Екатерина отозвала его на родину с целью создания в России школы практического сельского хозяйства. Этот проект был осуществлен только при Павле: Екатерина отправила Самборского сопровождать цесаревича Павла с супругой в путешествии по Европе; затем он был назначен законоучителем к великим князьям Александру и Константину, а с 1788 года служил первым протоиереем в церкви Святой Софии близ Царского села. Вспо-

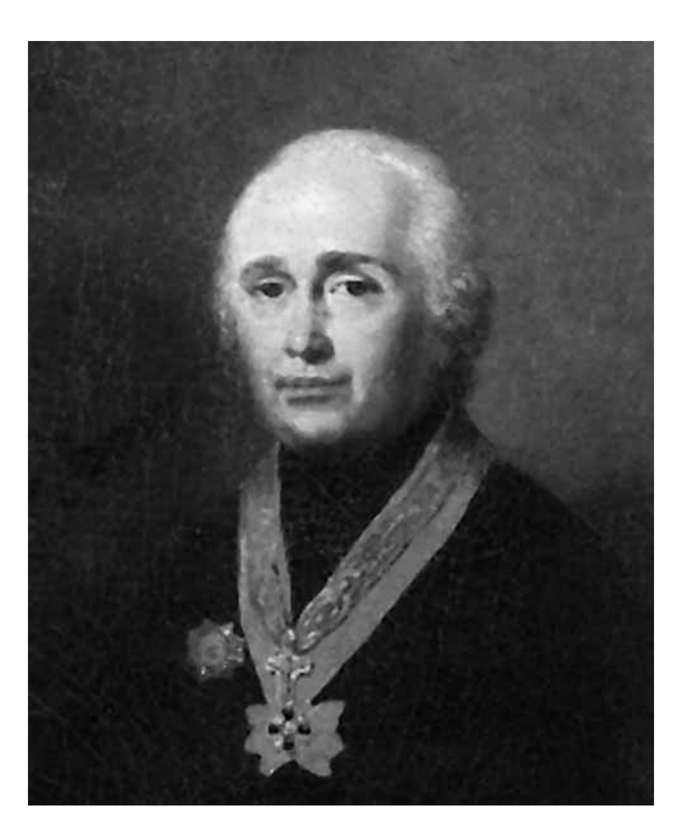
миная лондонские годы, Самборский в письме 1804 года писал: «По совершении священной должности в храме, все прочее время употреблял я для приобретения не собственной пользы, а блага общего – успехов российских художников, кораблестроителей, мореходов, земледельцев, пользуясь всеми возможными случаями и способами»[5]. Именно попечению Самборского были поручены в 1772 году Петров и Силов. Уважение и любовь, которую он им внушил, видны из письма Силова Екатерине: «Еще осмелюсь одобрить вашего здешнего священника, которому я имею великие обязательства и который своей добродетелью и ревностию к России всеми любим и почитаем». Чувства, которые Петров питал к Самборскому, он выразил в пяти письмах, написанных ему в период 1774–1779 годов – документы сохранились в архиве Самборского в Пушкинском Доме в Петербурге. В этом богатом архиве содержится множество писем Самборскому от русских, получивших от него помощь, иногда в форме быстрого выполнения их поручений из России, иногда же – прямо в Англии. На основе этих писем можно не только добавить ряд деталей к биографиям Петрова и Силова, но и представить себе в целом ту замечательную группу русских, которые находились в Лондоне в начале 70-х годов.

Петров вернулся в Россию весной 1776 года. Петров, но не Силов, так как есть основания предполагать, что Силов скончался во время этого путешествия. В числе 18 писем, посланных Самборскому Николаем Семеновичем Мордвиновым между 1774 и 1805 годами, есть письмо, в котором говорится о смерти Силова. Там сказано следующее: «Я без слез не могу вспомнить любезного Силова. Боже мой, какая потеря. Никогда мы, друзья его, не будем утешены: прямо часть нашего благополучия пропала. Я на этих днях только смерть его узнал; и совсем нещастлив сделался. Раз по пяти в день не могу удержаться от слез. Вот удар первый, что сердце мое чувствует; вот горечь истинная, что я ощущаю теперь. Я так сегодня тронут сим нещастием, что распух весь от слез. А! Батюшка, он умер, но мы его век не забудем; он мертв, но жив для нас; мы его будем видеть в небесах, как видели его в отдаленности на земли. С каким прискорбием обращаю <*оторвано* – свой взор?> я на Петрова. Какая печаль, какой удар для него. Боже мой, может ли быть что прискорбнее, как класть своими руками друга своего в гроб и зарывать замлею того, к которому сердце приложено. <...>»[6]. По-видимому, Мордвинов писал Самборскому из какого-то европейского города или порта. Тут же он пишет, что надеется снова увидеть Самборского в Лондоне в ближайшем будущем.

Здесь нужно прибавить еще кое-что о Силове (1754?–1776), этом «чудесном юноше», возникшем как бы ниоткуда и вскоре исчезнувшем, очаровывавшем, вероятно, каждого, кто его знал. По достоверному предположению И.Ф. Мартынова, Силов был молочным братом цесаревича Павла Петровича, а имя Галактион происходило от греческого «молоко»[7]. Из писем Силова к Екатерине следует, что он был сиротой, но имел в Москве братьев, для которых испрашивал покровительства императрицы[8]. Самое раннее упоминание о Силове встречается в письме Екатерины от 14 декабря 1768 года, написанном вскоре после того, как доктор Димсдэил успешно привил императрице оспу. Она описывает свое восхищение Александром Даниловым, сыном Оспиным, от которого ей была привита оспа[9]. По-видимому, Силов, которому в то время было 12–13 лет, был пажом при дворе; лет шесть спустя Петров и другие говорят о нем как о юноше, еще не созревшем физически и духовно. В Лондоне Силов изучал математику, «мою жену», как он шутливо писал Екатерине, и английский язык, которым он вскоре овладел настолько, что мог наслаждаться произведениями Аддисона. Два послания Петрова к Силову, написанные в Лондоне, из которых ясно, что Силов, как и сам Петров, был незнатного происхождения, показывают любовь Петрова к его подопечному (Петров по отношению к Силову усвоил себе роль наставника). Оба, и зрелый поэт (Петрову тогда пошел 37 год) и юноша Силов были, надо полагать, не только хороши собой, но очень человечески привлекательны; к тому же несомненный талант Петрова и его широкая образованность не могли не производить впечатления. Во многих письмах к Самборскому, написанных в начале 70-х годов, авторы писем передают приветы Петрову и Силову. Русский посол, А. Мусин-Пушкин, обращается к Петрову: «Любезный друг мой Василий Петрович»[10]. Петров, видимо, был в хороших отношениях и с другими сотрудниками посольства. В одном письме к Самборскому он вспоминает про «милого друга Ивана Татищева», а в одном из следующих – о Михаиле Ивановиче Татищеве. Иван был переводчиком посольства, а его брат занимал должность актуариуса. Интересно отметить, что «наказ» Екатерины, который восхвалял Петров в оде «На сочинение нового уложения», был переведен на английский язык Михаилом Татищевым. Иван Татищев также был переводчиком с французского и английского и опубликовал в 1790 году свой перевод «Семи речей, произнесенных в Королевской Академии» сэра Джошуа Рейнольдса (Лондон, 1778). Среди прочих членов посольства, с которыми Петров, без сомнения, познакомился, фигурирует талантливый Михаил Иванович Плещеев, который

позднее, с 1775 года, начал публиковать ряд интересных переводов с английского под псевдонимом «Англоман».

За три года, которые Петров провел в Лондоне, там побывали еще несколько русских: одни там учились, другие приезжали как путешественники. Кроме Мордвинова, из известного мне списка в восемнадцать человек следует назвать студентов Оксфорда В. Никитина и П. Суворова[11], граверов Г. Скородумова и Ф. Степанова, студента-медика в Эдинбурге А. Италинского и «знатных путешественников» – графа В. Орлова, князя Г. Гагарина, барона Г. Строганова, А. Нарышкина и Н. Демидова. Доказано, что Петров встречался или был известен почти всем этим лицам, представляющим тот широкий круг знакомств, который он имел не только в Лондоне, но и в России. Не стоит забывать, что, водя дружбу со знатными, Петров сохранял дружеские отношения и с людьми более низкого общественного положения.

Андрей Афанасьевич Самборский, 1790-е годы (с портрета Боровиковского)

Из всех русских, с которыми Петров встречался в Лондоне, обратим внимание на троих, тесные отношения между которыми сохранялись и после возвращения в Россию. Двое из них – В. Никитин и П. Суворов – сыновья бедных священников, как и сам Петров. Имена троих друзей знаменательным образом соединились, когда несколько лет спустя, 17 ноября 1783 года, все они были приняты в члены только что организованной Российской академии. И действительно, их объединяла не только дружба, но и сходные взгляды на литературу и язык: хотя Никитин и Суворов известны главным образом благодаря их работам в области математики, познания и интересы их были об-

ширны и глубоки. Во множестве работ они доказывают богатство русского языка, систематически заменяя, даже в математических трудах, иностранные слова русско-славянскими. Третий русский, с которым не только Петров, но и Суворов и до некоторой степени Никитин были в самых дружеских отношениях, – это Мордвинов. О том, как любил Мордвинов Петрова и Силова, уже говорилось; дружеские связи, соединявшие Мордвинова с Петровым, сохранялись всю жизнь. Пушкин в своей оде, посвященной Мордвинову (1827), справедливо говорит: «Не вотще Петров тебя любил». Ода Петрова Мордвинову вышла отдельным изданием в 1796 году и была панегириком другу в то время, когда в Петербурге на Мордвинова нападали и клеветали враги. В 1797 году, когда его неприятности кончились и он был возведен в чин адмирала, Мордвинов установил в городе Николаеве, где базировалось Черноморское морское управление, печатный станок с помощью московского печатника С. Селивановского (которого ему рекомендовал Петров). В числе первых произведений, отпечатанных на николаевском станке, была ода Петрова на коронацию Павла – характерное для Мордвинова проявление благодарности и уважения другу[12]. В 1798 году Суворов, который за три года до этого ушел из Кадетского морского корпуса, вернулся на службу по настоянию Мордвинова, – на этот раз в качестве профессора английского языка в штурманском училище в Николаеве. Не прошло и года после того, как Мордвинов и Суворов воссоединились, когда их друг Петров скончался в Москве. Но они его не забывали, о чем свидетельсвует письмо Суворова

Виды Лондона 1770-х годов: Королевская сокровищница, конюшни Королевского конногвардейского полка и Банкетный зал (гравюра из «Harrison's A New And Universal History, Description and Survey Of The Cities Of London And Westminster»)

Мордвинову от 1812 года о посещении могилы «почтенного друга нашего Василия Петровича»[13].

Лондонские годы, таким образом, были важным временем в биографии Петрова, потому что здесь завязывались, иногда на всю жизнь, его дружеские отношения с некоторыми русскими людьми, и – без сомнения – он проводил с русскими много времени. Однако его очень заинтересовала Англия, английская литература, английские учреждения, и он старался создать себе круг английских знакомств. Это не могло представлять особых трудностей, тем более что в отце Самборском он имел друга, обладавшего множеством связей с англичанами.

В письмах к Самборскому Петров упоминает преподобного Джона Форстера, давнего друга священника. Это была оригинальная личность. Россией он заинтересовался с первого же приезда, еще в елизаветинское царствование, когда он был личным капелланом графа Хиндфорда – британского представителя в Петербурге с конца 1744 и до конца 1749 года. В 60-е годы Форстер – преподаватель истории у русского дворянина по имени Арсеньев; он рассказывает ему повесть, впоследствии опубликованную в «Паблик Леджер» (25 октября 1777 года)[14]. В Петербурге Форстер оставался до самой смерти. Он умер в июне 1781 года в преклонном возрасте– ему было 84 года. В 1720-е и 1730-е годы Форстер был гувернером Эдварда Уортли Монтэгю (1713–1776), а через год после смерти своего бывшего воспитанника он не только поведал свету о его бурной молодости, но и заявил о своих правах на авторство «Размышлений о возвышении и падении древних республик, применительно к современному положению Великобритании», изданных в 1759 году под именем Монтэгю. Петров и Самборский входили в число тех многочисленных русских людей, которым была известна эта претензия. После смерти Форстера кипа рукописей была обнаружена членами английской семьи Бентамов. Эту семью Форстер знал много лет и в 60–70-е годы постоянно ей представлял своих русских друзей в Лондоне.

В 1768 году Форстер представил Иеремии Бентаму и его сыновьям Иеремии и Сэмюэлю братьев Татищевых и Самборского, с которыми они спорили о Екатерине и в особенности о ее «Наказе». Иеремия оставил интересный рассказ о том, как Татищевы оспаривали заслуги Монтескье: «Спор шел о главных принципах, что было главной бессмыслицей: шла постоянная игра словами, которым они не могли дать определения и которым каждый приписывал другое значение, – такими как “честь”, “добродетель”, “страх”; честь, по их мнению, – любовь к своей репутации или к той власти, которой может достичь человек;

добродетель – восхищение республиканским образом правления». Естественно, что когда Петров прибыл в Лондон, Форстер и Самборский должны были ввести его в бентамовскую семью. В переписке Бентамов их встречи и споры с Петровым не отражены; он упомянут впервые тогда, когда, уже вернувшись в Петербург, стал библиотекарем императрицы и, с точки зрения Бентамов, занял положение, наилучшим образом позволявшее ему передавать императрице те проекты, к которым Бентамы хотели привлечь ее внимание[15].

В своем письме от 21 июня 1777 года Петров называет еще одного англичанина, у которого был столь же, если не более, широкий круг знакомств, как у Бентамов и Форстера, – Джона Парадиза. «Джон Парадиз – ученый, не написавший ни одной книги, член Королевского общества, не поставивший ни одного опыта, широко известный лингвист, не слишком хорошо говоривший на языке страны, в которой жил, доктор гражданского права Оксфордского университета, весьма мало знавший о праве, философ, чья домашняя жизнь была трагической ошибкой, поклонник Свободы, бывший рабом своего окружения и своей жены. Человек, рассуждавший умно и действовавший глупо или не действовавший вовсе. Человек, насчитывающий среди своих ближайших друзей многих величайших государственных деятелей Англии и Америки, знакомый, вероятно, с большим количеством интеллектуалов континентальной Европы, чем любой англичанин – его современник, и который мог предложить всем только свое широкое гостеприимство, личное обаяние и гений дружбы»[16]. К этим словам его биографа остается добавить, что последние тридцать лет своей жизни он был тесно связан с русской общиной в Лондоне, благодаря тому, что исповедовал православие и был задушевным другом Самборского, его приемника Якова Смирнова, а с 1785 года – и русского посла в Англии графа Семена Романовича Воронцова, который искренне оплакивал его смерть в 1796 году[17]. Парадиз был тем человеком, через которого русские знакомились с выдающимися фигурами лондонского общества. Только дружбы с одним Парадизом было достаточно для Петрова, чтобы изучить английскую политическую и культурную обстановку во всех подробностях.

Петров жил в Лондоне в то время, когда и в литературе, и в политике происходили интересные и значительные события. Сэмюэль Джонсон, близкий друг Джона Парадиза, в начале 1770-х годов был в зените славы. Знаменитый «Клуб», основанный в 1764 году, оставался местом встреч выдающихся представителей литературного и культурного мира, таких как Джеймс Босвелл,

сэр Джошуа Рейнольдс, Оливер Голдсмит, Эдуард Гиббон и Эдмунд Берк. Берк издавал изложенные изящной прозой речи в парламенте, включая речь «Об американском налогообложении» (1774), Рейнольдс читал в королевской Академии свои президентские лекции, за первый том которых, опубликованный в 1778 году, он заслужил золотую табакерку от Екатерины (перевод на русский язык Ивана Татищева). Петров внимательно следил за литературными и политическими событиями в России. Сведения о них он мог получить как от русского посла, так и от путешественников, приезжающих из России. Английские газеты печатали сообщения о турецкой войне и Пугачевском восстании. К тому же всюду говорили и об английских мятежниках в Америке.

Петров вернулся в Россию, не только завязав большое количество знакомств с важными и влиятельными англичанами, но и хорошо познакомившись с разными аспектами английской жизни: он полюбил английский язык, что передалось и его сыну, и навсегда сохранил интерес к английской литературе, о чем свидетельствует просьба к Самборскому купить книги (письмо от марта 1778 года). Будучи в отставке, он занялся деятельностью, в которой сказалось внелитературное влияние Англии. Его сын пишет: «Отдохновением от ученых занятий жертвовал он сельскому хозяйству, в усовершенствовании которого он во многом следовал англичанам, выписывал их земледельческие орудия и некоторых крестьянских детей обучал грамоте»[18]. В этом Петров был верным учеником прежде всего Самборского, который, вероятно, больше всех старался распространить новые английские сельскохозяйственные методы по всей России[19].

Примечания

1 Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения. Ч. 1. 1818. № 1. С. 129.

2 В том числе послания «Галактиону Ивановичу Силову» («Счастливое дитя незнатного отца» и «Так, Силов рассвело! Воспарянем ото сна»), «Григорию Григорьевичу Орлову» («Усердный своего отечества любитель»), «К... из Лондона», «К Екатерине Великой» («Прости, Монархиня, я в мыслях потерялся») и «Поэма на победу российского воинства».

3 Труды Вольного общества... С. 116–138; *Шляпкин А.И.* В.П. Петров, карманный стихотворец Екатерины Второй (1736–1799)//Исторический вестник. 1885. № 11.

4 *Шляпкин А.И.* В.П. Петров... С. 390, 402. На самом деле Петров ездил по Италии с герцогиней Кингстонской (1720–1788) в 1773–1774 годах и вернулся в Лондон в июле 1774 года.

5 Русский биографический словарь. Сабанеев-Смыслов. СПб.,1904. С. 148.

6 Санкт-Петербург, ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, н. 18, л. 25–26.

7 *Мартынов И.Ф.* Записки о В.П. Петрове и его пребывании в Англии (Новые материалы)//Study Group of Eighteenth Century Russia Newsletter. 1979. № 7. P. 29–31.

8 *Шляпкин А.И.* В.П. Петров... С. 390.

9 Русский архив. 1871. № 9. С. 1321–1322. В публикации не указано, что имеется в виду именно Силов.

10 ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ст. хр. 130, № 1, п. 1.

11 Василий Никитич Никитин (1737–1809) и Прохор Иванович Суворов (1750–1815) могли встречаться с Петровым в Лондоне, ибо ежегодно на Пасху приезжали туда исповедоваться Самборскому: но Никитин знал Петрова еще с тех времен, когда они были учителями в Славяно-греко-латинской академии, где Никитин преподавал древнееврейский язык, а Петров – поэтику и риторику. Никитин упоминает Петрова в письме к Самборскому из Оксфорда (18 ноября 1773) и, что важнее, в более позднем письме от 27 сентября 1778 года, когда Никитин и Суворов служили учителями в Морском кадетском корпусе. (ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 104, н. 3, л. 1, 4 об.).

12 См.: *Cross A.G.* Printing at Nikolaev, 1798–1803//Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. Vol. VI. 1974. № 3. P. 149–157.

13 Архив графов Мордвиновых. Т. 4. СПб., 1902. С. 277. Публикатор ошибочно полагает, что упомянутый Петров – это художник Петров (1770–1811).

14 The Dairy of Sylas Neville. 1767–1788. London, 1950. P. 31, 32.

15 The Correspondence of Jeremy Bentham. Vol. 11. London, 1968. P. 115.

16 *Shepperson A.B.* John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Virginia, 1942. P. 5.

17 *Struve G.* John Paradise – Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian *Agent*// The Virginia Magazine of History and Biography, 1949. Vol. LVII. № 4. P. 355–375.

18 Труды Вольного общества... С. 137.

19 Эта статья является кратким и переработанным вариантом статьи, впервые опубликованной в Сб. 11 XVIII век. Л., 1976. С. 229–246.

РУССКИЕ СУДЬБЫ В ПОМЕСТЬЕ КЕНВУД

Материалы предоставлены музеем-усадьбой Кенвуд, литературная обработка Натальи Агеевой

На севере Лондона в Хэмпстед Хит находится изящный белый особняк Кенвуд-хаус, удачно расположенный на холме посреди этого лесопаркового массива. Обращенный фасадом к центру Лондона, он смотрит окнами на прекрасные магнолии, растущие перед ним, на стремительно спускающуюся вниз по склону зеленую открытую поляну, на которой так любят играть дети и устраивать пикники взрослые, на небольшое искусственное озеро с декоративным мостиком, белеющим на фоне лесной зелени, совсем в духе Джейн Остин[1].

Сам же дом является образцом архитектуры дома-усадьбы XVIII века[2]. После приобретения поместья сэром Мюррэем, первым графом Мэнсфилдом, дом был полностью перестроен в стиле неоклассицизма по проекту выдающегося шотландского архитектора Роберта Адама, и библиотека дома стала великолепным образцом английского классического интерьера XVIII века. В настоящее время музей Кенвуд-хаус хранит известную коллекцию живописи, включающую работы блестящих представителей голландской и фламандской школ XVII века – Рембранта, Вермеера, Хальса, а также знаменитые портреты кисти английских художников Гейнсборо, Рейнольдса и Ромни. Дом и собрание картин в 1927 году завещал в дар британской нации последний владелец Кенвуда – лорд Айви из семейства пивоваров Гиннес.

Но Кенвуд-хаус – не только архитектурный ансамбль и картинная галерея – это и дом, в историю которого вплетены непростые человеческие истории. Для русских этот дом особенно интересен тем, что в нем с 1910 по 1917 год жил, арендуя поместье

для своей семьи, наш соотечественник – великий князь Михаил Михайлович Романов (1861 –1929).

Великий князь Михаил был пра-правнуком Екатерины Великой, внуком царя Николая I и троюродным братом Николая II, последнего русского царя. Великий князь родился в Петергофе, достиг звания генерал-лейтенанта Кавказского лейб-гвардии Егерского полка и стал кавалером ордена Черного орла. Высоко-

Поместье Кенвуд сегодня

го, с выразительными чертами лица и маленькой греческой бородкой князя прочили в женихи Марии, принцессе Текской. Но этому не суждено было состояться, и она вошла в историю как королева Мэри, жена короля Георга V. Великий князь Михаил «женился по любви» на внучке Александра Сергеевича Пушкина, Софье, графине Меренбергской (позднее получившей титул графини Торби). Брак был морганатическим, и в 1891 году они были вынуждены покинуть Россию. С тех пор они с женой жили в резиденциях за границей, путешествуя по Франции и Англии. Позднее они поселились постоянно в Англии в Кил Холле в графстве Стаффордшир, а зиму проводили на Каннской вилле. По данным журнала «Ледис реалм» за 1907–1908 годы, к тому времени императорский указ о высылке четы из России был отменен, однако супружеская пара предпочла остаться в Англии, так как положение «очаровательной леди, которую великий князь сделал своей женой, было бы менее приятным в России, чем здесь или на Ривьере, где он и графиня Торби являлись некоронованными королем и королевой светского общества».

Точно неизвестно, почему князь выбрал Кенвуд в качестве своей следующей резиденции в Лондоне, но он был не первым членом царской семьи, посетившим и восхищавшимся этим поместьем. В запасниках Государственного Эрмитажа в Петербурге хранится чаша с видом Кенвуда, изготовленная в память о визите в поместье в 1818 году великого князя Михаила Павловича, внука Екатерины Великой и брата Александра I и Николая I. Двадцатилетнего великого князя в том европейском турне сопровождал сэр Уильям Конгрив (близкий компаньон британского принца-регента). Чаша, хранящаяся в Эрмитаже, является частью сервиза для завтрака из Чемберлен-вустерского фарфора, полученного высоким гостем в подарок в память об этом визите.

Так или иначе, великий князь Михаил и его супруга решили поселиться в Кенвуде, и переговоры с шестым графом Мэнсфилдом начались в июне 1908 года. В результате неторопливой британской процедуры подписания договора только 1 марта 1910 года великий князь Михаил переехал в Кенвуд. Был подписан договор об аренде полностью меблированного дома сроком на 21 год, и ежегодная рента составила 2 200 фунтов стерлингов.

Чета переехала в Кенвуд, и он снова стал семейным домом, где воспитывались трое детей и устраивались грандиозные приемы. В 1913 году в журнале «Кантри лайф» появилась статья на восьми страницах, посвященная «Кенвуду в Хэмпстеде, резиденции его императорского высочества, русского великого князя Михаила», в которой отмечалось, что присутствие великого князя вернуло Кенвуду его общественную значимость и прежнее величие. Девять иллюстраций великолепно меблированных комнат (какими они были до аукциона 1922 года) стали с тех пор бесценным историческим документом. Роскошные интерьеры Кенвуда того времени запечатлены также в серии фотографий, которые посетители Кенвуда могут увидеть сегодня в верхнем зале, в комнате для завтраков и в музыкальной комнате. В последней сохранился написанный маслом портрет великого князя работы Галеото.

Жизнь великого князя в Кенвуде широко освещалась британскими газетами. 11 марта 1911 года иллюстрированная газета «Грэфик» писала: «После женитьбы великий князь стал чужим в своей стране, однако здесь он является фаворитом королевской семьи, а его старшая дочь Анастасия (Зия) Торби, рожденная в 1892 году, будет дебютанткой[3] в этом сезоне». На более грустной ноте корреспондент добавлял, что, если бы не морганатический брак с Софьей, великий князь «мог бы теперь жить не в Кенвуде и любоваться Невой вместо прудов в Хэмпстед Хит».

Свидетельством блестящего и космополитичного мира, который супруги привнесли в жизнь Кенвуда, стала еще одна публикация в газете «Хэмпстед энд Хайгейт Экспресс» от 13 июня 1914 года, где описывались роскошный обед и бал, на котором присутствовали британские король и королева, а также весь цвет аристократического общества. «Великолепная территория Кенвуда была ярко освещена, подъезд к дому был обрамлен мириадами волшебных электрических лампочек, анфилада комнат была со вкусом украшена разноцветными поинсеттиями, гортензиями и другими отборными цветами; в оранжерее, утопающей в массе рододендронов различных оттенков... весь вечер играл венский оркестр под управлением герра Вурма». Стол для ужина был накрыт на террасе, отделанной розово-зелеными драпировками с золотым карнизом, с видом на озеро.

Так выглядел Кенвуд-хаус более двухсот лет назад (гравюра XVIII века)

Великий князь был активным участником жизни местного общества и поддерживал благотворительность. В 1912 году он стал Почетным главой Хэмпстедского госпиталя и в следующем году подарил госпиталю автомобиль скорой помощи, первую такую машину в Лондоне за пределами Сити. В июле 1914 года великий князь Михаил, в сопровождении своей жены и двух дочерей Зии и Нади, открыл новый трамплин для прыжков в воду на Хайгейтских прудах. Трамплин предназначался для тренировки спортсменов перед Олимпийскими играми, однако играм не суждено было состояться из-за начавшейся войны.

Когда началась Первая мировая война, великий князь, его жена и дочери живо откликнулись на нужды фронта и организовали кампанию по сбору 500 000 пар носков и перчаток для Британского экспедиционного корпуса. Вместе с женой, в сопровождении актрисы Элен Терри, великий князь принял участие в благотворительном мероприятии, кинопоказе организованном для сбора средств для фронта в Хайгейт Электрик Пэлас. По предложению великого князя и лорда Мэнсфилда в Кенвуде был расквартирован

военный госпиталь, а в ноябре 1915 года в конюшенном корпусе была размещена мобильная бригада зенитчиков под командованием Роулинсона, капитана Королевских военно-морских сил. Жизнь офицеров и солдат, размещенных в казармах, переоборудованных из конюшен, была организована по-морскому: они спали в гамаках, которые каждое утро убирались, как на борту корабля. Хозяин Кенвуда, как мог, старался скрасить свободное время военных: он предоставил им для игры поле для крикета, а также дал возможность пользоваться полем для гольфа, которое в 1909 году было заново обустроено за южной частью леса специально для великого князя, большого любителя гольфа и почетного президента Каннского гольф-клуба.

Великий князь Михаил Михайлович Романов и его жена Софья (оригинал хранится в библиотеке Американского Конгресса)

Страницы истории Кенвуда, связанные с военным периодом, вызывают особый интерес у британцев. Немецкие войска бомбили Лондон с дирижаблей «Цеппелин», и бригада зенитчиков, расквартированная в Кенвуде, была образована для защиты Лондона от бомбежек. В распоряжении бригады были 75-миллиметровые французские автоматические пушки и 3-дюймовые английские орудия, специально приспособленные к стрельбе под большим углом, устанавливавшиеся на прицепах или грузовиках типа Лансиа. Бригада достаточно прочно обосновалась в Кенвуде, и 5 декабря 1915 года на территории поместья был устроен смотр и парад отряда, имевшего на вооружении семь установленных на грузовиках орудий, два мобильных прожектора, четырнадцать автомашин и различное оборудование, включая телефонные системы связи; парад принимал адмирал сэр Перси Скотт. Во время ночных рейдов орудия вывозили на самое высокое место в Хэмпстед Хит (самая высокая точ-

ка Лондона. – *Прим. ред.*) и в другие районы. Капитан Роулинсон позднее опубликовал свои мемуары, в которых он вспоминал искренне, безо всякой иронии, то удовольствие которое ему доставляли завтраки с великим князем и его дочерьми после отражения наиболее интенсивных воздушных налетов: «У меня вошло в привычку после особенно напряженных дежурств приходить в дом великого князя в Кенвуде, где меня радушно принимали, и за завтраком рассказывать о различных происшествиях, произошедших за ночь. Во время таких встреч контраст между счастливой семейной атмосферой этого дома и той, которая царила в несчастных районах, где в основном велась наша служба, был разительным. Без сомнения, после несения вахты во время налетов, в ужасных условиях лондонского Ист-Энда, завтраки за великолепным столом с великим князем доставляли особое наслаждение; поразительная красота и очарование дам, а также глубокий интерес, который все проявляли к военным событиям, происшедшим за ночь, только усиливали этот контраст, о чем я навсегда сохраню яркие и приятные воспоминания». Орудия в Кенвуде задействовались несколько раз, однако позднее было принято решение о перемещении зенитной части дальше от Лондона, так как не всегда хватало времени вовремя подготовиться к налетам. Однажды сигнал к бою был дан за такое короткое время, что орудие пришлось готовить к действию посредине конюшенного двора. В августе 1916 года бригада была перебазирована в Норфолк, с тем чтобы с побережья препятствовать полетам цеппелинов вглубь страны.

Великий князь с детьми в Кенвуде

Через несколько месяцев, в ноябре 1916 года в Кенвуде состоялся прием по поводу бракосочетания младшей дочери великого

князя графини Нади с принцем Георгом Баттенбергским, двоюродным дядей принца Филиппа. Гостями были король Георг, королева Мэри и другие члены королевской семьи. В следующем году, 20 июля 1917 года, в королевской часовне дворца Сент-Джеймс, старшая дочь великого князя, графиня Зия венчалась с Гарольдом Вернером (впоследствии сэр Гарольд Вернер, баронет Лутон-Ху)[4]. По свидетельству журнала «Тэтлер», на свадьбе присутствовали «члены королевской семьи и многочисленные представители аристократии».

Великий князь и графиня Торби покинули Кенвуд незадолго до свадьбы старшей дочери Анастасии, завершив пребывание своей семьи в этом поместье. Теперь, когда будущее его двух дочерей в английском обществе было надежно обеспечено, великий князь счел возможным поселиться в центре Лондона, в Кембридж Гейт в районе Риджентс-парка.

Впоследствии, в результате революции, в России великий князь потеряет своего брата – великого князя Георгия, троюродного брата – царя Николая II, других родственников и свое состояние. Великий князь умер в 1929 году на Йорк-террас, Риджентс-парк и похоронен на Хэмпстедском кладбище, расположенном на Форчун Грин роуд, в том же административном районе Кэмден, где находится и Кенвуд-хаус. Там же похоронены его жена и сын – граф Михаил Торби[5].

Но на этом связь Кенвуда с Россией не заканчивается. Через некоторое время поместье арендовала некая Нэнси Лидс (урожденная Стюарт). Ее муж Уильям Лидс был магнатом, производителем листового олова в Америке, оставившим вдове состояние в 8 миллионов фунтов. Их сын Уильям В. Лидс младший получил прозвище «Оловянный Крез» как обладатель несметных богатств. В 1922 году он женился на принцессе Ксении, племяннице великого князя Михаила, младшей дочери великого князя Георгия Михайловича. Когда в Европе появилась Анна Андерсон, объявив себя уцелевшей при расстреле царской семьи великой княжной Анастасией, она нашла поддержку принцессы Ксении, но не ее мужа. Уильям Лидс и принцесса Ксения развелись в 1930 году, и эти разногласия стали одной из причин их развода. Принцесса уехала из Кенвуда и впоследствии вышла замуж за греческого принца Христофора. Ксения, будучи частью лондонского высшего общества, арендовала знаменитый особняк Спенсер-хаус, расположенный в Грин-парке, по соседству с Букингемским дворцом.

Кенвуд-хаус бережно хранит в своих архивах документы, свидетельствующие о жизни членов российской императорской фамилии и потомков семьи Пушкина. Неслучайно уже в наше

время именно Кенвуд-хаус стал местом проведения камерных концертов-вечеров русской классической музыки «Рашэн Найтс» с участием известных российских музыкантов, которые возродили светскую атмосферу и «русский дух» княжеских вечеров, когда в наполненной светом люстр Оранжерее собирались гости и звучала русская музыка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Английский парк на территории Кенвуда является творением Хамфри Рептона, знаменитого мастера садового искусства XVIII века. В настоящее время на территории парка располагаются скульптурные работы мастеров XX века Реджинальда Батлера, Барбары Хэпуорт и Генри Мура.

2 Построенный во второй половине XVII века, но после приобретения его первым графом Мэнсфилд сэром Мюррэем полностью перестроенный во второй половине XVIII века.

3 Дебютантка – девушка из привилегированных кругов, которую вводят в светское общество на специально организованном балу. (*Прим. ред.*)

4 Замечательная коллекция ювелирных изделий Фаберже, чем так в свое время славилась коллекция Вернера в Лутон-Ху, первоначально была собрана великим князем Михаилом, который приобрел ее в России, покупая непосредственно у петербургских ювелиров.

5 Михаил Торби был художником, специализировавшимся в области моды и театрального дизайна, умер в 1959 году.

АНГЛИЙСКИЕ УЗОРЫ МОРОЗОВСКИХ СИТЦЕВ. ПАРАДОКСЫ ТЕХНИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КРУПНОЙ РОССИЙСКОЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XIX ВЕКА

Валерий Керов

Широко известно, что британское производство эпохи промышленной революции стало одним из источников индустриализации и в других странах. Однако сам механизм такого участия далеко не исследован. В 30–40-е годы XIX века выходцы из старообрядческого сообщества оказались своеобразным «каналом» проникновения английской индустриальной мысли в Россию. Эти русские промышленники приезжали в Британию, организовывали там свои представительства, налаживали связи с ливерпульскими и манчестерскими фабрикантами. Результатом такого взаимодействия стала самая крупная в России того времени отрасль промышленности – хлопчатобумажная[1].

***

В 1797 году двадцатисемилетний крепостной помещика В. Всеволжского, ткач на предприятии крепостного фабриканта Кононова, Савва Васильев Морозов вместе с женой Ульяной основал маленькую шелкоткацкую мастерскую в селе Зуево Богородского уезда Московской губернии.

К открытию своего первого собственного предприятия Савву привел случай. За два года до этого ему выпал рекрутский жребий. Зарабатывая на фабрике всего 5 руб. в год, чтобы откупиться от пожизненной солдатской службы, Савва взял в долг необходимые деньги у Кононова. Будущий миллионер перешел на сдельную опла-

ту и два года вместе с женой усиленно отрабатывал долг. Получив опыт и привыкнув к упорному постоянному труду, Савва начал собственное дело. Шелковые кружева и ленты Морозов сначала продавал в окрестных селах, а после 1812 года стал носить в Москву, преодолевая пешком по 100 верст от Зуева. Росту прибылей очень помогли события Отечественной войны 1812 года, когда во время пожара в Москве сгорело большинство текстильных мануфактур. В 1821 году он смог выкупить у нового владельца поместья Г. Рюмина себя, отца и 4 своих сыновей за огромную сумму в 17 тыс. руб. В это время на его мануфактуре работало уже 49 работников на 20 станах. В 1825 году Морозов построил еще одну фабрику в Москве с 200 ручными станами и 250 рабочими. Тогда же он выкупил у Рюмина своего младшего сына Тимофея – уже за 20 тыс. руб. В 1830 году зуевская фабрика была перенесена на новое место – на недавно купленную землю в м. Никольском Владимирского уезда и перестроена в товарно-отделочную и красильную фабрики. В 1837 году были построены каменные сукнопрядильная и ткацкая фабрики[2].

Однако ручное производство не обеспечивало желаемого стабильного развития, к которому стремился Морозов. По свидетельству родственников, «настоящий коммерческий гений Морозова проявился в том, что этот отделенный старообрядчеством от европейской культуры, воспитанный на Домострое бывший крепостной понял, что или его дело воспримет все новейшие достижения иностранной техники, или перестанет существовать»[3].

Конечно, мысль о применении зарубежных машин пришла в голову не одному Морозову. Еще в 1827 году механические жаккардовые станы появились у московского фабриканта В. Соколова, а затем у других предпринимателей[4]. В 1838 году на свечном и воскобелильном заводе прихожанина Рогожской общины В.А. Сапелкина впервые в России была введена топка воска парами[5]. В хлопчатобумажном деле в 30-е годы использовались бельгийские и французские станки. И все же такие примеры были немногочисленными, а закупавшиеся станки – дорогими и не очень эффективными.

Савва Морозов пошел другим путем. В 1840 году он поставил в Никольском первый в регионе комплекс машин, состоявший из механических шерсточесальных и прядильных станков и парового двигателя. Но ткали сукно все равно на ручных станах[6]. Дело расширялось в основном за счет развития так называемой «рассеянной мануфактуры». Морозов раздавал пряжу крестьянам окрестных сел, которые выделывали ткани вручную по домашним «светелкам». Это было недостаточно для деятельного и амбициозного предпринимателя, понимавшего необходимость сплошной механизации.

В 1839 году Морозову удалось познакомиться с неким Людвигом Кнопом. Родственники матери Кнопа, в частности А. Фрерихс, являлись совладельцами торговой манчестерской фирмы «Де Джерси». Они смогли устроить 18-летнего юношу представителем этой компании в России, куда сбывались ткани, пряжа и хлопок. Вывоз оборудования из Великобритании был тогда запрещен. Однако Морозов, Кноп и его брат Юлиус, работавший в главной конторе «Де Джерси», смогли заинтересовать английских производителей машин. Видимо, это предложение из России было не единственным, а сами фабриканты машин считали своевременным выход на мировой рынок. Помог и экономический кризис 1842 года. Так или иначе, в результате лоббирования промышленников в этом же году был принят билль об отмене запрета на экспорт английских машин. Кноп сразу же добился монопольного права продажи в России продукции ряда британских фирм, в том числе «Бр. Плат» (станки), «Хик Харгрейвс» (двигатели) и др. «Де Джерси» обеспечила Морозову кредитную линию при приобретении станков и материалов[7].

Торговая марка Т-ва Саввы Морозова Сын и Ко

Морозов, впрочем, не ограничился станками и двигателями. С середины 1840-х годов младший сын Саввы Васильевича Тимофей стал активно помогать отцу. Он неоднократно выезжал в Великобританию с Кнопом, где изучал текстильное производство[8]. С помощью расторопного Кнопа российские текстильщики получили не только технику. Был скопирован ланкаширский вариант текстильной фабрики, и после пуска обеспечивался технический контроль. Через авторитетного в купеческих кругах Морозова Кноп установил связи со многими текстильными фабрикантами Центрального промышленного района, в большинстве своем также старообрядцами. За Морозовым последовали Малютины, Солдатенковы, Хлудовы, Гарелины, Якунчиковы и десятки других российских

фабрикантов. За три десятилетия было построено 122 крупных текстильных предприятия[9]. Появилась поговорка: «Что ни церковь, то поп, что ни фабрика, то Кноп»[10].

Перед самой смертью в 1860 году Морозов преобразовал свою фирму в торговый дом «Савва Морозов с сыновьями» на паях. К 1865 году морозовские капиталы, вложенные в 7 фабрик, обширные земельные угодья и множество торговых лавок, насчитывали 5855 тыс. руб.[11] Однако развитие «ланкаширских» предприятий было таким интенсивным, что уже через 5 лет годовой объем производства только Никольской мануфактуры составлял 5,9 млн руб.[12]

Тимофей Саввич Морозов (фото 1870-х годов)

Все техническое превосходство Морозовских фабрик было основано на британском оборудовании. В первые годы это было оборудование фирмы «Братья Плат и Ко», приобретавшееся через ту же «Де Джерси». Это были надежные машины, но, по отзывам современников, не всегда речь шла о новейших разработках. Кноп «более чем осторожно следовал ланкаширским нововведениям». Некоторые даже критиковали Кнопа за техническую отсталость и за то, что он никогда не стремился к усовершенствованию созданных с его помощью, высокоприбыльных, впрочем, фабрик[13]. Кроме того, материалы и сырье, поставлявшиеся Кнопом, не всегда были высокого качества. Тимофей Саввич Морозов неоднократно писал членам правления и директорам, что следует проверять все поступающие партии хлопка, так как часто они бывают «разного качества»[14]. В результате Тимофей Морозов, ставший фактическим руководителем и главным владельцем Торгового дома, а с 1873 года – Товарищества, не был удовлетворен таким сотрудничеством.

Морозов, как и некоторые другие фабриканты, например, Коншины, решил выйти на британский рынок самостоятельно и органи-

зовал в Англии представительство своей фирмы. Оно было создано в Ливерпуле, который тогда был главным морским портом по торговле хлопком. Ливерпульская контора Морозова закупала оборудование, материалы и хлопок. С помощью своего представительства Тимофей Морозов смог установить деловые контакты в Британии и преодолеть монополию Кнопа и «Де Джерси».

Благодаря ливерпульской конторе, с 1860-х годов разнообразные трепальные, щипальные, промывальные, отжимные, ворсальные, стригальные, надиральные, сушильные, отдувальные, белильные, колотильные, накатывательные, набивные, чесальные и другие машины покупались после тщательного анализа их качества и стоимости у более чем 10 английских фирм. Среди них были «Куртис сын и Ко»[15], «Вольф Хаше и Ко», «Бр. Смитт» и др. Паровые машины закупались у «Музгрев и Сын», «Грин и Сын», «Джон Гаррисон с сыном», «самоткацкие» станки – у «Роберт Холл и Ко» и «Рик Гаврес и Ко». Расширяя связи с английскими производителями, Морозов обеспечивал постоянное усовершенствование предприятия и обновление машинного парка[16].

В ливерпульском представительстве он нанял и умело организовал работу английских специалистов Дж. Аштона, Дж. Росселя, А. Харрисона, Дж. Вольдмана, Т. Торнтона, И. Селлера и др., которые занимались организацией закупок. Работу в Британии контролировал лично Тимофей Саввич. Не отказываясь полностью от сотрудничества с «Де Джерси», он, например, давал указания брать хлопок у других компаний, там, где его качество было выше[17].

Ливерпульская контора Морозова закупала в Великобритании не только оборудование, но и детали к нему, весь слесарный инструмент, болты, гайки, даже сновальные катушки и «бумажные трубочки для мюльных машин»[18]. Но если все машины изготавливались в Великобритании, то производство некоторых компонентов (с 1860-х годов) постепенно создавалось в России – в собственной мастерской при фабриках. Кроме того, в России начали делать необходимые деревянные и кожевенные детали – те же катушки, веретена, ремни и пр. При этом в Англии могло приобретаться небольшое количество новых образцов, которые затем тиражировались на отечественных фабриках. Так, В 1873 году через Ливерпуль было куплено несколько десятков сновальных катушек, а затем фирме Ф. Петрова было заказано более 3,4 тыс. таких катушек[19].

Также в Англии приобретались и образцы тканей, но здесь Морозов в большей степени ориентировался на вкусы российского покупателя. В рисунок и состав ткани вносились изменения: узоры морозовских ситцев крайне редко были английскими буквально.

Схожей была ситуация с персоналом новых фабрик. Поначалу почти весь квалифицированный персонал прибывал из Великобритании. Конечно, Кноп, поставлявший русским текстильщикам британских менеджеров и мастеров, не смог бы привлечь такое количество специалистов. Поэтому мастера занимали должности инженеров, а простые ткачи и прядильщики становились в России мастерами. В ряде случаев бывшие мастера служили на директорских постах[20]. В Никольском их жилища были расположены на одной из центральных улиц, которая получила название «Англичанской».

Английские специалисты сыграли большую роль в постановке производства в первые годы. Так, бумаготкацкой фабрикой в Никольском в 50-х годах руководил английский инженер Штикрос, еще пять англичан заведовали отдельными производствами[21]. Прядильную фабрику с самого начала возглавил механик Я. Александер, за эксплуатацию машин отвечал инженер В. Руттор, производство контролировали мастера В. Шервинг и У. Хойл[22]. Однако уже через 10–15 лет ситуация изменилась. На фабриках все больше использовались российские инженеры и мастера, окончившие отечественные коммерческие и технические учебные заведения и прошедшие стажировку в Англии. На фабриках Товарищества «Саввы Морозова Сын и Ко» в начале 70-х годов осталось не более 10 англичан, в том числе директор прядильной фабрики Д.Ф. Робинсон, 3 механика, чесальный и прядильный мастера и др.[23]

Оклады британцев также несколько сократились по сравнению с первыми годами работы фабрик, оставаясь, впрочем, весьма значительными для России[24]. Оклады, однако, не были единственной формой вознаграждения для британцев. Кроме денег, они получали полное содержание – «харчевые» и прочие припасы, им предоставлялись благоустроенное жилье с бесплатным отоплением, освещением, прислугой, в том числе кучером. Квартиры и дома в случае необходимости ремонтировались за счет предприятия. Инженеры и директоры пользовались загородными дачами и экипажами. Д.Ф. Робинсон, например, имел в своем распоряжении пролетку, коляску, тарантас, шарабан, трое саней и трех лошадей. Реестр бытовых предметов, предоставлявшихся Товариществом, составляет более 150 наименований – от занавесей с бахромой и бокалов до ковров, посуды и «зеркалов». Правда, наблюдалась социальная дифференциация. В квартире механика Р.Х. Монкса не было канделябров и молочника, у механика Дж. Сволло отсутствовали железная ванна и ковры. Зато у директора Робинсона были и тиковые занавеси, и ковры, и канделябры. Кое-какие предметы быта, впрочем, англичане привозили с собой, не доверяя российскому производителю. Тот же Робинсон привез одеяла, полотенца и многое другое,

вплоть до ночной вазы[25]. Несмотря на высокие оклады и содержание, английские специалисты, по словам современников, уезжая, «не знали условий России». Известны случаи конфликтного поведения английских специалистов, иногда принимавшего курьезные формы. Так, в 1873 году директор Большой Никольской фабрики с возмущением писал в Главную контору Товарищества, что работающие с 1871 года английские мастера и механики в который раз перебили посуду, и стаканы, рюмки (по 2–3 дюжины) и графины (по 5–6 штук) выдаются им в последний раз, а больше директор выписывать посуду для англичан не будет, «вменив им в заботу покупать самим»[26]. В то же время трудовых конфликтов с англичанами происходило очень немного. Большинство специалистов достойно выполняли свои обязанности, помогая российским управляющим развивать производство и воспитывать новые квалифицированные рабочие кадры.

Таким образом, российская крупная хлопчатобумажная индустрия представляла собой парадоксальное явление. Значительный сектор российской промышленности сформировался и быстро вырос без какой бы то ни было помощи правительства. Его создание началось за два десятилетия до начала промышленного переворота в других отраслях, проходившего при усиленной поддержке, в том числе финансовой, государства. Огромные фабрики, насыщенные передовым английским оборудованием, были построены по британскому образцу, на средства британских кредитов, с помощью и при техническом контроле британских специалистов. Однако инициаторами и организаторами этого прорыва являлись русские предприниматели.

В подавляющем большинстве они были приверженцами старообрядчества – консервативного направления в российском православии, отрицавшими «скверные новины», заимствованные Петром I и его последователями из западно-европейских культурных, бытовых и других традиций[27]. В то же время, отвергая «траву салат» и «немецкого образца одежды», в деловой сфере часто именно предприниматели-староверы первыми вводили заимствованные у иностранцев «новины», активно вели дела с представителями различных конфессий.

Если с 1840-х годов Тимофей Савич, помогая отцу, регулярно выезжал в Великобританию для изучения производства текстиля и впоследствии открыл в Ливерпуле представительство семейной фирмы, то – Савва Второй, сын Тимофея Саввича, в 1885 году окончив Московский университет, поехал в Англию, чтобы изучать химию в Кембриджском университете и познакомиться на практике с передовым английским текстильным производством в Манчестере и Ливерпуле[28].

Так же как и его отец, Тимофей Саввич являлся строгим приверженцем старой веры. Несмотря на его частые поездки за рубеж, посещения Английского клуба в Москве и «широкое образование», которое он дал детям (в том числе знание европейских языков), по мнению его близких, «Тимофей Саввич принадлежал еще к поколению “старой веры”, мало затронутому западноевропейской культурой»[29]. Он был деятельным участником и одним из руководителей общественной жизни Рогожской общины. Фигура Морозова была так значима для старообрядчества, что при создании в 1911 году портретной галереи выдающихся деятелей согласия при Рогожском кладбище, бывшем штаб-квартирой поповцев, совет общины заявил «о желательности помещения» портрета Т.С. Морозова среди первых, наряду с изображениями умерших священников[30]. Он считался глубоко религиозным человеком, «истым» и среди старообрядцев[31], и даже скончался он, стоя на коленях в моленной своей дачи в Мисхоре[32].

Объяснение парадоксов старообрядческой промышленности заключалось в системе ценностей старообрядцев[33]. Сформировавшаяся в начале XIX века духовная концепция Дела стала ядром конфессиональной этики старообрядческого хозяйствования. Восприятие Дела как «работы о господе», как личного христианского подвига определило ревностное к нему отношение староверов-предпринимателей. Успех Дела в прядильном, бумаготкацком, суконном производстве был невозможен без использования западных машин и приглашения, по крайней мере на первых порах, мастеров из Англии, установления и расширения контактов с иностранными компаниями, поездок и организации работы своих представительств за рубежом. И старообрядческие фабриканты, способствуя укреплению «истинного православия», активно вводили иностранную технику и технологию на своих предприятиях, отмаливая затем свои грехи, сознательно совершаемые ради главного в их жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 08.01.00443а

2 См.: *Шишмарев Д.И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. СПб., 1892. С. 25, 26, 29; *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1917. С. 1; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 года. М., 1985. С. 16–17; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Ни-

кольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004. С. 48; *Ситнов В.Ф.* К истокам родословия//Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. Юбилейные Морозовские чтения 20–22 февраля 1997 г. Орехово-Зуево, 1997. С. 115–116.

3 *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 41.

4 См.: *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накоплялись капиталы в Москве)//Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 75.

5 См.: *Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002. С. 139.

6 *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... С. 15–16.

7 *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899. С. 35; *Лачаева М.Ю., Петров Ю.А.* Кноп Лев Герасимович//Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 году): Энциклопедия. М., 2008. Т. 1. С. 998.

8 *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... С. 19.

9 *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России... С. 34–36.

10 *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. С. 1.

11 Не считая капиталов, отделившихся ранее от отцовского дела Елисея и Захара Морозовых.

12 *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... С. 19, 21, 22; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха... С. 50.

13 *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России... С. 32, 36.

14 ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

15 Названия британских компаний даются в русской транскрипции той эпохи.

16 ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–33; Оп. 2. Д. 33. Л. 1–142; Д. 34. Л. 115, 33 и др.

17 Там же. Д. 76. Л. 1–2.

18 Там же. Д. 52. Л. 1–33; Оп. 2. Д. 33. Л. 1–142; Д. 34. Л. 115, 33 и др.

19 ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 34. Л. 5, 23об, 24 и далее. Позже Морозов попытался организовать производство прядильных машин в России на механическом заводе Товарищества, где было занято более 300 чел.

20 *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России...

21 *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... С. 19.

22 *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха... С. 51.

23 ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 7. Д. 3. Л. 5–6.

24 Так, ставший в 1863 году директором бумагопрядильной фабрики «Иван Карлович» Риг получал в среднем 12–14 тыс. руб., последовавший за ним «Иван Васильевич» Престон во второй половине 60-х годов зарабатывал 9–10 тыс., «Ардаман Андрианович» Сутугин в начале 70-х годов уже был ограничен 8–9 тыс. Мастера при этом получали оклады, значительно превосходившие заработки своих российских коллег. В начале 1870-х годов механики и мастера из Британии ежегодно получали от 1580 до 2180 руб. (за одним единственным исключением), в то время как самый высокооплачиваемый механик из русских зарабатывал всего 800 руб. Для сравнения – такой квалифицированный специалист, как врач, на морозовских предприятиях имел зарплату в 2500 руб. (ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 7. Д. 3. Л. 5–6.)

25 Там же. Л. 7–7об., 11, 13–13об.; Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1–2.

[26] Там же. Л. 1.

[27] Старообрядцами на всем протяжении их истории субъективно ставилась задача «бегать новизны... если новизна непотребна, то старина священна». Речь шла прежде всего о задаче избегать именно религиозной, «церковной» новизны – «уклоняться... скверных новизн... то есть – новых учений, дел, мнений противных старины и древности, в случае принятия которых, необходимо должна рушиться вера благодатных отцев». Однако в условиях, когда в старообрядчестве произошла сакрализация повседневности, когда даже быт ревнителя древнего благочестия оказался включенным в вероисповедный контекст, запрет на «пагубное дело изобретать новизны... что-либо новое», был распространен на все стороны методически регламентированной жизни старовера. Действительно, вплоть до XIX века старообрядцев характеризовало полное неприятие иностранных обычаев в религиозном отношении и в бытовой сфере: от «немецкого образца одежды», галстука – «удавки вместо креста», «перчаток иноземных», «иноземных седел» до «ядения травы салата» и «игрищ» – клубов, театров, маскарадов. Правилами старообрядцев также запрещалось «православным христианам сообщатися в молитве, в пище и в питии, в дружбе же и в любви с иноверными... и с инославными». (См.: *Мельников П.И.* Очерки поповщины//*Мельников П.И.* Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 14. С. 48–49.; [*Ксенос И.Г.*] История и обычаи Ветковской церкви. Н.-Новгород, [1906]. С. 101.

[28] *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998. С. 58–59.

[29] *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин... С. 43.

[30] *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005. С. 135.

[31] См.: *Морозов С.Т.* Дед умер молодым. М., 1992. С. 13.

[32] См.: *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин... С. 43.

[33] Конфессиональные запреты не распространялись на случаи «благословенной вины (причины. – *В.К.*) и великой надлежащей нужды». [*Ксенос И.Г.*] История и обычаи Ветковской церкви. С. 101.

Такой «благословенной» причиной и было Дело. Концепция Дела ориентировала на предпринимательство современного типа и во взаимодействии с другими конфессионально-этическими компонентами староверия способствовала складыванию новой деловой культуры. Ее важнейшими составляющими стали не только личная честность и добросовестность, но и необходимость личного организаторского труда хозяина, личная ответственность за дело и предпринимателя, и его работников, общее стремление к укреплению и развитию предприятия.

КНЯЗЬ Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ: ТАЛАНТ И СУДЬБА

Ольга Казнина

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1880–1939) начал свою карьеру в царской России, известность приобрел в эмиграции, оставил след в литературной и политической жизни Англии, а завершил свой путь в сталинской России[1]. Уникальностью своей человеческой и творческой судьбы князь Дмитрий Мирский[2] обязан и эпохе, и своеобразию таланта, и особенностям характера.

Войти в культуру и, в частности, в университетскую среду Англии ему позволило полученное в семье «англофильское» воспитание, подобное тому, которое получил и В. Набоков. «Святополк-Мирский-отец представлял собой редкое явление: он был либеральным министром внутренних дел в царском правительстве. Благодаря своему здравому смыслу, открытости и смелости он завоевал значительный авторитет в тот период, который дал России ее представительную Государственную Думу»[3] – писал Бернард Пэрс[4], один из англичан, гостивших в имении[5] отца князя Дмитрия. По материнской линии князь Святополк-Мирский[6] состоял в родстве с князем А. Бобринским, незаконным сыном Екатерины II и графа Григория Орлова. Английское воспитание было семейной традицией у Бобринских. Брат матери В. Бобринский получил образование в английской частной школе, а затем в университете Эдинбурга. Он часто бывал в Англии и говорил на безупречном английском. Дмитрий Мирский еще в детстве побывал с матерью в Англии, на английском он общался и с нею, и со своей английской гувернанткой. Возможно, от матери он унаследовал не только любовь к Англии, но и свой литературный талант[7].

В 1906–1908 годах Д. Святополк-Мирский учился в Первом лицее Санкт-Петербурга, а затем поступил в Петербургский университет, где в течение первых трех лет учился на отделении китай-

ского и японского языков. Его преподавателями были знаменитые востоковеды В. Бартольд, В. Алексеев, И. Бодуэн де Куртене. Образование свое Мирский, как и другие обеспеченные студенты, расширял во время поездок в Европу. В 1911 году он опубликовал первый и единственый поэтический сборник[8]. В книге представлены жанры античной элегии и оды, японские пятистишия (раздел «Танки»), подражание буддийской молитве. Здесь нашли отражение интересы будущего идеолога евразийства. Предсказанием этого направления мысли является стихотворение «Азия», в котором Д. Святополк-Мирский размышляет о Востоке и Западе, об истоках культуры человечества, о «старости» европейской культуры и возможном пробуждении Востока в грядущем столетии:

И помни, Азия, о благодатной цели,
Качая новый век в железной колыбели[9].

В 1911 году Д. Святополк-Мирский был призван на военную службу и получил офицерское звание. Когда началась Первая мировая война, Мирский принял участие в военных операциях на восточном фронте. За свои антивоенные высказывания в августе 1916-го он был сослан на Кавказ. Октябрьскую революцию он не принял и вступил в формирования Белой армии в Севастополе. Во время гражданской войны он воевал в деникинской армии и вместе с ней эмигрировал в Европу с юга России через Константинополь. Затем он отправился в Афины, куда эмигрировала вместе с частью царского двора его мать.

В Афинах Д. Святополк-Мирский написал и отправил в Англию свои первые очерки о русской литературе, которые были опубликованы в журнале «*The London Mercury*» в виде серии статей под названием «Русские письма». В 1922 году он переехал в Лондон, где с помощью Бэринга и Пэрса получил место профессора в институте славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. Годы эмиграции Мирского прошли в основном в Англии (1922–1932).

Пэрс вспоминал о начале деятельности Д. Мирского в Англии: «После революции я устроил Дмитрия, ставшего эмигрантом, читать лекции по русской литературе и критике в Лондонском университете. Я помнил то впечатление, которое произвела на меня его горячность и блестящая аргументация при отстаивании своих убеждений в споре по литературным вопросам. На кафедре он делал гораздо больше того, что от него требовали обязанности. Вместе с нами раз в неделю он читал курс открытых лекций и на их основе написал первоклассную историю русской литературы от древних времен до современности, а также исследование о Пушкине. Литературная критика всегда процветала в России, и Мирский продемонстрировал нам в этой области такой уровень, какого никогда не достига-

ли специалисты в Англии. У него был поразительный запас разнообразных и живых знаний, которые быстро и легко извлекались при случае на свет; он обладал потрясающей памятью, а его стиль, когда он говорил по-английски, заставлял меня порой застывать от удивления посреди улицы. В английском языке он шел на самые смелые эксперименты – и всегда выходил из них с успехом»[10].

В Англии Д. Мирский удивительно много писал. В 1923 году он опубликовал статью о Пушкине для университетского журнала *«Slavonic Review»*. Вскоре эта статья выросла в магистерскую диссертацию, которую он защитил в 1924 году. Через два года на основе диссертации он выпустил книгу *«Pushkin»*[11]. В предисловии к одному из переизданий этой книги она оценивается как лучшее введение в творчество Пушкина на английском языке[12]. В 1925 году он опубликовал популярную книгу о современной русской литературе *«Modern Russian Literature»*. В следующем, 1926 году – книгу о новейшей русской литературе[13], а еще через год историю русской литературы с древнейших времен до 1881 года[14].

Эти публикации обеспечили Д. Мирскому положение ведущего историка русской литературы в Англии и в русском зарубежье. Впоследствии его книги выдержали много переизданий, а в 1960–1970-х годах были переведены на основные европейские языки. Как писал Г. Струве, преемник Д. Мирского на русской кафедре Лондонского университета, «История русской литературы» стала настольной книгой для всех иностранцев, изучающих русскую литературу. Многие рецензенты отмечали великолепный литературный стиль Д. Мирского в сочетании со страстностью аргументации. Сэр Исайя Бéрлин писал: «Его английский был живым и оригинальным, а суждения всегда основывались на знании предмета из первых рук и его самостоятельном осмыслении»[15]. Об уникальности истории русской литературы Д. Мирского писал известный английский литературовед и знаток русской литературы Д. Дейви, считавший, что она представляет собой идеальный образец для написания истории национальной литературы.

Книги и статьи Д. Мирского формировали представление не только студентов и читателей, но и писателей Запада о русской литературе, по ним с русской литературой знакомились Вирджиния и Ленард Вулфы, Д.Г. Лоуренс, Э. Хемингуэй. Как отметил А. Бахрах, когда Д. Мирский писал для иностранцев, он отказывался от «злостной полемичности» и не стремился эпатировать парадоксальностью своих суждений. Это сознавали западные слависты, один из которых заметил, что для иностранцев Д. Мирский писал «вширь, а для русских вглубь»[16].

Помимо академических трудов Д. Мирский писал статьи и рецензии для английской, французской, немецкой и русской зарубежной печати. В своих статьях, в отличие от других русских критиков в зарубежье, он много внимания уделял литературе советской России. Это направление его интересов формировалось под влиянием требований английского университетского курса: после установления дипломатических отношений с Советской Россией в 1921 году, интерес англичан к эмигрантам, и без того довольно слабый, окончательно угас, а советская культура, напротив, оказалась в фокусе внимания. В своих статьях Д. Мирский подчеркивал, что в России поиски нового в художественной сфере идут гораздо успешнее, чем в эмиграции. В статье «О нынешнем состоянии русской поэзии»[17] Мирский анализирует поэзию России и эмиграции и приходит к выводу, что эмиграции нечего противопоставить молодой и развивающейся литературе России. Он заявляет: «Отбор поэтов в эмиграцию делался по принципу ненужности».

Д. Мирский был принят в литературных и артистических кругах Англии и Франции, бывал в элитарном круге Блумсбери, в богемно-аристократическом салоне леди Оттолин Морелл, был знаком с виднейшим английским экономистом Мейнардом Кейнсом и его женой, русской балериной Л. Лопуховой (Лопоковой), посещал видных социалистов Сиднея и Беатрис Уэбб, а Фабианское общество приглашало его читать лекции о положении в России. С лекциями на эту тему он впоследствии выступал и перед рабочими Манчестера. Д. Мирский занимал заметное место в культурной и политической детельности русской эмиграции, и его можно было встретить в главных центрах русского зарубежья.

Д. Мирский не раз писал о необходимости признания русской революции как свершившегося исторического факта. Признание революции влекло за собой и признание новой культуры. Эта позиция сближала критика с евразийцами, чье движение сыграло важную роль в его судьбе, однако и он сам сыграл роковую роль в судьбе евразийства. Свои первые заметки о движении и его манифесте Д. Мирский опубликовал в 1922 году в Англии в журнале *«Russian Life»*, издававшемся на английском языке Комитетом освобождения России. Весной 1925 года он организовал группу евразийцев в Англии, несмотря на то, что русская эмигрантская среда в этой стране была не самой благоприятной для распространения евразийских идей. В английской прессе явно не без участия Д. Мирского появилось несколько публикаций английских авторов о евразийстве, одним из них была Джейн Элен Гаррисон, специалист по древнерусской литературе и друг Дмитрия Петровича[18]. Серьезно увлекся евразийскими проблемами Н. Сполдинг, богатый филантроп, философ и поэт, увлеченный иде-

ей сближения западной и восточной цивилизаций. Сполдинг выступал в роли мецената евразийцев. В 1928 году под псевдонимом «Английский Евразиец» он опубликовал книгу «Воскресающая Россия: Сводка взглядов и целей новой партии в России»[19], которую высоко оценили основатели евразийского движения[20]. Сполдинг финансировал некоторые евразийские издания и, возможно, журнал «Версты», в котором Д. Мирский занимал ведущее положение.

Евразийство определялось в этих публикациях как «революционный» или «пореволюционный» русский национализм. В таком качестве евразийство представлялось Д. Мирскому неким российским соответствием тем движениям за национальное самоутверждение, которые возникали и распространялись среди народов Европы. Он признавал евразийство как выражение национально-историософской мысли основным завоеванием эмиграции: «Зато в сфере политической мысли подлинное творчество проявили, со времени Революции, одни эмигранты – в лице Евразийцев». Своеобразие и ценность русской мысли, развиваемой евразийцами, Д. Мирский видит в мышлении «цельностями» – в противовес европейскому рационалистическому анализу. Евразийцы, пишет критик, ищут свои идеалы в православии, в идее соборности и в гармонии человека с природой и с космосом.

Интерес к евразийской идеологии вскоре начал приобретать у Д. Мирского все более левые очертания. В своей блестящей английской книге по истории новейшей русской литературы он писал: «В отличие от художественной литературы, русская политическая мысль в эмиграции не бесплодна, ее наиболее интересные проявления обнаружились в среде молодых ученых, имена которых до революции никому не были известны, – они назвали себя евразийцами. Евразийцы – крайние националисты, которые считают, что Россия – это обособленный культурный мир, не похожий ни на Европу, ни на Азию (отсюда их название)». Самый обстоятельный очерк евразийства содержится в статье Д. Мирского, опубликованной в академическом издании *«Slavonic Review»* в 1927 году[21]. Свои политические надежды он начал связывать с новой властью в России. В евразийстве он видит возможность «пересмотра и переоценки всех дореволюционных идей и ценностей», творческого переосмысления истории под влиянием новых исторических событий. Стремясь сблизить евразийство с коммунизмом, Святополк-Мирский некоторым понятиям придает новый и неожиданный смысл. Так, когда он пишет о соединении мистического сознания с практической хозяйственной деятельностью, то приводит в пример ленинский план электрификации России, а в «соборной личности» евразийцев видит аналогию большевистскому коллективизму. Святополк-Мирский сближает постулируемый евра-

зийцами принцип «идеократии», то есть власти, основанной на идее, с организацией коммунистического общества, в котором правит одна партия, проводящая в жизнь свою идею.

Интерпретация евразийских идей, расстановка новых акцентов в этой системе философских и политических взглядов привели к глубокому конфликту Д. Мирского с основателями движения и к расколу евразийства на два крыла. 1928 год оказался для него переломным: по его словам, он находился в самом начале той дороги, которая привела его «к полному и безоговорочному принятию коммунизма»[22].

В эти кризисные для него годы Д. Мирский активно сближается с коммунистическими партиями Франции и Англии, по заданию последней пишет книгу о Ленине[23], подготавливает книгу по истории России, в которой с марксистской точки зрения пересматривает свою предыдущую версию истории, написанную с евразийских позиций[24]. Критик выступает в английской рабочей газете «Дейли Уоркер» с изложением своих взглядов в статье под названием «Почему я стал марксистом»[25]. В том же году несколько месяцев спустя в Париже была опубликована «История одного освобождения»[26].

Разочаровавшись в евразийстве, Д. Святополк-Мирский отмечает слишком тесную связь евразийства с идеологией религиозно-философского ренессанса. Теперь он отрицает заслуги русского идеализма в истории мысли, достижений символизма в поэзии и эстетике, завоеваний классического евразийства в философско-политических исканиях эмиграции.

О том, насколько искренне Д. Мирский сменил свои вехи, можно судить по эпизоду, описанному Флорой Соломон и относящемуся к 1929 году. «Мы встречались в Париже, когда работали вместе над чудесным изданием “Краткой истории Московии” Мильтона, опубликованной в последний раз в XVII веке. Дмитрий изменил традициям семьи, сделавшись, по иронии судьбы, коммунистом. Правда, за обедом под влиянием избытка вина он совершенно забывал о своем коммунизме и возвращался на круги своя. Однажды в ресторане он поднялся со стула и, нетвердо стоя на ногах, призвал всех присутствующих присоединиться к его тосту за династию Романовых. Его очень расстраивало невежество Запада по отношению к русской культуре, и он считал себя обязанным познакомить англичан с Пушкиным. В нашем издательстве были подготовлены избранные письма Пушкина с его рисунками, а также роскошное издание “Пиковой дамы” в кожаном переплете, стоившее десять гиней»[27].

В 1931 году Д. Мирский встречался с советским послом в Лондоне Сокольниковым и его женой, писательницей Галиной Серебряковой[28], а в марте 1932 года был объявлен в прессе коммунистическим агитатором и вскоре лишился своей должности в университете. По-

теряв работу, Святополк-Мирский не смог найти поручителя для продления визы в Англии, что сделало его отъезд неизбежным. Однако и вопрос с получением советского паспорта решился не сразу, хотя М. Горький всячески способствовал его отъезду[29].

Вирджиния Вулф, интуитивно разбиравшаяся в проблемах даже такой далекой страны, как Россия, предвидела трагическую судьбу Д. Мирского. В своем дневнике за 28 июня 1932 года она оставила запись об их встрече незадолго до его отъезда: «Приходил Мирский <...> 12 лет он живет в Англии по меблированным квартирам, а сейчас возвращается в Россию – *навсегда.* Наблюдая, как его глаза то загораются, то гаснут, я вдруг подумала: скоро быть пуле в этой голове. Вот что делает война: словно говорит этот загнанный в угол, попавший в западню человек»[30].

К середине 1932 года советский паспорт был готов и у Д. Мирского уже не было выбора. В начале октября Святополка-Мирского встретил в Москве его английский знакомый Малкольм Маггеридж. В своем дневнике Маггеридж оставил запись об этой встрече: «Я столкнулся с Мирским в Новой московской гостинице. <...> Я пытался понять, что он думает о своей теперешней жизни, но он был очень скрытен. “Я нашел то, что ожидал”, – ответил он уклончиво. Однако вид у него был подавленный <...> Не думаю, что в России он счастлив; но не думаю также, чтобы он был счастлив где бы то ни было»[31]. В своей книге «Хроника потерянного времени» (1973) Маггеридж также вспоминал: «Было очевидно, что жить в Москве и сотрудничать с советскими литераторами ему удавалось с трудом. То ли дело в Лондоне, где у него было прочное положение *бывшего князя*, как в аристократической среде, так и в кругах интеллигенции, не говоря уже о рабочих собраниях, где он также пользовался популярностью. Там коммунистам особенно льстило присутствие князя в их рядах во время демонстраций на Трафальгарской площади. В Москве он попал в полную зависимость от власть предержащих. Не знаю, задумывался ли он о побеге, но как-то раз, когда мы вместе рассматривали карту, его палец как будто нечаянно двинулся в направлении Батума и остановился на турецкой границе»[32].

Д. Мирскому, можно сказать, повезло в том, что М. Горький в это время тоже переехал в Россию. Стремясь помочь Д. Мирскому войти в литературный мир России, писатель привлекал его к участию в советских изданиях. М. Горький заказал Д. Мирскому статью об английской интеллигенции, за которую критик с готовностью взялся. Статья была опубликована в «Литературной газете»[33], а позднее на ее основе была написана книга «Интеллидженсиа», которая была издана в 1934 году в России, а в следующем году вышла в Лондоне в переводе на английский[34]. М. Горький вовлек Д. Мирского в работу над историей

фабрик и заводов. Работая в большом писательском «колхозе», он участвовал в подготовке книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала (М., 1934), в которой он написал историческую часть главы «ГПУ, инженеры, проект». В следующем году под редакцией М. Горького и Д. Мирского вышла книга «Были горы Высокой» (М., 1935) о Высокогорском железном руднике. Д. Святополк-Мирский интересовал Горького и с человеческой точки зрения. Его давно занимал тип «изменника своему классу». В 1922 году он писал: «...В России *белые вороны, изменники интересам своего класса* – явление столь же частое, как и в других странах. У нас потомок Рюриковичей – анархист, граф – *из принципа* – пашет землю и тоже проповедует пассивный анархизм...»[35] Десятью годами позже М. Горький продолжает это наблюдение в письме к Ромену Роллану уже на новых примерах, включая и Д. Святополк-Мирского: «Есть несколько интересных фактов психологической перестройки: <...> князь Святополк-Мирский, сын бывшего министра внутренних дел, тоже объявил себя коммунистом <...> Однако эти отдельные случаи нравственного возрождения еще не позволяют, разумеется, делать серьезные выводы»[36].

При всем его интересе и внимании к Д. Мирскому, М. Горький, конечно, не мог оградить того от сложностей непривычного для него существования в Советской России. В своих первых письмах к Дороти Голтон, секретарше Пэрса, Д. Мирский пишет о том, как много ему приходится работать и путешествовать, как много новых знакомых у него появилось. Но энтузиазм в его письмах постепенно сменяется раздражением, а потом и отчаянием. Вырастает множество бытовых проблем, и ему в каждом письме приходится просить Дороти купить ему книги и вещи на деньги, оставшиеся от английских гонораров. Он начинает с нетерпением ожидать писем, посылок и приезда знакомых из Европы.

Мелочи сменяются более крупными неприятностями: ему приходится несколько раз менять квартиру, причем каждый раз на худшую, его несколько раз посещают странные грабители, которые выносят из квартиры самые нужные для работы книги, выписанные из Англии. Рассказывая Дороти о своих неприятностях, Д. Мирский оставляет в тени их главный источник – свои конфликты с официальными литературными авторитетами. Работы Д. Мирского – как чисто научные, так и литературно-критические – вызывали отпор в среде советских специалистов. Но главный повод для возмущения давало вторжение Д. Мирского в дела современной советской литературы. Смерть М. Горького в 1936 году предельно усложнила положение Д. Мирского, для которого писатель был надежной защитой. В 1937 году критические выступления против Д. Мирского перешли в открытую травлю[37]. На общем собрании Московского Союза писателей, членом которого

состоял Д. Мирский, он был публично обвинен во враждебном отношении к советскому строю, в шпионаже и предательстве. Несмотря на то, что Д. Мирский выступил с признанием своих ошибок и выразил готовность пересмотреть свои убеждения, в этом же году он был арестован и погиб в лагере под Магаданом в 1939 году.

Переход князя Д.П. Святополка-Мирского, офицера русской армии, успешного профессора лондонского университета, в коммунистический лагерь, отъезд в Россию и его трагическая гибель, неопределенные слухи о которой доходили в зарубежье, – потрясли эмиграцию. Для людей, близко знавших Д. Мирского, его *смена вех* не была неожиданной, в ней видели следствие доведенного до крайности нонконформиста. Глеб Струве считал, что Д. Мирский «стал жертвой собственного духовного озорства»[38]. А. Бахрах высказал мнение многих, когда заметил, что в своих русских работах Д. Мирский бывал чрезвычайно субъективен и переменчив, словно двуликий Янус, «сжигал то, чему поклонялся, не скрывая, что знает сжигаемому цену»[39]. Пэрс в свое время писал: «Мирского охватывали одно за другим страстные увлечения. Было время, когда он с оружием в руках отстаивал Белое дело; потом он объявил себя евразийцем и разделял довольно странную точку зрения на Россию, как на особый континент; был момент, когда он назвал Марину Цветаеву *безнадежно распущенной москвичкой*, но вскоре он признал ее величайшим поэтом мира. Для нас он неизменно оставался ужасным ребенком».

Современные исследователи в оценке мотивов смены вех Д. Мирского высказывают сходные суждения. Н. Лаврухина приводит наблюдение Веры Трейл: близкая приятельница Д. Мирского видела разрыв между тем, что он любил, и тем, что он считал нужным любить. Джералд Смит также убежден, что Д. Мирский не был ни оппортунистом, ни приспособленцем и что его перемена убеждений, не будучи творчески плодотворной, все же была искренней. Д. Мирский сам наиболее точно определил природу своей переориентации, когда писал о В. Брюсове: «Главное, что толкало Брюсова к большевикам, было его одиночество, его сознаваемая им отсталость от передних и желание во что бы то ни стало быть снова впереди, опять быть *последним словом*»[40].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. о нем: *Lavroukine N., Tchertkov L., Mirsky D.S.* Profil critique et bibliographique. Paris, 1980; *Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature/Ed. with an Introd. and Bibliography by G.S. Smith. Berkeley, 1989; *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине

XX века. М.: Наследие (ИМЛИ РАН), 1997. *Kaznina Ol'ga and Smith G.S.* D.S. Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934)//Oxford Slavonic Papers, New Series. 1993. Vol. XXVI. P. 87–103.

Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life (1890–1939).//Oxford: Oxford University Press, 2000.

2 D. Mirsky или D.S. Mirsky – литературное имя, принятое Д.П. Святополк-Мирским в Англии и для удобства употребляемое в настоящей работе.

3 *Pares B.* A Wandering Student: The Story of a Purpose. Syracuse: Syracuse University Press, 1948. P. 290.

4 Bernard Pares – эксперт по России, основавший в 1907 году Институт Русских исследований при Ливерпульском университете, а позднее Институт Славянских исследований при Лондонском университете (Королевский колледж).

5 Морис Бэринг, английский литератор из клана известных банкиров, в своей книге «Вехи русской литературы» описывает имение Святополк-Мирских Гиевку, где ангичанин побывал в 1907 году. Бэрингу запомнилось, с каким темпераментом молодой сын хозяина отстаивал значение Достоевского в русской культуре в противовес всеобщему увлечению Толстым (*Беринг М.* Вехи русской литературы. М., 1913. С. 74–75; *Baring M.* Landmarks in Russian Literature. L., 1910. P. 126.) В английском тексте книги, видимо, допущена ошибка: автор пишет, что гостил в Росии в 1897 году и что сын хозяина в это время был школьником семнадцати лет, тогда как Мирский родился в 1890 году. Мирский посвяил Бэрингу большую статью «Новое в английской литературе: Морис Бэринг». (Звено. 1924. 11 авг. С. 3). Об отношениях Д. Мирского и М. Беринга см.: *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D.S. Mirsky on Maurice Baring//Chesterton Review. Vol. XIX. 1988. Feb. № 1; *Lavroukine N.* Maurice Baring and D.S.Mirsky: A Literary Relationship//The Slavonic and East European Review, 62. 1 (January, 1984).

6 Свой древний княжеский род он возводил к Рюрику. Среди своих предков числил Святополка Окаянного, протопопа Аввакума, Екатерину Великую. Отец критика в 1904–1905 годах занимал пост министра внутренних дел и в свое время обещал в России «весну» («Повеяло весною»: Речи П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы. М., 1904).

7 Е. Святополк-Мирская оставила дневники, которые представляют собой ценный исторический источник: она подробно записывала все, что рассказывал ей муж о своих переговорах с царем в сложнейший кризисный период русской истории (*Святополк-Мирская Е.А.* Дневник//Исторические записки. 1965. № 77. С. 240–288.)

8 *Святополк-Мирский Д.* Стихотворения: 1906–1910. Спб.: Сириус, 1911. На появление сборника отозвался Н. Гумилев в одном из своих обзоров творчества молодых поэтов (см.: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. Соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1991. С. 75).

9 Там же. С. 71.

10 *Pares B.* A Wandering Student. P. 290.

11 *Pushkin.* Republic of Letters Series, ed. W. Rose. London: George Routledge – New York, E.P. Dutton, 1926.

12 *Mirsky D.S.* Pushkin. (Introduction by. G. Siegel.) New York, E.P. Dutton, 1963. XII. 288. P. IX.

13 *Contemporary Russian Literature, 1881–1925,* by Dmitrii Petrovich Mirskii. Published in June 1926, Periodicals Service Co.

14 A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky: 1881, by Dmitrii Petrovich Mirskii, 1927.

[15] Partisan Review. July-August. 1950. P. 617.

[16] *Бахрах А.* «Товарищ князь» и его антология//Новое русское слово. 1980. 27 янв.

[17] *Святополк-Мирский Д.П.* О нынешнем состоянии русской поэзии//Благонамеренный. 1926. № 1. С. 90–97.

[18] *Harrison E.J.* A New Russian School//The Evening Standard. 1925. 4 Nov.; другие публикации: [Anon.] Europasians//The Living Age. 1926. 31 July; *Lawton L.* The Synthetic Civilization of Tomorrow//The Sphere. 1927. 30 April.

[19] Russia in Resurrection. A Summary of the Views and of the Aims of a New Party in Russia. By an English Europasian. London, 1928.

[20] *Лубенский С.* Евразийская библиография: 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе/В кн.: Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931. С. 285–317. См. также: Славяноведение. 1992. № 4. С. 102.

[21] *Mirsky D.* The Eurasian Movement//The Slavonic Review, 6. 1927. № 17. P. 311–319. См.: UWRL, 237–245.

[22] *Мирский Д.* Письмо к Горькому от 30 декабря 1930 года – Ol'ga Kaznina and G.S. Smith. D.S. Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934)//Oxford Slavonic Papers, New Series. Vol. XXVI. 1993. P. 93.

[23] *Mirsky D.S.* Lenin. London, 1931; Boston, 1931.

[24] *Mirsky D.S.* A History of Russia. London, 1927; *Mirsky D.S.* Russia. A Social History. London, 1931.

[25] *Mirsky D.S.* Why I Became a Marksist// Daily Worker. 1931. 30 June. P. 2.

[26] *Mirsky D.* L`Histoire d`une émancipation//La Nouvelle Revue Française. 1931. № 216. 1 Sept. P. 384–397. В сокращенном виде очерк перепечатывался в «Литературной газете» (1932, № 10).

[27] Baku to Baker Street. The Memoirs of Flora Solomon by Herself and Barnet Litvinoff. London, Collins, 1984. P. 140.

[28] Георгий Яковлевич Сокольников (1888–1939). С 1929 по 1934 советский посол в Британии. Его жена – Галина Иосифовна Серебрякова (1905–1980). По образованию врач, затем журналист, автор книг «Очная ставка. Картины английской жизни» (М., Сов. лит., 1933); «Странствия по минувшим годам» (М., 1963, 1965).

[29] Мирский вместе со своим приятелем евразийцем П. Сувчинским побывал в Сорренто у Максима Горького еще в 1928 году. Позднее в «Истории одного освобождения» Мирский вспоминал: «Моему перевоспитанию немало способствовала личность Максима Горького, к которому мы с Сувчинским приехали в Сорренто. Оставляя в стороне незабываемое впечатление, которое произвел на меня великий *шармер*, каким несомненно был Горький, эта встреча явилась для нас первым непосредственным сближением с теми, кто был *по ту сторону баррикад*. Эта встреча была для нас первым вдохом чистого материалистического воздуха, повеявшего из краев, не зараженных метафизическими миазами, которыми мы до сих пор дышали» (*Mirsky D.* L`Histoire d`une émancipation// La Nouvelle Revue Française. 1931. № 216. 1 Sept. P. 384–397. (Uncollected Writings, 364.)

Д. Мирский считал Горького одним из величайших писателей современности, но в то же время он задумывался о двойственности его политической и нравственной позиции, которая бросала тень и на его художественное творчество. В статьях Горького Мирский отметил «странное смешение глубочайшего проникновения в суть вещей и изощренной лживости». И, пожалуй, самое характерное высказывание Д. Мирского: «Обладая величайшим даром постижения жизни, Горький не любит правды. И поскольку

он ничем не связан, ничто не мешает ему говорить полуправду или заведомую ложь. Его очерки нередко чудовищно искажают реальность».

Имя Святополк-Мирского ко времени их встречи было знакомо писателю, и он заметно выделял его среди других критиков эмиграции. М. Горький писал о нем А. Воронскому в связи с выходом нового журнала «Версты» в 1926 году: «Он (С.М. – *Прим. ред.*) – очень умный и независимый критик» (*Горький М.* Письмо к А.К. Воронскому от 24 июля 1926 года. Архив А.М. Горького. Т. 10: М. Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964. С. 40). В письме М. Горького к Ольге Форш Д. Мирский упоминается как «один из потомков Святополка Окаянного». Намекая на происхождение и белогвардейское прошлое критика, Горький добавляет: «К сведению: Святополк-Окаянный – бывший князь, спец по истреблению единокровных братьев». (*Горький М.* Письмо к О. Форш от 6 января 1928 года. Там же. С. 602).

30 *Woolf V.* The Diary. Vol. IV: 1931–1935. London, The Hogarth Press, 1982. P. 112.

31 Like it Was. The Diaries of Malcolm Muggeridge. Selected and edited by John Bright-Holmes. London: Collins, 1984. P. 24. Записи от 4 октября и 1 декабря 1932 года.

32 *Muggeridge M.* Chronicles of Wasted Time. 1973. Цит. по: *Labedz Leopold* Stalin and History. Survey, Summer (1977–78). Vol. 23. № 3 (104). P. 140. (См.: Ксерокопию в моем архиве).

33 Интеллигенция и литература Англии/Из доклада Д.П. Мирского//Лит. газ. [1933]. № 49 (218). С. 4.

34 Книга Д. Мирского «Интеллидженсиа» (М., 1934) была переведена на английский Алеком Брауном (The Intelligentsia of Great Britain. London, 1935). Вирджиния Вулф писала в дневнике по поводу выхода этой книги: «Я пережила 3 предательства за недавнее время» (Запись от 16 марта 1935. – *Woolf V.* The Diary. L. 1982. Vol. IV. P. 287–288). В. Вулф пишет об этой книге в одной из своих критических статей: *Woolf V.* The Critical Heritage, ed. R. Majumdar and Allen Mc Laurin. L., 1975. P. 346–350.

35 *Горький М.* Савва Морозов//М. Горький в эпоху революции 1905–1907 годов. М., 1957. С. 15. «Потомок Рюриковичей» – князь П. Кропоткин, «граф» – Л. Толстой.

36 *Горький М.* Письмо к Р. Роллану от 20 февраля 1932 года//Литературное наследство. Т. 70. С. 618.

37 Лит. газ. 1937. 6 апр. № 18 (654). С. 3–4.

38 *Струве Г.* Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, 1984. С. 77.

39 *Бахрах А.* Самообольщенный князь//Новое русское слово. 1982. 31 окт. С. 5.

40 *Святополк-Мирский Д.П.* Валерий Яковлевич Брюсов//Современные записки. 1924. Кн. XXII. С. 425.

«Я АНГЛИЧАНИН,
НО В ГЛУБИНЕ ДУШИ РУССКИЙ»

Николай Толстой

Наше поместье располагалось в Мурзихе, у слияния двух великих рек – Волги и Камы. Наша семья жила там уже более двух веков, когда в 1917 году в России вспыхнула революция. Позже наш красивый дом был разрушен, большая часть поместья затоплена, а во времена Хрущева на его месте была сооружена огромная плотина. Наши дома в Москве и Санкт-Петербурге сохранились, но теперь выглядят несколько иначе.

Моя английская бабушка и русский дедушка встретились при романтических обстоятельствах. Моя бабушка Эйлин Хэмшоу была одной из двух дочерей в состоятельной семье в Лестере. Подростком ее отдали в школу в Саксонии, где она подружилась с девочкой Марусей. В 1911 году Маруся пригласила свою подружку провести летние каникулы со своей семьей в Крыму. Эйлин завоевала несколько серебряных кубков в теннисных турнирах Англии, она была красивой и спортивной. На море в Крыму ее партнером по тенису был двоюродный брат Маруси Михаил, впоследствии мой дедушка. Вскоре они были помолвлены, и их свадьба состоялась в феврале 1912 года в часовне при российском посольстве в Лондоне. Красочная православная церемония привлекла в Англии немало внимания и была широко освещена в прессе. Мой отец родился в Москве в конце того же года. К сожалению, моя бабушка умерла, когда моему папе было всего три года. Во время Первой мировой войны дедушка служил в Красном Кресте на Восточном фронте. Отец жил все это время под присмотром моей двоюродной бабушки Лидии (сестры Маруси) и преданной английской няни, Люси Старк.

К следующему году революция дошла до Казани, и в 1918 году город, находившийся под контролем Белой армии, был захвачен

Красной армией. Накануне штурма большевиков командующий гарнизоном Белой армии сообщил моей семье, что они почти наверняка будут убиты, если останутся в Казани. После долгих обсуждений было решено, что мужчины уйдут на юг к Белой армии Деникина, а тетя Лиля и Люси должны забрать моего отца, которому тогда было всего пять лет, и скрываться вместе с верными слугами нашей семьи. В Казани они провели два года, находясь в состоянии постоянного страха быть обнаруженными большевиками. Чекисты устроили в городе террор, и любой подозреваемый в контрреволюционных настроениях мог быть подвергнут пыткам или убит. Эти дни так потрясли моего отца, что в своей дальнейшей жизни он об этом больше ни с кем не говорил. Однако я узнал многое об этих тяжелых временах от моих тети Лили и Люси Старк. Рассказы об их испытаниях я слушал, затаив дыхание. Когда Люси говорила о жестокости большевиков, она всегда добавляла: «Такое никогда не могло бы случиться в Англии!». В те дни им иногда действительно казалось, что Бог был англичанином, или даже англичанкой.

Николай Дмитриевич Толстой-Милославский в своем рабочем кабинете, 1980-е годы (из семейного архива автора статьи)

Как-то в 1920 году тетя Лиля прочла в газете сообщение о том, что между советским и британским правительствами прошли мирные переговоры в Копенгагене. Также упоминалось о взаимной репатриации британских и советских граждан. Это был шанс выбраться из нашего страшного положения, и тетя и Люси вместе с моим отцом отправились на поезде в Москву. После революции в России не было британского посольства, поскольку дипломатические отношения были разорваны в результате убийства большевиками британского военно-морского атташе. Однако когда договор был подписан, задача по составлению списка британских граждан, подлежащих репатриации, была возложена на бывшего капеллана при британском посольстве, освобожденного из советской тюрьмы специально для этих целей.

На свой страх и риск Люси взяла моего отца и отправилась к капеллану. Она возлагала большие надежды на свое британское гражданство и ожидала, что это позволит всем троим бежать из Советской России. Люси предъявила свой паспорт, и капеллан внес ее имя в список. Затем она стала умолять внести в список отца, объясняя, что присматривала за ним с самого рождения. Это было правдой, поскольку она приехала в Россию в качестве горничной еще к моей бабушке. Капеллан ответил, что это невозможно, что большевики чрезвычайно внимательно проверяли списки, чтобы ни один русский не ускользнул от них. Тут Люси нашла выход из положения, сказав, что ей было стыдно признаться, но на самом деле мой отец – ее внебрачный сын и, следовательно, должен быть признан британцем. На это капеллан улыбнулся, напомнив Люси, что он сам присутствовал на крестинах моего отца. Но затем, не говоря ни слова, добавил имя моего отца в список под фамилией Люси Старк. Подбодренная этим фактом Люси пояснила, что в Москве также находится тетя моего отца Лиля, и помочь ей уехать – также жизненно необходимо. Однако капеллан с глубоким сожалением объяснил, что не имеет права включать в список русских граждан.

Однако на этом неприятности для Люси и моего отца не кончились. Пока они много недель ждали транспорт для военнопленных, столицу охватила эпидемия холеры, которая тогда представлялась большей опасностью, чем внимание ЧК. А когда они уже были в поезде, перевозившем освобожденных британских граждан в Финляндию, а значит на свободу, Люси пережила последний, но, возможно, самый страшный и самый опасный момент. Красногвардейцы зашли в поезд, чтобы проверить у всех документы. Грозного вида солдат с винтовкой и штыком зашел в купе и потребовал у Люси паспорт. Паспорт не вызвал подозрений, и солдат, повернувшись к моему отцу, начал его допрашивать. В течение поездки Люси неоднократно просила отца отвечать, что его зовут Дмитрий Старк и что он – британский гражданин. Но тут, со всем упрямством семилетнего ребенка, отец ответил, что его фамилия Толстой, что он русский и что он в равной степени гордится и тем, и другим. Люси в ужасе старалась перебить его, объясняя, что он слишком мал, чтобы отвечать на вопросы. Гвардеец резко приказал ей выйти из купе и ждать в коридоре. Ей пришлось наблюдать через окно, как он грубо допрашивал отца. Она так и не узнала, что тогда говорил отец, но вскоре после этого они оказались в безопасности на территории Финляндии.

Британский консул в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) составил для Люси бумагу с просьбой позволить ей въехать в Англию вместе с моим отцом. Они сели на корабль «Донгола», который пришвартовался в Саутхемптоне в мае 1920 года. Тогда у них не было ника-

ких известий от моего деда, который, по их сведениям, погиб при поражении Белой армии Врангеля. Кроме того, они ничего не знали о судьбе тети Лили. К счастью, оба были живы[1].

Прибыв в Англию после череды ужасных бед, мой отец находился в лучшем положении (по крайней мере, в материальном плане), чем более миллиона потерявших все беженцев из России, которые были изгнаны из своей страны и разбросаны по всему миру от Парижа до Харбина. Когда отец прибыл в Англию, у него уже там был дом: Маруся, которая оказалась в Англии после Русско-Японской войны 1904 года, нашла поддержку у адмирала Дугласа Николсона и его жены Сибил. Дуглас командовал флотом метрополии до самого своего ухода на пенсию, когда поселился в Будайском замке в Корнуолле. Наследство матери позволило моему отцу получить образование в лучших английских школах, а затем и в Кембриджском университете. Впоследствии отец стал видным адвокатом. Будучи студентом Кембриджа, он встретил мою мать Мэри Уикстид, прекрасную восемнадцатилетнюю англичанку, а спустя год после окончания университета они поженились.

Крест Святого Спиридона, который хранит автор как глава старшей ветви Толстых-Милославских (фотография автора)

Я родился в 1935 году, через год после женитьбы моего отца, а моя сестра Наташа появилась на свет два года спустя. К несчастью, мои родители поженились совсем молодыми, и через год после рождения сестры моя мать сбежала с молодым человеком, который в то время считался совсем бесперспективным. Как бы там ни было, но благодаря своему таланту и преданной поддержке со стороны моей матери отчим со временем стал известным писателем, чьи работы ныне вызывают восхищение во всем мире. Патрик О'Брайен сейчас хорошо знаком миллионам читателей как автор серии блестящих исторических романов, один из которых, «Хозяин Морей», лег в основу популярного голливудского фильма с Расселом Кроу в главной роли. Но тогда, в 1930-х годах, все это было еще впереди. Из-за строгих бракоразводных законов того времени уход нашей матери означал, что нам с сестрой не разрешалось поддерживать с ней отношения, пока мы не закончим школу.

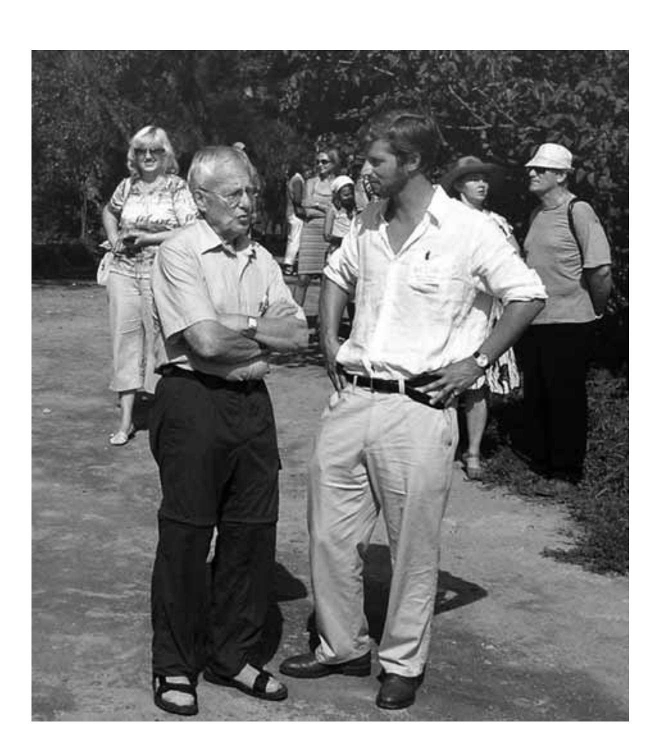
Отец и дед женились на англичанках, и связь с Россией была в некоторой степени восстановлена только третьим браком моего отца на русской женщине. В раннем детстве я разговаривал дома и по-русски, и по-английски, а наше воспитание во многом было очень русским. Мы жили в английской провинции в военные и послевоенные времена, когда жизнь была очень изолированной. Отец и мачеха обычно говорили между собой по-русски и наняли русского садовника с женой, которые жили у нас и не знали ни слова по-английски.

Как ни странно, мои родители редко говорили о российских делах, разве что о таких простых вещах, как раскраска пасхальных яиц. Политика и история были дома почти запрещенными темами, что, возможно, и стало одной из причин моего возрастающего интереса к ним по мере того, как я становился старше. Что касается моей мачехи – здесь не было ничего странного, так как она покинула Россию будучи маленьким ребенком и вообще мало интересовалась литературой или историей. У отца был куда более сложный характер. Он был очень умен и много читал по истории и литературе. Однако он был немногословен и, несмотря на то, что многие интересные русские эмигранты (друзья и родственники) бывали в нашем доме, сам он редко высказывался на эти темы в моем присутствии. Я уверен, что память о детстве во время революции делала болезненными разговоры и, возможно, даже мысли о русском прошлом. Моя двоюродная бабушка Маруся рассказала мне, что однажды, во время прогулки с ней в Корнуолле, отец бросился в канаву, увидев машину (довольно необычное явление в сельской глуши в те далекие дни), которая появилась из-за поворота и поехала в их сторону. Дело в том, что, по словам отца, в его раннем детстве пьяные большевики ездили по улицам Казани и намеренно сбивали всех, кто попадался у них на пути – будь то мужчина, женщина или ребенок.

Во время Второй мировой войны мы с моими школьными друзьями с огромным интересом следили за ходом событий. Мы все читали «Бигглз» (*Biggles*)[2], потрясающие новеллы о ВВС Великобритании, и собирались стать пилотами Спитфаэр (*Spitfire*)[3], когда вырастем. Я помню, как в семь лет написал суровое письмо по всем правилам британского эпистолярного жанра: «Дорогой Гитлер, я ненавижу тебя». И подписался как положено в английских письмах: «С любовью, Николай». У меня не было марки, чтобы наклеить на конверт, так что, боюсь, оно так и не дошло по назначению.

Я хорошо помню исторический день 1945 года, когда по радио на кухне я услышал, как диктор объявил, что Красная армия вошла в Берлин. Исполненный волнения, я побежал наверх, в спальню родителей, чтобы сообщить им хорошую новость. Не помню, сказал ли отец что-нибудь, но я был поражен появившимся на его лице выражением

глубокой тревоги. Мне представляется, что людям, не жившим в то время, будет трудно понять, насколько противоречивым было тогда отношение к Советскому Союзу. Существовал сильный и вполне объяснимый страх того, что Сталин начнет вторжение в Западную Европу, в котором ему будут содействовать доморощенные французские и итальянские коммунисты. С другой стороны, в то время в респектабельном английском обществе на любом уровне было не принято иметь радикальные взгляды, кроме как на футбол или крикет.

«Мой дядя Иван и сын Дмитрий в Ясной Поляне» (из семейного архива автора)

Когда в 1956 году Булганин и Хрущев прибыли с государственным визитом в Великобританию, я был так оскорблен, что отправился на вокзал Виктория, экипированный плакатом (который мне кто-то дал), гласящим: «Не впустим красных чудовищ!» (*Keep the red beasts out*). Я был возмущен тем, что люди, на руках которых так много крови, будут приняты королевой в Букингемском дворце. Меня вскоре арестовали полицейские в штатском и упрятали в тюремную камеру. На следующий день я предстал перед судьей и был оштрафован на чрезмерно большую сумму в 8 гиней. К счастью, щедрый доброжелатель, присутствовавший на суде, настоял на том, чтобы оплатить эту сумму за меня. Оглашая приговор, прокурор произнес несколько суровых слов о моих безответственных действиях. Много лет спустя, после того, как он стал судьей, ему довелось побывать в доме у моих матери и отчима во Франции. Узнав, что я их сын, он признался, что ему всегда было неловко за свое решение. После «приговора» я был удивлен, насколько разной была реакция у моих русских друзей. В то время как многие хвалили меня за мой поступок, другие (включая отца) говорили, что я вел себя глупо, противопоставляя себя британским властям.

Это был не последний раз, когда мое представление о справедливости было оспорено британским судом. В 1989 году я был оштрафован на полтора миллиона фунтов стерлингов за то, что объявил лорда Алдингтона военным преступником за его роль в выдаче русских военнопленных и беженцев Сталину. Я знал о печальной судьбе этих людей с детства – еще мальчиком я слышал в русской церкви в Лондоне и от эмигрантов старшего поколения ужасающие истории о том, что большое число русских, освобожденных из немецких лагерей американскими и английскими войсками, были принудительно переданы Сталину. Тогда я думал, что это одиночные и случайные инциденты. И только с 1973 года за этими личными трагедиями я начал видеть более широкую картину происшедшего. Британское правительство начало открывать документы, касающиеся насильственной репатриации казаков и других советских граждан; и уже первое знакомство с данными архивами убедило меня в необходимости сделать известными обществу страдания этих людей, большинство из которых были невинными жертвами. Я, конечно же, не мог предполагать тогда, как много времени займет эта работа, как много бед она принесет моей семье.

Чтобы изучить материалы и написать мою первую книгу «Жертвы Ялты», мне потребовалось четыре года. Большую часть времени заняло знакомство с как можно более широким спектром документов, а также попытки связаться с уцелевшими участниками и жертвами тех событий – не только советскими гражданами, но и британскими и американскими солдатами, а также официальными лицами. В результате я смог соединить их личные воспоминания с теми документами, которые стали доступны. Со времени написания этой книги я собрал еще больше свидетельств, которые подтверждают мою позицию. В книге я заявил, что тогдашний министр иностранных дел Энтони Иден и чиновники его министерства – военные преступники, поскольку они нарушили Женевские соглашения и правила Красного Креста, экстрадировав перемещенных лиц, заведомо зная, что люди будут обречены на пытки, заключение и смерть. К чести британцев, я должен сказать, что читатели и большая часть прессы были возмущены тем, что сделало тогдашнее правительство. И хотя ничто уже не могло облегчить страдания жертв, я считаю, что исследовать такие преступления, придавая их гласности, – важнейшая задача историка. Выдача перемещенных лиц – циничное преступление, поскольку она была абсолютно ненужной акцией. Основным мотивом тех, кто принимал это решение, было представление определенного типа функционера из среднего класса, что выходцы из Восточной Европы – это варвары, которые предрасположены к страданиям. За этим преступлением стоит ничтожное меньшинство – глупые, неспособные на религиоз-

ное чувство люди. Штраф в 1 миллион 500 тысяч фунтов, назначенный мне британским судом, отразил реакцию, которую вызвала моя книга именно у этой части британского буржуазного истэблишмента. Для них было важно не то, прав я или нет, а «о какой сумме мы говорим». Признаюсь, мне всегда немного нравилось раздражать напыщенных людей из власти.

Возвращаясь к рассказу о русском сообществе в Англии моего времени, можно заметить, что оно было небольшим по сравнению с русским населением во Франции, Германии или Югославии. У нас не было клуба, газеты или политической группировки, и главным местом сосредоточения жизни эмигрантов была православная церковь в Лондоне, которую мы регулярно посещали. Имена многих наших друзей и родственников в эмиграции известны в русской истории: Голицын, Оболенский, Шереметьев, Шувалов, Бобринский. Описания жизни этих фамилий в Российской империи не переставали волновать мое воображение. В юности я читал повести генерала Краснова и мечтал о том дне, когда смогу присоединиться к новой Белой армии, чтобы свергнуть советский режим. Мог ли я представить, что доживу до дня, когда я со своей семьей получу возможность свободно возвращаться в то место, которое мы считаем Родиной.

Какое-то время назад я опасался, что наше эмигрантское сообщество неизбежно станет полностью англизированным. Однако я счастлив, что этого не произошло и что более молодое поколение белых эмигрантов (которое сейчас от эпохи имперской России отделяют два или более поколения) по-прежнему бережно хранит свое русское наследие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бесстрашная тетя Лиля бежала через заснеженные леса в ставшую независимой Эстонию. Мой дед был эвакуирован с другими союзными русскими войсками на британском военном корабле в Константинополь и, в конце концов, добрался до Парижа, где женился на княжне Ксении Шаховской, от которой у него было два сына – Павел и Иван. Затем в 1936 году он развелся и женился на княжне Елене Оболенской, от которой у него родилась дочь, моя тетя Дарья (которая регулярно указывает на то, что моложе меня!). Мой прадед во время революции уже жил в Ницце, где и был позже похоронен на кафедральном кладбище.

2 Бигглз (*Biggles* или *James Bigglesworth*) – имя пилота, героя приключенческих рассказов У.Е. Джонса. Первая история о нем была напечатана в 1932 году, и около сотни книг было написано до смерти автора в 1968 году. (*Прим. ред.*)

3 Спитфаэр – британский одноместный истребитель, созданный в 1931–1937 годах. Активно использовался в боевых действиях британскими ВВС и союзными армиями во время во Второй мировой войны. (*Прим. ред.*)

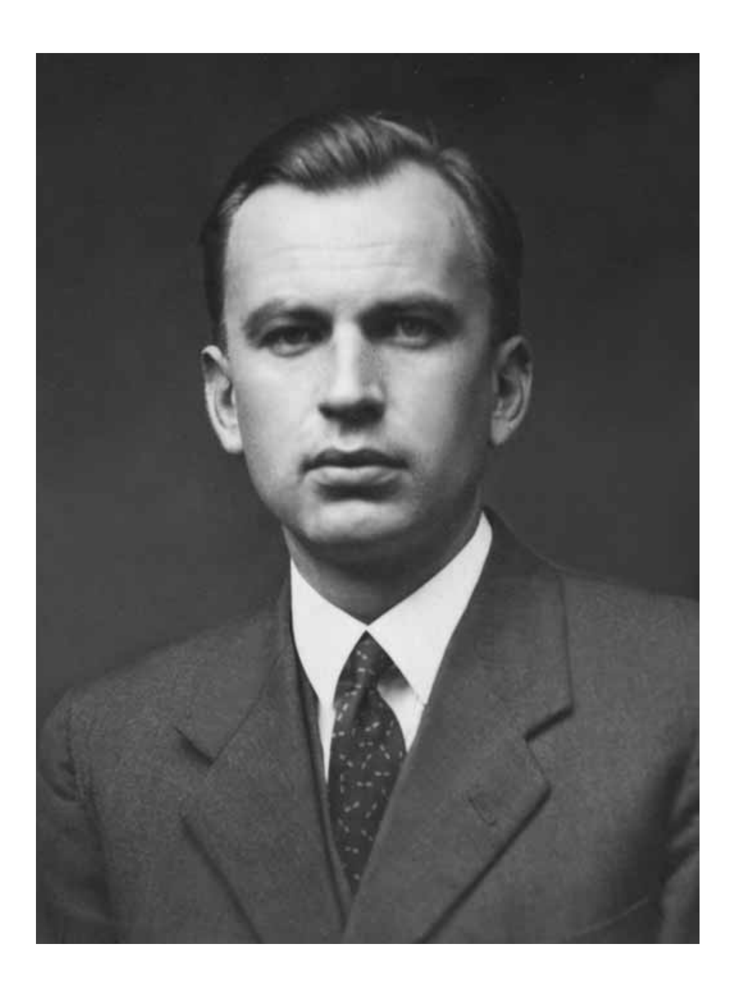
МОЙ УЧИТЕЛЬ, ГРАФ НИКОЛАС СОЛЛОГУБ

Дэрмид Ганн

Когда в 1949 году я поступил в Королевский военно-морской колледж в Дартмуте, чтобы стать офицером, то в мечтах готовился к жизни, полной путешествий и приключений. Я предвкушал морскую практику, как буду ходить под парусом, знакомиться с военными кораблями и их экипажами. Академические предметы казались мне гораздо менее важными, хотя я в полной мере сознавал, какое большое значение придает колледж таким предметам, как математика, физика, навигация, история и современные языки. Однако мне быстро дали понять важность этой стороны жизни в колледже, когда вызвали в учебную часть для обсуждения плана занятий в свете тех предметов, которые я изучал в школе в Шотландии. Мне обьявили, что, учитывая мое знание латыни и древнегреческого, меня определяют в класс по изучению русского языка под руководством некоего графа Соллогуба. Это прозвучало как гром среди ясного неба, я пришел в восторг и был заинтригован. Великая страна, о которой я мало что знал, и обучение у преподавателя-графа – услышанное поначалу с трудом умещалось в сознании. Ведь из-за войны я был лишен возможности путешествовать за границей и познакомиться с культурными иностранцами. Поворот судьбы, вынудивший меня учить русский язык, открывал мне дверь в другой мир и иной образ жизни.

Вместе с другими шестью кадетами, выбранными для этого курса, я с большим волнением ждал появления нашего экзотичного наставника на первом занятии по русскому языку. Граф предстал перед нами в традиционной мантии, какую носят преподаватели колледжа, и на первый взгляд показался воплощением английского джентльмена – никакого отличия от прочих преподавателей, с

которыми я уже познакомился. Он был среднего роста и обладал, как я позже понял, славянскими чертами лица, но не слишком выраженными. Не могу припомнить цвет его глаз, хотя сразу же вспоминается, насколько они были выразительны. У графа был приятный мягкий голос, говорил он слегка в нос. Но главное, от него исходило спокойное обаяние.

«Жить в себе самом умей — есть целый мир в душе твоей»: граф Н. Соллогуб (снимок из семейного архива, предоставлен вдовой графа Н. Соллогуба)

Представился он кратко, приправив свои слова юмором. Ему было известно распространенное среди англичан представление об иностранной аристократии: фальшивые титулы и переизбыток князей, герцогов и графов, и он сухо заметил, что не все русские из эмигрантских семей графы. Пока класс вежливо «переваривал» услышанное, он стал рассказывать о своем выдающемся предке – литераторе графе Владимире Соллогубе и его литературном салоне в Санкт-Петербурге, о человеке, который общался с такими писателями, как Гоголь, Аксаков и Лермонтов. С лукавым юмором он предположил, что все мы знакомы с творчеством столь выдающихся особ. В наших пустых глазах отразилось наше невежество. Граф отнюдь не просто сыпал именами знаменитостей, а устроил нам интеллектуальную ловушку, чтобы показать, как мало мы знаем о русской культуре и сколько нам еще предстоит изучить, чтобы восполнить этот

пробел. Мы в достаточной мере почувствовали свою несостоятельность.

На последующих занятиях мы штурмовали алфавит, заучивали формулы приветствий и вместе составляли некоторые ключевые фразы. Граф превозносил достоинства кириллицы, и одним из его любимых примеров было слово из двух букв, обозначающее

Класс Соллогуба. Возможно, автор статьи среди учеников на первом ряду (из семейного архива, предоставлен вдовой графа Н. Соллогуба)

в русском языке капустный суп, – слово, для передачи которого латиницей требовалось пять букв. Упоминание о щах, том самом капустном супе, подводило нас к беседе о русской кухне и ее деликатесах. Затем начинались эксперименты. Однажды одного из нас отрядили на кухню за молоком, чтобы превратить его во что-то типа ряженки или йогурта. Получившийся продукт трудно было назвать деликатесом, но наш находчивый преподаватель заставил всех нас снять с него пробу. В другой раз шел разговор о закусках, и мы вполне могли оценить кулинарные изыски накрытого перед нами воображаемого стола, хотя в большинстве своем не были из-

балованы по части гастрономии. Мы были слишком юны, чтобы представить себе прелесть подаваемой к закускам водки.

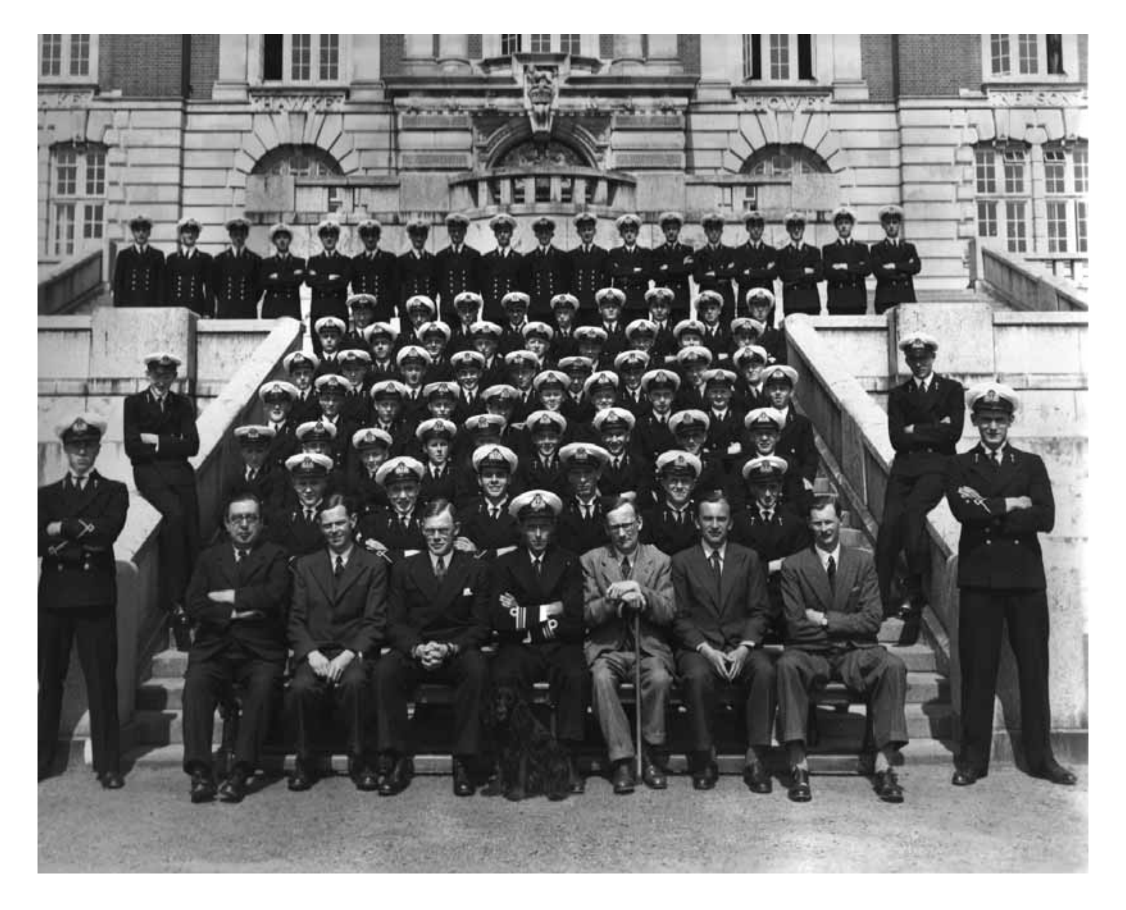
Переход от обсуждения тонкостей русской кухни к волшебным сказкам был почти незаметен. Мы были околдованы пушкинским прологом к «Руслану и Людмиле» – все, за исключением одного нашего товарища, чрезвычайно практичного молодого человека, который никак не мог примириться с такими фразами,

Дартмут колледж Королевских военно-морских сил, 1950-е годы (снимок предоставлен кавалером ордена Британской империи контр-адмиралом Э. Касдагли, выпускником коллежда)

как «избушка на курьих ножках» и «ступа с Бабою Ягой идет, бредет сама собой». Обменявшись мнениями с несогласным, граф подвел итог дискуссии, назвав этого кадета – к вящему удовольствию класса – «современным юношей, лишенным всякого воображения». И хотя Пушкин всегда присутствовал в наших беседах на литературные темы, а весьма потрепанный учебник по грамматике Невила Форбса постоянно был под рукой, граф никогда не пренебрегал современными текстами, взятыми из советских газет и журналов. В одной из таких статей описывались почти невероятные показатели в работе и достижения какого-то предприятия. Выражение «работа кипит», почерпнутое из подобной

статьи, с тех пор всегда использовалось, когда надо было «подвигнуть» нас к высоким достижениям. В том же контексте граф любил слово «стахановец» и, поддразнивая, применял его к самому ленивому кадету. Все эти дискуссии и обмен мнениями велись с юмором и часто сопровождались смехом. Все это было очень по-русски и очень увлекательно. Действительно, на этих занятиях мы попадали в другой мир, выйдя из класса – вспоминали о них

Групповая фотография кадетов и преподавателей Военно-морского колледжа. Второй справа – граф Соллогуб (из архива Э. Касдагли)

совсем не так, как вспоминали о своих уроках кадеты, изучавшие французский и немецкий языки. В сравнении с нашими их занятия казались скучными и прозаичными.

Граф, конечно же, присутствовал в нашей жизни и вне классной комнаты. Вместе с кадетами он, наряду с другими преподавателями, принимал участие в спортивных мероприятиях; он пре-

красно играл в теннис и обладал достаточной квалификацией в парусном спорте, чтобы принимать экзамены по этой дисциплине. Редко его видели лишь на матчах по крикету, этой самой английской из всех игр. Может возникнуть вопрос: неужели только этим он и отличался от других преподавателей колледжа? Думаю, было и что-то другое, нечто более важное и с трудом поддающееся определению. Он всегда излучал спокойную уверенность при общении с другими людьми, как будто черпая из источника зрелых мыслей и размышлений. В связи с этим вспоминается стихотворение Тютчева «*Silentium!*»[1]. Во время краткого визита в Австралию, где англичан обычно называют неодобрительным словечком «пом»[2], граф заработал себе прозвище «русский пом» – его восприняли там и как англичанина, и как русского. Пожалуй, австралийцы проявили поразительную проницательность.

К концу пребывания в колледже некоторые из нас стали чувствовать себя своего рода последователями графа. Это чувство возникло в нас благодаря вере графа в важность своего предмета и его способности внушить нам эту веру. Нам ненавязчиво предлагалось продолжить наши «русские» занятия, и некоторые из нас в дальнейшем так и поступили по ходу своей военно-морской карьеры. Тонкий подход графа к обучению русскому языку и приобретению знаний о самой России встречал, по-видимому, одобрение в Королевском военно-морском флоте, поскольку недостатка в говоривших по-русски офицерах – военно-морских атташе при посольстве Великобритании в Москве – никогда не ощущалось. Довольно странно, но на его занятиях редко говорили о собственно «холодной войне»; акцент почти всегда делался на тех аспектах, которые знаменитый английский писатель Морис Бэринг назвал в своей книге о России «ходовыми пружинами России»[3]. Хотя граф не знал страны своих предков[4] – он никогда в ней не жил, но сердцем и по духу он был истинно русским человеком.

Через несколько лет после окончания Королевского военно-морского колледжа я узнал, что граф занял руководящий пост на кафедре современных языков в одной из престижнейших школ Британии – Винчестерском колледже. Эта прекрасная школа, основанная в 1382 году, описывается в перечне хороших школ Британии как «исключительно цивилизованная» (*uniquely civilised. – Прим. ред.*) в своем стремлении привить студентам совершенство в мыслях и поступках. Преподавать там – задача весьма ответственная, так как очень большое значение придается отношениям между учителем и учеником. Когда граф работал в Винчестере, я имел удовольствие снова с ним встретиться и об-

щаться как взрослый со взрослым. Меня совершенно не удивили его слова, что для него нет большей радости, чем известие о том, что его бывший ученик продолжает заниматься русским в университете, а под «русским» он подразумевал не только язык. В особенности ему было приятно, что именно так и поступили многие из кадетов, которых он обучал в Королевском военно-морском колледже.

Много лет спустя, когда граф умер, я присутствовал на поминальной службе в его честь в Винчестерском колледже. Съехалось необычайно много его бывших студентов – и морских офицеров, и воспитанников Винчестерского колледжа. Директор тонко и ярко говорил о графе, отметив, что он способствовал лучшему пониманию России во всех областях жизни, и что Николас Соллогуб был выдающимся преподавателем и достоянием страны.

В качестве постскриптума к этому панегирику в честь графа Николаса Соллогуба я должен упомянуть об одном разговоре, состоявшемся несколько лет назад в Дартмуте, на встрече выпускников в честь годовщины нашего поступления в Королевский военно-морской колледж. Многих из присутствовавших трудно было узнать – сказывался отпечаток, наложенный разрушительным временем, и «камуфляж» в виде бород. Пока я пытался определить, кто есть кто, ко мне подошел преуспевающего вида господин с военной выправкой, который вежливо поинтересовался, не учился ли я в классе Николаса Соллогуба в 1949 году. Я узнал в нем кадета, над которым граф любил подтрунивать. Этот человек не стал продолжать изучение русского языка, но воспоминание об удовольствии, которое доставляли занятия в классе Соллогуба, все эти годы поддерживало в нем интерес к России. Мы оба согласились, что трудно было бы найти лучшего посла как для России, так и для Англии, чем граф Николас Соллогуб, судьба и жизнь которого связала обе страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для удобства читателя приводим упомянутое стихотворение. (*Прим. ред.*)

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне

Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!

‹1829›, начало 1830-х годов

2 Происхождение слова не ясно. Наиболее достоверным представляется объяснение, что *pom (pommies)* это сокращение от *pomegranate* (гранат), поскольку чувствительная к солнцу кожа британцев быстро краснела на солнце. Звук «о» в слове «пом» также напоминает о «королевском» английском произношении, не характерном для Австралии. (*Прим. ред.*)

3 *Baring M.* The Mainsprings of Russia. London, 1914.

4 Граф Николай Соллогуб родился в Санкт-Петербурге в 1913 году. До революции семья проводила зиму в Санкт-Петербурге и в поместье Каменка, невдалеке от столицы. Лето – в Ливонии, а осень – в другом поместье под Курском. После гибели отца в Гражданской войне Николас Соллогуб с матерью уезжают в Париж. Во Франции он неоднократно меняет школы, пока не поступает в Тринити колледж (Кембридж), где получает диплом по французскому и немецкому языкам и экономике. В 1938 году он становится заместителем директора Дартмутского колледжа, а в 1954 году переезжает со своей матерью в Винчестер, где преподает русский, немецкий и французский языки. После смерти матери в 1965 году он женится на англичанке Валери Дрю и становится отцом четырех дочерей. Николас Соллогуб умер в Винчестере в 1990 году. (*Прим. авт.*) См. также: *Sollohub E.* The Russian Countess: Escaping Revolutionary Russia. London: Impress Books, 2009. (*Прим. ред.*)

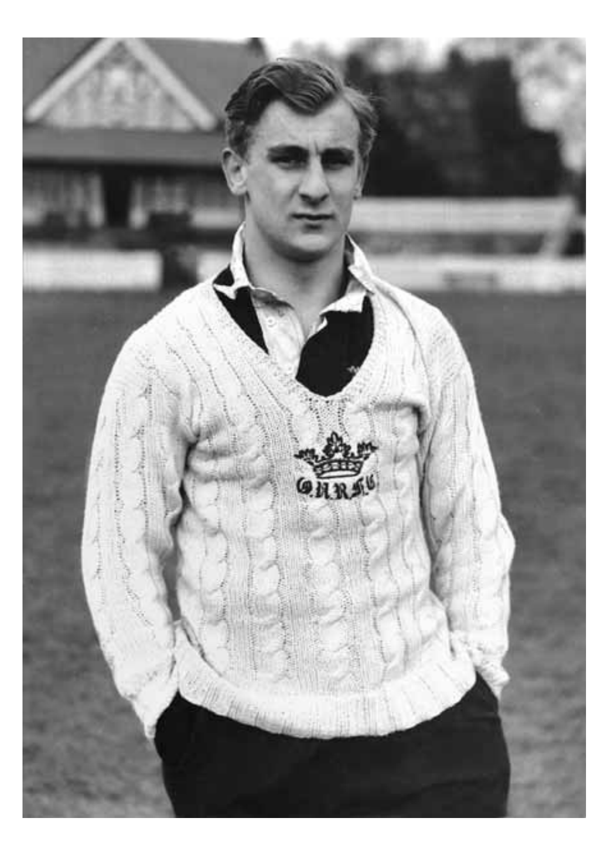
КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ОБОЛЕНСКИЙ – ЛЕГЕНДА АНГЛИЙСКОГО СПОРТА

Стюарт Халс

Князь Александр Оболенский – одна из ярких личностей российской эмиграции и одновременно британская знаменитость. Он стал спортивной легендой и героем войны в стране, ставшей его домом. Ему выпало прожить короткую, но замечательную жизнь между двумя глобальными катаклизмами: революцией в России и Второй мировой войной. Эти записки о князе Оболенском я пишу по просьбе и с помощью моей жены, племянницы князя, Александры Оболенской.

Князь Александр родился в Санкт-Петербурге в семье с многовековой историей. Этот род уходит корнями к Рюрику, легендарному князю, основателю правившей на Руси династии Рюриковичей. В XIV веке один из князей Оболенских, Михаил, был канонизирован церковью как святой – немногие могут назвать святого в своей родословной! В мемориальном зале Бородинской битвы в Зимнем дворце висит портрет другого предка Александра – майора Оболенского. Дед Александра, героя этих воспоминаний, – его также звали Александром – был камергером царя; и император с императрицей бывали в его загородной резиденции. Отец Александра Оболенского, князь Сергей, был командующим императорской конной гвардией Николая II. В России Оболенские имели огромные владения, одно из которых было величиной с Уэльс, однако это была не только знатная и богатая, но и не чуждая искусствам семья, водившая дружбу с писателями. Один из предков моей жены Александры упоминается Толстым в «Войне и мире», а Долли Оболенская фигурирует в его романе «Анна Каренина». Дальняя тетушка княгини, Юлия Оболенская[1], была близким другом Шагала. Мусоргский посвятил фортепьянную сонату одному из членов ее семьи.

Во время революции 1917 года отец и мать Александра Оболенского, князь Сергей и княгиня Любовь (Нарышкина), покинули Россию на английском военном корабле, так как их жизни были в опасности. Они бежали из Петрограда с годовалым сыном и его двумя старшими сестрами. Эмигрантские будни Оболенских в Лондоне весьма существенно отличались от их прежней жизни титулованных дворян на родине. Вынужденные бежать из России практически без денег и какого-либо имущества, они жили в скромном доме на две семьи (*semi-detached*) на севере Лондона. Князь Сергей учился на инженера, а первое время, как рассказывают, был даже подсобным рабочим на английской ферме.

А. Оболенский – студент Оксфорда (из семейного архива)

Прошло время, и их сын Александр Оболенский стал выдающимся спортсменом-регбистом. Он познакомился с регби и полюбил эту игру в Трэнт колледже, частной школе в графстве Дербишир, и продолжал играть, когда учился в Оксфордском университете, в колледже Брейзноуз. Светловолосый, голубоглазый, молодой и спортивный, он был принят в светском обществе. Известный сверстникам как Обо, он проводил время на вечеринках и в компании молодых женщин и, как говорят, каждый раз перед матчем съедал дюжину устриц. При этом он был скромен, обладал хорошими манерами. Спортивный журнал 30-х годов писал, что он был «простым в обхождении, его отношение к жизни было естественным и жизнерадостным»[2].

Оболенский вошел в состав сборной Англии по регби благодаря тому, что отлично играл за Оксфордский университет. Уже дебютный матч в команде Англии превратил Александра в спортивную легенду. Игра 1936 года, названная впоследствии в прессе «матч Обо», проходила на огромном Твикенхэмском стадионе в

Лондоне, на котором собралось свыше 70 000 болельщиков. Англия играла против считавшейся лучшей в мире команды Новой Зеландии «Ол Блэкс» *(All Blacks)*. В этой игре Оболенский был крыльевым форвардом. Спортсмен выиграл две блестящие попытки (заноса)[3], каждая из которых принесла команде по три очка. Один из его заносов даже сегодня считается самой лучшей «попыткой» в истории английского регби. В тот день Англия впервые в истории выиграла в регби у Новой Зеландии. Победа со счетом 13:0 и по сей день остается самым лучшим результатом английской команды в игре против знаменитых «Ол Блэкс». Это состязание вошло в историю как «матч десятилетий», а игра Александра Оболенского, способствовавшая победе, недавно была названа газетой «Таймс»[4] – гениальной, а он сам – стремительным бегуном (он пробегал 100 ярдов за 10 секунд – отличный результат по тем временам) и природным талантом. Во время знаменитой попытки Оболенский получил мяч на правом фланге и совершил стремительный рывок по диагонали через все поле, обойдя половину команды новозеландцев, занеся мяч на левом фланге в зачетное поле соперника. После этой знаменитой игры Александр Оболенский стал известен как «Летающий князь» или «Летучий Славянин». Его называли также «любимцем нации». Так пока не называли ни до, ни после никого из русских в Великобритании.

На постаменте памятника надпись: «ОБРАЗЦОВЫЙ СПОРТСМЕН, ЛЕГЕНДА РЕГБИ, ВОЕННЫЙ ПИЛОТ» (SPORTING ICON; RUGBY LEGEND; WARTIME PILOT).

Оболенский вошел в историю регби не только как выдающийся игрок, но и как автор нескольких нововведений: новой тактики бега по игровому полю, нового «оверарм»-метода для занесения мяча в зачетную зону противника, а также использования более легких игровых ботинок.

Однако включение Оболенского в состав национальной сборной в 1936 году было небеспроблемным. Русский князь еще не имел британского подданства, а в то время в национальные сборные команды не было принято приглашать иностранцев. О том, что в сборной блестяще играет «небританец», стало известно принцу Уэльскому (будущему королю Эдуарду VIII), когда наследника престола знакомили с командами. Он поинтересовался у Оболенского, на каком основании тот представляет Англию. Обо ответил: «Я учусь в Оксфорде, сэр». Принцу Уэльскому сказали также, что этот спортсмен – русский князь, и, как рассказывал сам игрок, принц Эдуард заметил: «А я думал, что я единственный принц, присутствующий здесь»[5]. Позднее в том же году Александр получил британское гражданство.

Легендарный «принц скорости» трагически погиб в возрасте всего лишь 24 лет в марте 1940 года. Он добровольцем вступил в Королевские военно-воздушные силы и в первые дни войны проходил обучение, чтобы стать пилотом истребителя. После очередного тренировочного полета он разбился при посадке самолета «Харрикейн» на аэродроме, располагавшемся вблизи Ипсвича[6]. Говорят, что при посадке истребитель проскочил посадочную полосу и врезался в колею среди травы. Существуют и другие, спорные версии этой трагедии. Александр Оболенский был похоронен в городе Ипсвиче с полными воинскими почестями. Надпись на его могильном камне гласит: «Его бесстрашный дух и внушающие любовь личные качества будут вечно жить в сердцах тех, кто знал

У памятника Оболенскому в Ипсвиче группа его создателей и меценатов. В центре Александра Оболенская, племянница князя, и скульптор Г. Грей со своими дочерьми (предоставлен газетой «Лондонский курьер»)

его»[7]. Минута молчания в память о нем была объявлена перед началом международного матча, в котором должен был бы играть Оболенский. Газеты писали: «Новость о его смерти вызвала всеобщую скорбь, так как он стал чем-то привычным, стал своим... Имя его стало знакомо каждому».

Легенда британского регби, русский князь Александр Оболенский увековечен в названии различных клубов и памятниках Британии. В Трэнт колледже, частной школе, где он учился, новый корпус (стоимостью 4 миллиона фунтов) носит имя «Оболенский». В регби-клубе Росслин Парк в Лондоне, за который играл Александр, есть Ассоциация князя Оболенского, названная в честь своего знаменитого крыльевого форварда. Скульптура Оболенского работы Гарри Грея выставлена во Всемирном музее регби на стадионе в Твикенхэме. Демонстрируют там и старые киноленты, на которых запечатлены знаменитые «попытки» спортсмена. Имя Оболенского можно встретить в «Зале славы» Твикенхэма, а кроме этого, его имя (Оболенский) носит большой ресторанный комплекс стадиона. Еще одним подтверждением признания заслуг князя в Великобритании является проводимая ежегодно в Министерстве иностранных дел «Лекция Оболенского», спонсируемая национальной газетой «Санди таймс» и парламентской группой Вестминстера[8].

В 2007 году в Ипсвиче, где разбился и похоронен Оболенский, решено было поставить новый памятник. Идея возведения памятника принадлежала Джеймсу Хехиру, главному исполнительному директору Городского совета Ипсвича и спортивному энтузиасту. Проект по возведению памятника был поддержан от имени Королевских военно-воздушных сил главным маршалом авиации сэром Клайвом Лоудером и Английским союзом регби. Памятник воздвигнут на частные пожертвования: было собрано более 50 000 фунтов стерлингов. В том числе проект был поддержан национальной газетой «Дейли телеграф», а также Романом Абрамовичем, который сделал крупный взнос. Пожертвование владельца футбольного клуба «Челси» и спонсора российской футбольной сборной было по достоинству оценено как среди английских любителей регби, так и в мировом спорте.

Создатель памятника Гарри Грей – известный скульптор, автор мемориала, посвященного битве за Британию на Дуврских скалах у пролива Ла-Манш. Корреспондент «Дейли телеграф» Брэндан Галлагер писал о памятнике, что скульптору удалось передать нечто большее, чем просто «героический дух победителя». Памятник[9] в стиле арт-деко представляет собой корпус истребителя «Харрикейн» и рвущийся вверх мускулистый бронзовый торс. Три клю-

чевые грани короткой жизни Александра Оболенского отражены в тех немногих словах, которые медными заглавными буквами написаны на постаменте: «ОБРАЗЦОВЫЙ СПОРТСМЕН, ЛЕГЕНДА РЕГБИ, ВОЕННЫЙ ПИЛОТ» (*SPORTING ICON; RUGBY LEGEND; WARTIME PILOT*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Оболенская Ю.Л.* В школе Званцевой под руководством Л. Бакста и М. Добужинского (1906–1910). 1927. ОР ГТГ, ф. 5, ед. хр. 75. См. также: *Хмельницкая Л.* Сплетения судеб. www.chagal-vitebsk.com. (*Прим. ред.*)

2 См. главу об Оболенском: http://therugbyhistorysociety.co.uk/obolensky.html. (*Прим. ред.*)

3 Регби-юнион – игра, возникшая в середине XIX века в английской частной школе под названием Регби; сейчас эта игра стала международной. По правилам регби-юнион попытка считается успешной, если игрок, владеющий овальным мячом, сумеет пересечь линию поля противника и коснется мячом земли за этой линией. (*Прим. ред.*)

4 См.: http://www.timesonline.co.uk/tol/sport/rugby_union/article5761213.ece. «Таймс» 18 февраля 2009 и 4 ноября 2006; *Налбандян З.* Русская легенда британского спорта// Время новостей. 2008. № 147. 14 авг. (*Прим. ред.*)

5 Русский дворянский титул «князь» переводится на английский язык как *«prince»*. (*Прим. ред.*)

6 Ипсвич – один из крупных городов восточной Англии. Самым известным уроженцем этого города был кардинал Вулзи при короле Генрихе VIII.

7 На том же кладбище похоронен брат Оболенского Михаил (Майкл).

8 Хоть и небольшой, но все же «данью памяти» является и сувенирный магазин под названием «Оболенский» в центре города Фарнхэм, к югу от Лондона, которым владеют Александра Оболенская и ее муж Стюарт Халс. В соавторстве с Хью Годвином, журналистом национальной газеты по регби, Стюарт Халс приступил к работе над биографией легендарного «принца скорости».

9 Памятник был открыт в феврале 2009 года Александрой Оболенской, племянницей князя.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ В БРИТАНИИ: ТРИ ВИЗИТА – ТРИ ЭПОХИ

Анна Ванинская

В своем знаменитом эссе «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах» Исайя Бéрлин вспоминал про К. Чуковского: «Я в свою очередь попытался заверить Корнея Ивановича, что его произведения читают и любят знатоки русской литературы в англоязычных странах»[1], в особенности Морис Баура[2] (который познакомился с Чуковским во время Первой мировой войны) и Оливер Элтон[3]. Действительно, издание Некрасова под редакцией Чуковского попало в отчет Артура Рэнсома «Россия в 1919 году», а Г.Дж. Уэллс назвал его «тонким критиком» еще в 1917 году, в своей книге «Война и будущее». Откуда же англичанам был известен Корней Чуковский?

Впервые Чуковский посетил Англию в 1903–1904 годах, будучи молодым, бедным и безвестным корреспондентом провинциальной газеты. Он провел большую часть времени в Британском музее, читая классиков XIX века – Карлайла, Маколея, Хэзлита, Де Куинси, Арнолда, Браунинга, Россетти и Суинберна. В 1916 году он вновь вернулся представителем журнала «Нива», в компании Алексея Толстого и Набокова-старшего, но уже на совсем иных условиях. Делегацию журналистов принял в Букингемском дворце король Георг V, их занимал лорд Дерби, они были представлены Ллойд Джорджу, Эдварду Грею, Артуру Балфуру, лордам Китчнеру и Нортклифу и таким фигурам литературного истэблишмента, как Эдмунд Госс, Г.Дж. Уэллс и Артур Конан Дойл. В 1962 году Чуковский снова приехал в Великобританию, на этот раз для получения почетной докторской степени Оксфордского университета. Обзор его работ помещает «Таймс литерари сапплемент», он входит в число выдающихся писателей, приглашенных в Соединенное Коро-

левство «Обществом культурных связей с СССР». Три посещения Чуковским Британии настолько точно символизируют три характерных способа культурного взаимодействия, что сами по себе заслуживают исследования.

***

Вторая и третья поездки являлись официальными мероприятиями с заранее составленными маршрутами. В 1916 году Британия и Россия были союзницами, и британское правительство пригласило делегацию журналистов и писателей в целях военной пропаганды: в задачу гостей входило «отметить» поддержку Британией своего бывшего врага. Они посетили секретные военные объекты, встретились с австралийскими солдатами и увидели занятия по боевой подготовке в Олдершоте, им показали, как строят корабли и самолеты, их возили на фронт. Чуковский в тот момент был не чужд теме такого рода пропаганды во имя культурного сближения: в 1915 году он издал богато иллюстрированную книгу «Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне», предназначенную вызвать симпатию к военным усилиям Британии и очеловечить рядовых британских солдат с помощью подробного разбора их писем домой[4]. Министерство народного просвещения, Военное министерство и британский посол единодушно одобрили ее «для чтения в войсках и гимназиях», были заказаны десятки тысяч экземпляров[5]. По возвращении в Россию Чуковский издал, подобно своим спутникам по делегации Набокову и Толстому, не лишенную иронии книгу впечатлений «Англия накануне победы» и подготовил к печати весьма сокращенный перевод воспоминаний подполковника Джона Генри Паттерсона «С еврейским отрядом в Галиполи» (1916/1917)[6]. Из писем Чуковского того времени мы узнаем, что он рассматривал эту работу как необходимую поденщину, а к 1960-м годам, когда он заново открыл для себя два первых издания, его отношение к ним стало еще более критическим. С расстояния в пятьдесят лет «Англия накануне победы» пока-

Этот снимок сделан К. Чуковским во время первой поездки в Англию. Предоставлен сайтом «Отдав искусству жизнь без сдачи» (www.chukfamily.ru) о К. и Л. Чуковских. Авторы сайта: Ю. Сычева и Д. Авдеева

залась ему «плоской и лживой книжкой»; не помогло даже то, что он написал ее «искренне» и с «простодушной доверчивостью»: «мало утешения мне, что я был искренний идиот»[7].

Но официальная сторона поездки 1916 года не ограничилась военными вопросами, за которые он осудил себя в старости. В Лондоне делегация жила в «Савое» (Чуковский даже отмечает контраст между окружающей роскошью и своими дырявыми башмаками), а столовалась в «Реформ-клубе» и в «Королевском автомобильном клубе». Следовала нескончаемая череда речей и званых обедов, Артур Конан Дойл провел для Чуковского и Набокова экскурсию по Лондону, а Герберт Уэллс принял их в своем доме в Эссексе. Их преследовали журналисты-папарацци, а Чуковский и сам немного «поохотился» за знаменитостями, воспользовавшись встречами в высших кругах, чтобы взять автографы для своего альбома у Эдварда Грея, лорда Нортклифа, Дж.Р. Джеллико и у других адмиралов королевского военно-морского флота. Разные генералы и члены кабинета оставили записи в виде цитат из Теннисона и патриотических лозунгов: «Англия ждет, что каждый исполнит свой долг», «В победных лаврах пораженье зрит/Тот, кто погиб в бою». В ином духе восприняли просьбу оставить запись в альбоме писатели: «Для моего нового (но старого) русского друга Корнея Чуковского» – написал Эдмунд Госс. «Джон Бакан (из племени Бавабба) сыну Аполлона» – написал Бакан и подарил Чуковскому рукописный автограф Киплинга. Уэллс нарисовал карикатуры. Друг Уайльда Роберт Росс, подаривший Чуковскому страницу из рукописи «Баллада о Редингской тюрьме», оказался наиболее плодовитым: «Англичане не любят хлестать лошадей, потому что боятся задеть мух» и «Занятием Англии в 20-м веке будет избавление от идеалов девятнадцатого. Когда мы в этом преуспеем, возможно, будем счастливы» – нацарапал он[8].

В. Набоков, Р. Вильтон и К. Чуковский (Англия, 1916) («Неистовый Корней», Государственный литературный музей)

Эта поездка имела для Чуковского и личный аспект. В своих письмах он позволяет себе предаться воспоминаниям: из окна его великолепного номера-люкса видно было то место на набережной

Виктории, где двенадцать лет назад он сидел со своей женой в день ее отъезда. Он посещает связанные с прошлым места и отмечает перемены, вызванные войной и временем. Повсюду женщины – работают и водят машины; исчезли, сменившись моторизованными, омнибусы на конной тяге; подземка еще более разветвилась, но кондукторы по-прежнему кричат теми же, пугающими голосами, все так же горничные моют по утрам ступеньки парадных входов, а в магазинах объявляют распродажи и сбавляют цены[9]. Он повидался со многими русскими эмигрантами, которых знавал во время своего первого пребывания в Англии. Когда делегация приехала в Лондон из Ньюкасла (Чуковский путешествовал третьим классом, чтобы иметь возможность поговорить с солдатами и матросами), их встретили К. Набоков и А. Аладьин. Он разговаривал по телефону с Дионео (псевдоним И. Шкловского) и встретился со своим старым редактором Жаботинским (который его разочаровал), а также с критиком Зинаидой Венгеровой. Старая Англия, которую он помнил по 1904 году, еще просматривалась, несмотря на то, что статус Чуковского – почетного гостя правительства, словно небо и земля отличался от былого полуголодного существования неизвестного журналиста. На сей раз Чуковского позабавила незыблемость времени приема пищи: в «Савое», на линкоре, на заводе в Портсмуте, в поезде в Шотландии – «всюду эти часы соблюдались свято»[10]. Ему нравилась мягкая погода, вид сытых людей, но одолевали приступы меланхолии. В подарок своим детям он купил географические карты. Но, несмотря на личные воспоминания и встречи, на литературном и на политическом уровне поездка 1916 года может считаться типичным официальным визитом: культурная элита двух стран встречалась для взаимодействия в достижении политических целей и обмена остротами в послеобеденной беседе в клубе.

Группа писателей в Лондоне в 1916 году, Чуковский второй слева (снимок опубликован в книге И. Лукьянова «Корней Чуковский»)

Приезд Чуковского в 1962 году был в некотором смысле зеркальным отражением предыдущего визита. Он стал первым русским литератором, получившим почетную докторскую степень в Оксфорде

после Тургенева, удостоенного ее почти за сто лет до этого (в 1879 году), и приехал он теперь представителем не государства-союзника, а Советского Союза времен «холодной войны». Из речи Чуковского на почетной церемонии было понятно, насколько он осознавал значение своей миссии – культурное единение может преодолеть политическое соперничество. «Разве не сказал Уолт Уитмен, что поэзия способна выковывать более крепкие связи, чем самые способные дипломаты?» – завершил он свою речь.[11] Но он также понимал, что вынужден придерживаться линии партии, и за личными воспоминаниями в его речи последовали официальные дифирамбы достижениям советской литературной критики, прямо противоположные его антисоветским высказываниям в дневнике того времени. Тем не менее третью поездку Чуковского в Британию можно рассматривать как первопроходческую. Это было в своем роде потепление отношений в англо-русских культурных связях: три года спустя в Оксфорд, вслед за ним, для получения почетной степени приехала Анна Ахматова.

Чуковский в Пушкинском Доме в Лондоне (из архива Дома)

Интересно, что на этот раз Чуковский ехать не хотел. Сказывалось не только недовольство, что под старость лет его отрывают от работы, но и доходившие до него противоречивые мнения о том, что ожидает его в Англии. Одни рисовали «мрачную картину шпионажа, шантажа, провокаторства английской полиции», другие заверяли его, что «все это вздор, что в Оксфорде» он будет чувствовать себя как дома, тихо и спокойно[12]. Приняв же решение, он не мог удержаться от сравнения предстоящей поездки со своим первым пребыванием в Англии почти за шестьдесят лет до этого. В 1903–1904 годах, вспоминает Чуковский, он был «провинциал, невежда... *Cadbury Cocoa* [какао «Кэдбери»] и *Beechamp's Pills* [пилюли Бичама], *Review of Reviews* [«Ревью оф ревьюз»] – нищий – из *Russel Square* [Рассел-сквер] я был выгнан

на *Tichfield Street* [Тичфилд стрит] – улица безработных, воров и проституток: настоящий *slum* [трущоба]». В поездку он взял с собой полторы тысячи фунтов стерлингов, а в 1904 году у них с женой «никогда не было больше 15-ти»[13].

И в самом деле, это путешествие оказалось совсем иным, и ни о какой временнóй преемственности и речи не было – служанки, моющие ступени парадных входов, давно исчезли. Но немедленно по приезде Чуковский впал в восторженное состояние. В Оксфорде он жил в дорогом отеле «Рэндолф», встретил его С. Коновалов, русский ученый, эмигрант, способствовавший публикации некоторых критических работ Чуковского в «Оксфорд славоник пейперс»[14] и жаловавшийся в разговоре, каким ограниченным ему казался Оксфорд и как трудно жить вдали от России. Чуковский присутствовал на обеде, устроенном в его честь в Олл-Соулз колледже, его принимали старые знакомые, в частности, Исайя Бéрлин и Морис Баура. Также он имел возможность почувствовать вкус общественного признания: не только все его речи принимались на ура, но и вечерняя прогулка по Оксфорду вылилась во встречу, которая кажется слишком счастливым совпадением, чтобы не быть подстроенной. «Вдруг из одного домика выбегает возбужденная женщина и прямо ко мне: Мы воспитались на ваших книгах, ах, Мойдодыр, ах, Муха-Цокотуха, ах, мой сын, который в Алжире, знает с детства наизусть ваше *Тараканище*»[15]. Подстроена была эта сцена или нет, но к шестидесятым годам некоторые детские стихотворения Чуковского и критические статьи действительно были переведены на английский язык[16]. «Крокодил» даже был упомянут во время Оксфордской церемонии присуждения степени, а в своей статье «Искусство в сталинской России» Исайя Бéрлин называл его детские стихи «гениальной бессмыслицей», выдерживающей сравнение с произведениями Эдварда Лира[17]. Во время поездки его окружали оксфордские студенты, для него устраивали банкеты в оксфордских и лондонских колледжах, Британский совет даже направил его в Эдинбург. В Лондоне он выступал и читал свои стихи в клубе «Англия – СССР», в Пушкинском клубе и на русской службе Би-би-си, а его лекция в Лондонском университете имела громкий успех.

И все же некоторые детали поездки принесли разочарование, в особенности встречи со старыми эмигрантами (хотя среди них не оказалось никого, с кем он общался в начале XX века, большинства из них, вероятно, уже не было в живых). Профессора Дмитрий Оболенский и Сергей Коновалов в Оксфорде, а также переводчик и продюсер Би-би-си Ариадна Николаефф ему очень понравились, но другие, включая престарелого барона Мейендорфа и Муру Будберг (которую в юности Чуковский знал как любовницу Горького), про-

извели гнетущее впечатление. Пушкинский клуб, сообщает в своем дневнике Чуковский, «как будто для того и существует, чтобы доказать, что в эмиграции люди гниют и мельчают. Принимали меня хорошо, но атмосфера гнилости, запустения, бездарности, страшной опустошенности угнетала меня все время ... мне следовало бы жалеть их от всего сердца. И уезжая от них, я почувствовал ту же жалость, какую чувствуешь ко всякому покойнику»[18]. Нет причин сомневаться в искренности подобных высказываний – его взгляды на эмигрантскую жизнь оставались удивительно устойчивыми.

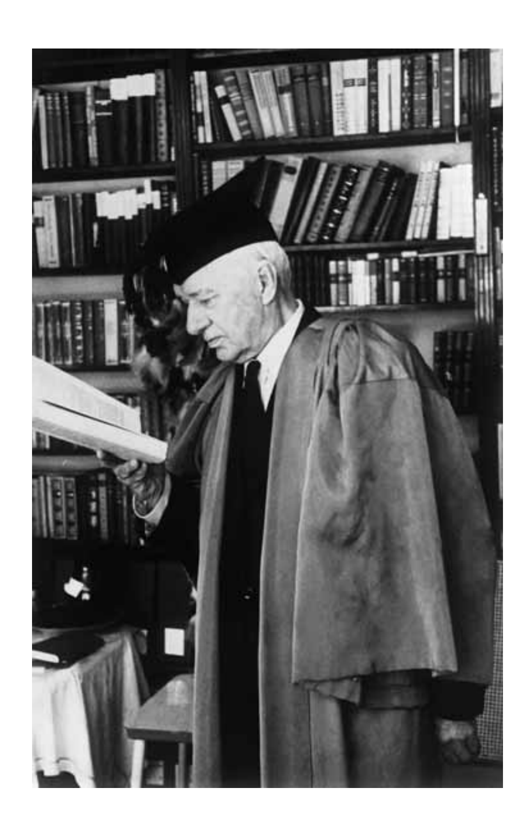
Другие разочарования были иного свойства: «абстракционистов» в галлерее Тейт он нашел ужасными, его любимые прерафаэлиты «поблекли», а Фрэнсис Бэкон «вполне отражал современную душу» (это был не комплимент)[19]. Вдалеке от утомительных официальных визитов все напоминало ему о ходе времени. Чуковский гулял по центру Лондона и с изумлением обнаружил статую давно почившего Георга V, лично его когда-то принимавшего. Это был последний приезд русского критика в Англию, и хотя в течение последующих нескольких лет страна эта продолжала занимать место в мыслях Чуковского, ему уже никогда больше не суждено было увидеть ее снова.

***

Однако наибольший интерес представляет первое пребывание Чуковского в Англии – такое непохожее на два последующих визита – неофициальное, длительное и важное как будто бы только для него самого. Англия, английская реальность, английская среда сформировали тогда его мировоззрение и его подход к литературной критике. Его способность действовать в последующие годы в качестве культурного посредника можно отнести к тому факту, что жизнь он начинал типичным поздневикторианским самоучкой, посещавшим лекции в Рабочем колледже и наверствывавшим чтение в Британском музее.

Потрепанный экземпляр «Самоучителя английского языка», попавший в руки Чуковскому в шестнадцать лет – после исключения из школы и зарабатывания на жизнь частными уроками и покраской крыш, – изменил всю его жизнь и быстро стал частью личной мифологии. Произношение у него так и осталось ужасным и служило предметом насмешек со стороны принадлежавшего к высшему свету семейства Набоковых: в полном соответствии с насмешками, посыпавшимися после его литературного дебюта, – дескать, провинциал низкого происхождения, вышедший из журналистики. Но задолго до этого Англия уже была его путеводной звездой, а его список самых важных книг включал в 1901 году английский словарь, «Самоучитель английского языка» и комплект «Ройял ридерс»[20]. «Ройял ридерс»,

издаваемые Т. Нельсоном и сыновьями, были одними из самых популярных учебников в английских начальных школах и продавались миллионными тиражами[21]. Нам неизвестно, как в то время, на рубеже веков, в Одессе, Чуковскому удалось раздобыть это пособие, однако использование им «Ридерс» указывает на серьезное знакомство с курсом обучения типичного английского подростка из рабочей семьи. Многие из этих подростков, оставив школу в тринадцать лет, продолжали заниматься самообразованием, читая классиков XVIII века и викторианской эпохи. Книга Джонатана Роуза о круге чтения английских самоучек дает подробнейший портрет их интеллектуального формирования – и Чуковский идеально отвечает этой модели[22]. Его чтение было эклектичным, но типичным: в тетрадях за 1901 год упоминаются Спенсер, Раскин, Гроут и антрополог Макленнан. В тот же год он «проглотил» Босуэловскую «Жизнь Джонсона», Бокля, Бентама, Джерома, Стивенсона, «Золотую сокровищницу английской поэзии» Палгрейва и по несколько томов По и Суинберна. В одесской публичной библиотеке он зачитывался Китсом, Шелли, Теннисоном, Хэзлитом, Маколеем, Де Куинси, Карлайлом, Браунингом, Томасом Мором и Диккенсом. В течение следующих двух лет он будет продолжать чтение, а иногда и переводить для собственного развития английских классиков и современных ему эдвардианских авторов.

Писатель в мантии Почетного доктора Оксфордского университета (предоставлено www.chukfamily.ru)

Но затем настал новый переломный момент. В 1903 году газета «Одесские новости», с которой он внештатно сотрудничал в течение уже двух лет, направила его корреспондентом в Лондон. Перемещение это было символическим, а траектория – знакомая многим провинциальным английским писателям конца викторианской эпохи, имевшим более чем скромное происхождение. Немало их в этот период вырвалось за пределы своего класса с помощью журналистики и переселения в столицу. В случае с Чуковским таким освобождением стал его переезд после возвращения из Лондона в другую столицу – Санкт-

Петербург, но лондонская интерлюдия сформировала его во многих отношениях. Позднее эти годы рисовались радужными красками, но по горячим следам, отплывая в Россию в сентябре 1904 года, он записал в своем дневнике: «только теперь понимаешь, какая дрянь эта Англия»[23]. Такой вывод не удивил бы никого, кто регулярно читал его корреспонденции в «Одесских новостях». Хотя редактор Чуковского и обвинял его в том, что он слишком много времени проводит в читальном зале Британского музея вместо того, чтобы выискивать интересные сведения для репортажей, Чуковскому все же удалось соприкоснуться с потрясающим разнообразием сторон лондонской жизни. Его статьи нисколько не напоминали типичные заметки респектабельных русских, путешествовавших по Англии и высказывавшихся по поводу светского сезона или последних выставок: в то время никто не приглашал одесского журналиста в гости, и он наблюдал жизнь Лондона, как он сам впоследствии выражался, «из трущоб»[24].

Конечно же Чуковский много общался с другими русскими эмигрантами, жившими в Лондоне. Там обитали знаменитый Дионео (псевдоним Исаака Шкловского) и его жена, журналисты и политические деятели С. Раппопорт и А. Аладьин (которых он безжалостно критиковал), П. Милюков, будущий глава партии кадетов, но тогда еще простой историк, В. Лазурский, профессор литературы, занимавшийся в Лондоне изысканиями для своей диссертации, некий профессор Демченко из Варшавы и корреспонденты разных одесских газет. Хотя он открыто признавал, что презирает их стиль письма, в собственных газетных заметках Чуковский не чурался описывать «привычки и традиции местных жителей», используя многие из наиболее устойчивых стереотипов британского национального характера, особенно излюбленные русские клише о недостатке душевности и психологической глубины у жителей Запада.

Но этим дело не ограничивалось. Из-за финансовых проблем своей газеты Чуковский подолгу сидел без денег (выживая на то, что занимал у друзей-эмигрантов), был вынужден переехать из пансиона в нищенскую комнату и в какой-то момент даже обнаружил у себя в кровати крыс. Его критика в адрес Британии отчасти проистекала из опыта иностранца без гроша в кармане. Будучи таковым, Чуковский особенно интересовался положением подобных ему жителей Ист-Энда[25]. Он посвятил несколько корреспонденций парламентским комиссиям, которые готовили почву для Закона об иностранцах 1905 года, и судьям Гилдхолла, которые обвиняли мелких преступников из родной для Чуковского Одессы в «злоупотреблении [британским] гостеприимством».[26] Его описания посещений русских евреев-эмигрантов в Уайтчепеле вышли в свет одновременно со знаменитой документальной книгой Джека Лондона «Люди бездны» (1903), и в

них можно наблюдать степень самоотождествления с описанными героями, которой не было ни у живущих в изгнании состоятельных революционеров, вроде Кропоткина (которого Чуковский видел в Британском музее, но познакомился с которым только в 1917 году в Петрограде), ни у других выходцев из России, с которыми Чуковский общался.

Однако корреспонденции мало что говорят о состоянии дел самого Чуковского, они написаны с самоуверенностью «всезнающего» молодого человека двадцати одного года, недавно вырвавшегося из провинции. Чуковский наблюдал за странным миром Джона Буля со смесью восхищения и отвращения, и позитивные отзывы об английской филантропии, уважении к закону и правам личности, восхищение Хрустальным дворцом[27] и *«self-made man»* [человек, добившийся успеха своими силами] зачастую обесценивались критическими замечаниями – о странной и карательной судебной системе, «китайском» засилии традиции и деспотизме общественного мнения, культе национального наследия, английском консерватизме, ксенофобии, империализме и джингоизме.

При каждом удобном случае он нападает на английский антиинтеллектуализм – только иностранцы в Лондоне Чуковского читают ради своего удовольствия. По мнению одесского корреспондента, английский буржуа был примитивен и не имел духовной жизни, олицетворением его служила никчемная и невежественная «женщина среднего класса»[28], круг интересов которой ограничивался хозяйством, собственной моральной чистотой и книгой церковных гимнов. Студенты оказывались не лучше: им было наплевать на все, кроме «новостей со скачек» и «кто есть кто в футболе». Механизация и узкая специализация убили национальный дух, породивший любимых Чуковским Китса, Шелли и Браунинга. Он яростно выступает против одержимости семейным очагом и бизнесом, а миссис Гранди (воплощение внешней благопристойности, буржуазного общественного мнения) появляется в его корреспонденциях с пугающей частотой: театральная цензура англичанина, его ханжество в отношении сексуальных вопросов, его лицемерие – все подвергается осуждению.

Читая заметки Чуковского, снова слышишь, хотя и с иностранным акцентом, критические аргументы Раскина, Морриса, Харди, Уайльда, Шоу, Джорджа Мура, а также социалистов конца XIX века. Такие явления, как преследование по закону за нарушение обещания жениться, противозачаточные средства, протесты против вивисекции, спиритизм, «армия спасения», протестантская теология, ужасают его. Политические темы, например, тарифная реформа[29], женщины в парламенте, конкуренция в международной торговле, немедленно вызывают резкие суждения в отношении имеющегося порядка вещей.

Он посещает собрания в Эссекс-холле и Гайд-парке, и они не производят на него впечатления; он ходит на лекции и в группы любителей чтения в Рабочем колледже и разбавляет свое восхищение оговорками; он часто ходит в театры, критикуя засилье мелодрамы и акцент на зрелищность и спецэффекты. Он посвящает длинную статью печальному состоянию английской драматургии: трагедия умерла на родине Шекспира, серьезные драматурги – Уайльд, Шоу и Пинеро – игнорируются, цензура душит все сто́ящее, а авангардных иностранных влияний просто не существует. Он скорбит по поводу английского невежества в отношении новых континентальных веяний в литературе, философии и драматических искусствах: имена Ибсена, Ницше, Метерлинка, Чехова неизвестны, сокрушается Чуковский. Тот факт, что смерть Чехова в 1904 году прошла совершенно незамеченной британской прессой, глубоко его уязвил, и он помнил об этом до конца своей жизни. Недостаток интереса в Британии к русской литературе обсуждается им в отдельной статье.

Была еще одна тема, с которой Чуковский столкнулся тогда лицом к лицу в первый раз, но которой суждено было иметь громадные последствия для его творчества. Большая часть его зрелых критических работ следующие 20 лет будет посвящена раскрытию действия рыночных механизмов, массовому читателю и массовому писателю русского эквивалента Граб стрит[30], детективным романам и романам ужасов, рекламе, порнографической литературе, новому кинематографу и популярной детской литературе. Именно опыт пребывания в Лондоне сформировал интерес Чуковского к массовой культуре, ставшей его отличительной темой в литературной критике: от провокационного и важного «Ната Пинкертона и современной литературы» 1908 года до незаконченной работы «Триллеры и чиллеры» 1969 года. Возможно, как утверждают его биографы, в России он первым серьезно воспринял городскую популярную культуру, но в Англии эта тема доминировала в периодической печати уже со второй половины XIX века, и Чуковский впервые обратил на нее внимание именно там, наверняка подражая подходу тех журналов, которые он так внимательно прочитывал. Одна из его корреспонденций была названа «Английские клерки и “Тит-Битс”»[31] и посвящалась любимому мальчику для битья поздневикторианских и эдвардианских культурных комментаторов: «новому журнализму» и его злополучной аудитории в лице представителей *lower-middle class* (нижнего среднего класса)[32]. Английский книжный рынок, жаловался Чуковский в другой статье, наводнен памфлетами и разнообразным сенсационным чтивом об убийствах и привидениях. Он и представить себе не мог, что всего через десять лет лично встретится с Хармсвортом, родоначальником английской

бульварной прессы, впоследствии ставшим лордом Нортклифом, владельцем газетной империи.

Первое мнение Чуковского об Англии было, разумеется, предвзятым – гораздо более критичным, чем любая его реакция в более позднее время. Но пока он одной рукой писал обвинительные статьи, другой рукой он, образно выражаясь, продолжал поглощать английскую литературу, предпринимая активные попытки обучить свою жену английскому языку и посылая домой драгоценные открытки с фотографиями Киплинга, Спенсера, Уоттса и Раскина. В целом Англия оставалась литературным идеалом Чуковского, и нелестные впечатления первого визита со временем сгладились под влиянием идеализирующей ностальгии. В 1925 году, после нескольких невероятно трудных, голодных лет он писал Т. Ломоносовой (сын которой учился в школе в Рединге): «Я завидую Вам страшно», «Изо всех стран на свете я больше всего люблю Англию. В Рединге я был молодой и влюбленный. Может быть, поэтому он кажется мне обаятельным»[33]. В 1904 году он находил Рединг каким угодно, только не обаятельным: город произвел на него такое безнадежное и гнетущее впечатление, что Чуковский спрашивал себя в дневнике, насколько же высок там уровень самоубийств[34]. А вот спустя 21 год он уверял что «Англия – это мечта моей жизни». Несмотря на нищету своего существования там, он «влюбился в этот город [Лондон] любовью бездомной собаки». «Я самым романтическим образом до сих пор люблю англичан, даже их *cant* [ханжество], даже их снобизм...»[35]

Значительную часть своей жизни Чуковский посвятил переводу и редактированию английских, ирландских и американских авторов. Он возглавлял англо-американский отдел в издательстве «Всемирная литература», основанном Горьким в 1918 году. В те же годы он начал и свою влиятельную работу о принципах литературного перевода и основал недолго просуществовавший журнал «Современный Запад», предшественник более поздней и хорошо известной «Иностранной литературы». Три тома дневника Чуковского, который он вел с 1901 по 1969 год, предлагают нам отличную возможность познакомиться с жизнью, посвященной чтению, а поток ссылок на английских писателей не иссякает даже в самые тяжелые периоды – во время революции, Гражданской войны, Второй мировой войны. Собственная критическая практика Чуковского во многом сложилась по английскому образцу. Он ввел в русскую критику парадокс, афоризм, неформальное, разговорное эссе, или беседу. Он восхищался любовью англичан к биографиям, а его излюбленный прием состоял в соединении двух равнозначных частей: биографической и формалистической – анализ формы всегда выливался в разбор характера.

Хотя в своем отношении к Англии Чуковский колебался между предельным отвращением и восхищением, ко времени своего третьего визита он успел познакомиться с полным срезом британского общества: от рабочих-самоучек, опустившихся алкоголиков и обитателей дешевых пансионов до представителей влиятельной интеллигенции и аристократов. Немногие из русских путешественников могли этим похвастаться.

Примечания

1 *Bérlin I.* Personal Impressions, ed. Henry Hardy. London: Hogarth Press, 1980. P. 166; *Ransome Arthur.* Six Weeks in Russia in 1919. London: G. Allen & Unwin, 1919; *Wells H. G.* War and the Future: Italy, France and Britain At War. London, 1917. Чуковский организовал встречи Уэллса (1920 г.) и Бéрлина (1945 г.) во время их приездов в Советский Союз. Поток посещавших Чуковского британских и американских академиков только увеличился в шестидесятых годах.

2 Сэр Сесил Морис Баура (*Sir Cecil Maurice Bowra*, 1898–1971) – английский специалист по античной филологии, переводчик русской поэзии. (*Прим. ред.*)

3 Оливер Элтон (*Oliver Elton*, 1861–1945) – литературный критик, профессор английской литературы и переводчик русской поэзии.

4 *Чуковский К.* Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне. Птг., Маркс А.Ф., 1915.

5 *Чуковский К.* Собрание сочинений. Т. 14. М.: Терра-Книжный клуб, 2006. С. 380.

6 *Чуковский К.* Англия накануне победы. Птг., Маркс А.Ф., 1916. Отрывок, наряду с выдержками из отчетов Толстого и Набокова, воспроизведен в книге О.А. Казниной и А.Н. Николюкина «Я берег покидал туманный Альбиона… Русские писатели об Англии. 1646–1945». М., Росспен, 2001.

7 СС 13: 322–3.

8 См.: *Чуковский К.* Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., Премьера, 1999. С. 247, 249, 262, 264, 266, 268 и в разных местах.

9 СС 14: 386.

10 СС 14: 387.

11 *Chukovsky Korney.* Thoughts on Receiving an Honorary Degree at Oxford//The Oxford Magazine. 1962. 31 May: 341.

12 СС 13: 328.

13 СС 13: 329.

14 *Казнина О.А.* Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. С. 185.

15 СС 13: 331.

16 Помимо нескольких его детских стихотворений, переведенных на английский язык и выпущенных в Москве советскими издателями, были осуществлены такие издания: «Crocodile», с оригинальными русскими иллюстрациями, перевод Babette Deutsch (London: Elkin Matthews & Marrot, 1932); «Chekhov The Man», перевод Pauline Rose (London: Hutchinson, 1943); «From Two to Five» перевод и редакция Miriam Morton (Berkeley: University of California Press, 1963) и более поздние издания;

«Crocodile, Based on a Poem by Kornei Chukovsky», стихи Richard Coe, иллюстрации Alan Howard (London: Faber and Faber, 1964); «Doctor Concocter», свободная адаптация Richard N. Coe русской поэмы «Айболит» Корнея Чуковского, иллюстрации William Papas (London: Oxford University Press, 1967); «The Day the Crocodile Stole the Sun: A Fairy Tale», английский текст Richard Sadler, иллюстрации Gurtzig (Sadler & Brown, 1967); «The Silver Crest: A Russian Boyhood», перевод Beatrice Stillman (Oxford: Oxford University Press, 1977); «The Poet and the Hangman: Nekrasov and Muravyov», перевод R. W. Rotsel (Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1977); «Good Morning, Chick», адаптация Mirra Ginsberg рассказа Корнея Чуковского, иллюстрации Byron Barton (London: Transworld, 1980); «Alexander Blok as Man and Poet», перевод и редакция Diana Burgin и Katherine O'Connor (Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1982); «The Art of Translation: Kornei Chukovsky's A High Art», перевод и редакция Lauren G. Leighton (Knoxville: University of Tennessee Press, 1984); «Telephone», перевод и адаптация Jamey Gambrell, рисунки Vladimir Radunsky (London: №rth-South Books, 1996); «Diary, 1901–1969», редактор Victor Erlich, перевод Michael Henry Heim (London: Yale University Press, 2005).

17 *Bérlin I*. The Soviet Mind: Russian Culture Under Communism/Ed. Henry Hardy (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004). P. 14. Эдвард Лир (1812–1888) известный английский автор абсурдистских лимериков.

18 CC 13: 334.

19 CC 13: 337.

20 CC 11: 28.

21 Начальные школы являлись государственными учебными заведениями, созданными в соответствии с Законом о народном образовании от 1870 года, через них прошло большинство детей из рабочих семей.

22 См.: *Rose J*. The Intellectual Life of the British Working Classes. London: Yale University Press, 2001.

23 CC 11: 98.

24 CC 13: 329.

25 Бедный район Лондона, где на рубеже веков жило много эмигрантов.

26 CC 11: 457.

27 Дворец из железа и стекла, построенный к Всемирной Лондонской выставке 1851 года, символизирующий прогресс, позже использованный для выставок, концертов и народных увеселений.

28 CC 11: 452.

29 Эдвардианское протекционистское движение, которое имело целью превратить Британскую империю в единый торговый блок, чтобы защитить внутренний рынок от дешевых иностранных товаров.

30 Улица в Лондоне, название которой стало нарицательным для обозначения литературных поденщиков, «желтых» журналистов и т.д.

31 Еженедельный журнал, основанный в 1881 году, одно из первых изданий «желтой» прессы в Англии.

32 CC 11: 441–4.

33 CC 14: 620.

34 CC 11: 94.

35 CC 14: 621.

КОСМОНАВТ БЫКОВСКИЙ НА БРИТАНСКОЙ «ОРБИТЕ»

Константин Шлыков

В первые годы космической эры каждый человек, побывавший на орбите, воспринимался в мире как настоящая суперзвезда, независимо от того, был ли он советским космонавтом или астронавтом из США. Огромный интерес успехи СССР в космосе вызывали и в Великобритании. Ведь как известно, Соединенное Королевство, обладая передовой авиапромышленностью, сознательно отказалось от собственной космической программы и не участвовало в «космической гонке»[1]. Возможно, этот фактор также подогревал интерес британцев, не имевших собственных героев космонавтики, к космическим достижениям СССР.

Для СССР успехи в космосе и международные турне первых космонавтов можно назвать примером удачного применения того, что сейчас называют «мягкой силой» – повышения авторитета страны благодаря ее культурным, научным, спортивным достижениям, ведь космонавты воспринимались за рубежом не только как герои-первопроходцы, но и как представители своего государства.

Валерий Федорович Быковский совершил свой первый полет в июне 1963 года, установив рекорд – пять суток одиночного пребывания в космосе. Впоследствии космонавт совершил еще два космических полета. Поездка Валерия Быковского в Великобританию в 1967 году была одним из более двухсот визитов космонавтов первого набора в разные страны мира. Прибыв в Лондон 19 октября, он меньше чем за неделю объехал всю страну по маршруту Манчестер-Лондон-Глазго-Эдинбург-Манчестер-Лондон и вернулся в Москву 26 октября. Быковского принимали на самом высоком уровне: в его честь устраивали приемы мэры Лондона, Манчестера и Глазго, в Лондоне были организованы встречи со спикером Палаты общин и

министром науки. В программу также вошли посещения Королевского общества (британской академии естественных наук) в Лондоне, завода «Роллс-Ройс» в Шотландии, химических предприятий в Манчестере и знаменитого радиотелескопа «Джодрелл Бэнк», где космонавт встретился с директором Бернардом Ловеллом, который, по его более позднему признанию, был благодарен Советскому Союзу за его космическую программу[2]. Самый большой резонанс приезд космонавта вызвал в Шотландии. Газеты помещали восторженные материалы, в том числе фотографии и репортажи о его разговоре с пенсионеркой Элизабет Росботам на Джордж-сквер в Глазго, отметив, что языковой барьер не стал препятствием для взаимопонимания[3]. Нашлось место и политическим инициативам: лорд-провост (мэр) Глазго Джон Джонстон предложил сделать близлежащий замок Калэйн (*Culzean*) местом встречи для лидеров СССР и США, ведь Шотландия удобно расположена на полпути между Америкой и Россией[4]. Понравилось жителям Глазго и то, что Быковский с готовностью разговаривает о футболе (космонавт болел за киевское «Динамо»)[5]. Впрочем, газеты по всей Британии писали о самом теплом приеме, который британцы оказывали гостю из СССР.

Космонавт был почетным гостем на празднованиях 50-летия Октябрьской революции, которые проводились отделением Общества англо-советской дружбы в Манчестере, Обществом англо-советской дружбы в Лондоне в помещении знаменитого лондонского зала Альберт-холл и Обществом «Шотландия – СССР» в Эдинбурге. В программке юбилейного вечера в Альберт-холле основное место было уделено биографии Быковского, однако содержалось в ней и немало рекламы, в том числе Интуриста, книг и фильмов об СССР, фотоаппарата «Зенит» (весьма популярного тогда на Западе, несмотря

на достаточно высокую цену), и поздравлений от торгующих с Советским Союзом компаний[6]. И в Лондоне, и в Эдинбурге проводился праздничный концерт с участием советских артистов К. Георгяна, А. Слободяника, Э. Грача, В. Даунораса, А. Малолетковой. Помимо многочисленных пресс-конференций, В. Быковский принял участие в передаче Би-би-си «Ночное небо», организовавшей телевизионное включение из североирландского планетария Армах – таким образом турне затронуло и эту удаленную часть Соединенного Королевства. Судя по поступившему в посольство СССР благодарственному письму, любители астрономии из Ольстера также с огромным интересом слушали Быковского.

25 октября в честь Быковского прошел прием в посольстве СССР, при этом большая часть приглашений (почти две трети) досталась муниципальным властям и обществам дружбы, научным учреждениям и дипломатическим миссиям. Это подчеркнуло направленность визита на контакты с самой широкой аудиторией британцев – то, что потом назовут «народной дипломатией». И хотя слова профессора Лайтхилла из Королевского общества могут показаться традиционным «протокольным» высказыванием, они полностью отразили действительность: «Подполковник Быковский облетел вокруг Земли, а теперь путешествует по земному шару для укрепления дружбы между народами, включая народы Советского Союза и Британии»[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В 1971 году был запущен один полностью британский спутник «Просперо», после чего работы были свернуты.

2 После запуска первого спутника в 1957 году обсерватория начала получать щедрое госфинансирование (http://www.bbc.co.uk/manchester/content/articles/2007/09/20/051007_jodrell_factfile_feature.shtml).

3 Space for three//Scottish Daily Express. 1967. 25 oct.

4 Там же.

5 Out of the blue//Scottish Daily Mail. 1967. 25 oct.

6 USSR 50th birthday celebrations – souvenir programme – библиотека Посольства России в Великобритании.

7 Информационное сообщение cousins SIB/1723, October 23.

О ПРОЕКТЕ

Эта книга создана в рамках проекта «Русское присутствие в Британии». Проект собирает и публикует материалы, связанные с наследием российской культуры и российской диаспоры в Великобритании. В центре внимания находится то воздействие, которое русская культура оказала и оказывает на британское искусство, политику и науку, в том числе благодаря присутствию в этой стране россиян и эмигрантов из России. Несмотря на постоянно растущий в последние годы объем информации, посвященной российской эмиграции и осознанию ее как части российской культуры, тексты и научные данные остаются разрозненными, не всегда доступными материалами. Как первая книга проекта данный сборник предпринимает попытку воссоздать многогранность картины русского присутствия в Британии на протяжении веков.

ОБ АВТОРАХ

Энтони Кросс, профессор *Emeritus* Кембриджского университета, член Британской академии и почетный доктор Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, возглавлял отделение Славистики Кембриджского университета с 1985 года на протяжении семнадцати лет и был старшим членом Фицуильям колледжа. Автор более двадцати книг и трехсот статей, опубликованных в Британии и России. Его труды в области истории России XVIII века и англо-русских культурных связей имеют международную известность, в том числе книга «На берегах Темзы: русские в XVIII веке в Британии», переведенная на русский язык.

Ольга Анатольевна Казнина, доктор филологических наук, сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ), профессор Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей России. Основные науч-

ные интересы: русско-английские литературные связи, литература и философия русского зарубежья. В настоящее время готовит к переизданию книгу «Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века» (1997), а также пишет новую монографию «Религиозно-философская мысль русского зарубежья и литература», где будет раскрыт вклад русских мыслителей в разработку философии творчества.

Оксана Алексеевна Моргунова (Петрунько), доктор философии, занимается проблемами современной русскоязычной миграции в Британии. Преподает в университете Глазго (Шотландия). Является соавтором проекта «Русское присутствие в Британии».

Екатерина Борисовна Рогачевская, кандидат филологических наук, заведующая русскими фондами Британской библиотеки. Среди недавних публикаций *«The Collection of Russian Emigre Literature (1853–1917) in the British Library»* (2006); «Набоков в Интернете» (2006); «История формирования славянских коллекций в Британской библиотеке (по архивным материалам: 1837–1900 годы)» (2008). Автор и редактор раздела «Книга в славянском мире» в *«Oxford Companion to the Book»* (под ред. М. Суареца и Г. Вудхаузена, 2010), участвовала в проекте по изучению редакционного архива журнала «Современные записки» (2010, в печати).

Роберт Хендерсон много лет работал в Британской библитеке, в том числе в качестве куратора Русской коллекции. Получил степень доктора философии в университе Куин Мэри (часть университета Лондона). Среди его публикаций «Ленин в библиотеке Британского музея» (1991); *«Russian Political Émigrés and the British Museum Library»* (1991); *«William Plate, An Unknown Acquaintance of Karl Marx at the British Museum: a biographical sketch»* (2005); *«International Collaboration in the Persecution of Russian Political Émigrés: The European Pursuit of Vladimir Burtsev»* (2009).

Джин Тернер в прошлом архитектор, ныне ответственный секретарь и попечитель *Society for Co-operation in Russian and Soviet Studies.* Является Почетным секретарем общества на протяжении 24 лет. Возглавляя работу общества в советские и постсоветские годы, много сделала для продолжения существования этой организации. Благодаря ее личным усилиям были сохранены уникальная библиотека и архивы общества.

Китти Хантер-Блэр-Стидуорти преподавала русский язык и литературу в Кембриджском универстиете более двух десятилетий. На протяжении пятидесяти лет – член совета Пушкинского клуба. В настоящее время – попечитель возрожденного культурного центра «Пушкинский Дом». Китти Хантер-Блэр известна как перевод-

чик русской и советской литературы. Среди ее переводов произведения Анд. Тарковского (*Sculpting in Time, Time within Time*) и киноэпопея «Андрей Рублев». А также переводы Островского, Чехова, Горького и Солженицына для театра Ройал Шекспир Компани (в соавторстве с Джереми Брукс), произведений Достоевского, Толстого и Чехова для Би-би-си, поэзии Пушкина (1999) и Арсения Тарковского (2000). Статья об истории Пушкинского дома для данного сборника была написана автором на русском языке.

Михаил Борисович Кизилов закончил исторический факультет Симферопольского государственного университета. В 2007 году получил степень доктора философии в области современной истории в Оксфордском университете. В сферу его научных интересов входит история евреев эпохи Александра I, а также русской общины Оксфорда.

Вячеслав Павлович Шестаков, доктор философских наук, заведующий сектором теории искусства Российского института культурологии, профессор кафедры истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, заслуженный деятель культуры Российской Федерации. Основные научные интересы связаны с философскими вопросами культуры и, в связи с этим, с русско-британскими взаимоотношениями и русской эмиграцией. В 2009 году вышла его книга «Русские в британских университетах», в настоящее время готовятся к публикации следующие книги: «Английская литература и английский характер» и «Тайное очарование прерафаэлитов».

Дэвид Сондерс, профессор университета Ньюкасла, занимается историей Российской империи, российско-британских отношений, в том числе историей англо-российских отношений в северных водах в период 1880–1930 годов. Среди его работ *«The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850», «Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881»* и статьи по различным аспектам русской и украинской истории.

Светлана Георгиевна Зверева – старший научный сотрудник Государственного института искусствознания в Москве, кандидат искусствоведения. Дирижер и художественный руководитель хора *Russkaya Cappella*, регент церкви во имя Св. Кентигерна Сурожской епархии в городе Глазго. Среди ее работ «Александр Кастальский: идеи, творчество, судьба» (1998), *Alexander Kastalsky: his Life and Music* (2003). Основатель и один из редакторов-составителей многотомной серии «Русская духовная музыка в документах и материалах (1998–2007)». Занимаясь историей русских зарубежных диаспор, заканчивает монографию «Русское православное музыкальное Зарубежье: история и источники».

Стюарт Кэмпбел, доктор философии, в течение 24 лет работал в университете Глазго и был музыкальным директором часовни университета. Его публикации посвящены российским композиторам XIX века и Стравинскому, а также аспектам британской и шотландской музыки того же периода. В издательстве Кембриджского университета была опубликована двухтомная антология «Русские о русской музыке», составителем, переводчиком и автором комментариев которой стал С. Кэмпбел. В настоящее время его научные интересы лежат в сфере истории русской музыкальной эмиграции. Кроме этого, он выступает как органист и музыкальный руководитель хора *Russkaya Cappella* (Шотландия).

Розалинд П. Блейксли (Грей), доктор философии, старший преподаватель кафедры истории искусств и член Пембрукского колледжа в университете Кембриджа. Среди ее публикаций *«Russian Art and the West»* (со-редактор и автор, 2007), *«The Arts and Crafts Movement»* (2006), *«An Imperial Collection: Women Artists from the State Hermitage Museum»* (со-редактор и автор, 2003), *«Russian Genre Painting in the Nineteenth Century»* (под девичьей фамилией Грей, 2000). Была куратором выставок в Лондоне, Москве и Вашингтоне. Сейчас работает над новой книгой о русской живописи и меценатстве в период 1757–1881 годов.

Джон Келлоу, доктор философии, заведующий архивами Маркс Мемориал Лайбрари в Лондоне, член Королевского общества искусств. Он является автором семи книг по истории и культуре, неоднократно путешествовал по России и Советскому Союзу. В настоящее время работает над книгой о Максиме Горьком.

Валерий Всеволодович Керов, доктор философских наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, член научного совета РАН по проблемам отечественной и мировой экономической истории. Специалист в области истории российского предпринимательства, автор ряда учебников по истории России, а также монографий «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства» (2004), «Российская деловая культура: история, традиции, практика» (1998, в соавторстве).

Граф Николай Дмитриевич Толстой-Милославский, глава старшей ветви Толстых и Милославских, писатель и историк, член Королевского общества по литературе, приглашенный профессор Государственного колледжа Утан Вэлли. Был награжден Интернэшнл Фридом Эворд (США) «за бесстрашное стремление рассказать правду о жертвах тоталитаризма и искажений истины» (1987). В январе 1993 года был произведен в есаулы (капитаны) Московского казачьего круга, а в 1996 году был награжден церемониаль-

ной саблей и званием Почетного терекского казака. Граф Толстой-Милославский имеет гражданство России и Британии.

Дэрмид Ганн, поступив кадетом в Королевский военно-морской колледж в 1949 году, служил морским офицером и принимал участие в военных действиях на Дальнем Востоке и в Средиземноморье. В 1960-х годах работал на дипломатической службе в Москве. Выйдя в отставку, он был директором Шотландской Национальной сельскохозяйственной ассоциации и стал кавалером Ордена Британской империи за свою работу. Он также был председателем Шотландского отделения Ассоциации Великобритания – СССР, председателем Клуба Вальтера Скотта, а сейчас является вице-президентом Шотландско-Русского форума. Дэрмид Ганн – автор нескольких циклов лекций и статей о литературных, политических и религиозных деятелях, а также управляющий литературным наследием своего дяди, выдающегося шотландского писателя Нила М. Ганна.

Стюарт Халс – муж Александры Оболенской, племянницы выдающегося спортсмена князя Александра Оболенского. И С. Халс, и А. Оболенская работали в области масс-медиа, маркетинге и рекламе. В семидесятых годах Халс создал успешную консалтинговую компанию на Флит стрит в Лондоне. Он пишет стихи и увлекается спортом. Сейчас супруги создали бутик подарков и сувениров в Фарнэме (Farnham, Surrey). Стюарт Халс в данный момент готовит к изданию книгу о князе Александре Оболенском (в соавторстве).

Анна Владимировна Ванинская, доктор философии (Оксфорд), преподаватель викторианской литературы в Эдинбургском университете, автор статей по литературе, истории и политике Англии XIX и XX веков. В настоящее время готовит к изданию книгу *«William Morris and the Idea of Community: Romance, History, and Propaganda 1880–1914»*.

Константин Владимирович Шлыков, первый секретарь Посольства России в Великобритании. В 2000 году закончил МГИМО по специальности «Международные отношения» и курсы Общества международных исследований (Мадрид). Работал в Посольстве России в Испании, в Департаменте по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России, а с 2006 года – в Посольстве России в Великобритании.

Переводчики

Статьи сборника были переведены Еленой Владимировной Дод, Евгенией Александровной Дубовой, Софьей Сергеевной Дубовой

и Наталией Васильевной Агеевой, которая также участвовала в составлении одной из статей.

Мы благодарим организации, специалистов и ученых за помощь в создании сборника, в том числе:

British Library, Dorich House, English Heritage, Kenwood House, Marx Memorial Library, Pushkin House (London), RIA-Novosti, Slavonic and East European Review, Society for Co-operation in Russian and Soviet Studies, Лондонский Курьер, Международный Институт Социальной Истории.

Дарью Авдееву, Ольгу Германович (млад.), о. Михаила Дудко, Веру Евстафьеву, Никиту Лобанова-Ростовского, Олега Сепелёва, Юлию Сычеву, Шамиля Хаирова, Елену Чельцову, Ивана Чельцова, Константина Шлыкова.

John Callow, Anthony Casdagli, John Cunningham, Ralph Gibson, Gwyneth Gosling, Laura Houliston, Kitty Hunter-Blair-Stidworthy, Brenda Martin, Valerie Solloghub, John Massey-Stuart, Barbara Wyllie.

Книга издана при поддержке Посольства России в Великобритании и Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В БРИТАНИИ

Серия «Русское присутствие в Британии»

Составители: Н.В. Макарова и О.А. Моргунова (Петрунько)
Научный консультант: проф. Э. Кросс

Компьютерная верстка: *Д. Зотов, Т. Балабанова*
Корректура: *Т. Акулова*
Дизайн-макет: *Д.А. Зотов*

Подписано в печать 25.12.2009.
Формат 175 × 250. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Mysl». Усл. печ. л. 17, 0. Уч.-изд. л. 17,5.
Заказ № 23

Издательство «Современная экономика и право»
117218, Москва, ул. Б. Черёмушкинская, д. 34
E-mail: nalogi@ropnet.ru
www.nalog-pravo.ru
Тел./факс: (495) 120-0095

Отпечатано
в ООО «Марийское рекламно-издательское полиграфическое предприятие»
424020, г. Йошкар-Ола, ул. Машиностроителей, д. 8г